

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

8
часть 2
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018.

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: igor_sharonov@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

электронный адрес: igor_sharonov@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinsky, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (art studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domansky, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetsky, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

I.A. Sharonov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлесская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

И.А. Шаронов, доктор филологических наук, доцент (РГГУ)

CONTENTS

<i>Vladimir I. Karasik</i>	
Face and reputation: linguistic and cultural characteristics	170
<i>Vera I. Zabolotkina</i>	
Personality creativity in language and communication	182
<i>Igor A. Sharonov</i>	
Pragmatic meanings of proverbs in dialogue	193
<i>Olga A. Suleimanova, Irina V. Tivyaeva</i>	
Figure of <i>Other</i> in academic discourse	207
<i>Liudmila L. Fedorova</i>	
The face under the mask and without it, or Why the brother-in-law squints his eyes?	224
<i>Nadezhda N. Shpil'naya, Elena N. Skubieva</i>	
Intertextual level in the structure of a linguistic personality as a native speaker of a dialogical linguistic ability	240
<i>Irina I. Baklanova</i>	
The identity of the author of a scientific text from the perspective of the sender and recipient	253
<i>Svetlana L. Nistratova</i>	
Specific characteristics of <i>Ty</i> -/ <i>Vy</i> -forms in Russian and Italian language and cultures	266
<i>Irina V. Vysotskaya</i>	
Kinds of "complexion": a linguist's view	281
<i>Fatameh Ahmadi Beni</i>	
Taarof in Iranian speech etiquette	299

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.И. Карасик</i> Лицо и репутация: лингвокультурные характеристики	170
<i>Вера И. Заботкина</i> Креативность личности в языке и коммуникации	182
<i>Игорь А. Шаронов</i> Прагматические значения пословиц в диалоге	193
<i>Ольга А. Сулейманова, Ирина В. Тивьяева</i> Личность Другого в академическом дискурсе	207
<i>Людмила Л. Федорова</i> Лицо под маской и без, или Почему шурин глаза щурит?	224
<i>Надежда Н. Шпильная, Елена Н. Скубиёва</i> Интертекстуальный уровень в структуре языковой личности как носителя диалогической языковой способности	240
<i>Ирина И. Бакланова</i> Личность автора научного текста с позиций отправителя и получателя текста	253
<i>Светлана Л. Нистратова</i> Особенности функционирования ты-/Вы-форм в русской и итальянской лингвокультурах	266
<i>Ирина В. Высоцкая</i> Каким бывает «цвет лица»: взгляд лингвиста	281
<i>Фатэмэ Ахмади Бэни</i> Таароф в иранском речевом этикете	299

Лицо и репутация: лингвокультурные характеристики

Владимир И. Карасик

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Москва, Россия, vkarasik@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются репутация и лицо как эмоциональная и рациональная оценка и самооценка человека, фиксирующие уважение к нему и его самоуважение. Важнейшие характеристики уважения и неуважения состоят в деонтическом характере такого отношения, в дифференциации уважения/неуважения и любви/неприязни, при этом рациональный компонент этого сложного чувства надстраивается над эмоциональным. О самоуважении говорится в ситуациях, когда оно оказывается под угрозой. Описания репутации обычно содержат выраженное или выводимое основание для соответствующей оценки человека. Репутация человека может быть маской, под которой скрываются подлинные мотивы поведения. Соотношение уважения/неуважения и репутации в целом сводится к противопоставлению процессуально-содержательного и результативно-формального аспектов отношения к тому или иному человеку, группе лиц или организации. Репутация соотносится с внешними знаками – добрым или дурным именем кого-либо. Для речеактового описания репутации и лица актуальным оказывается противопоставление искреннего либо формального поведения в условиях угрозы для уважения или самоуважения личности. Осмысление сохранения лица в значительной мере обусловлено нормами определенного общества в определенную эпоху.

Ключевые слова: лицо, репутация, уважение, самоуважение, ценности, нормы

Для цитирования: Карасик В.И. Лицо и репутация: лингвокультурные характеристики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 170–181. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-170-181

Face and reputation: linguistic and cultural characteristics

Vladimir I. Karasik

*Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia,
vkarasik@yandex.ru*

Abstract. The paper deals with reputation and face treated as emotional and rational evaluation and self-evaluation of a person correlating with their respect and self-respect. The most important features of respect/disrespect reflect its deontic character and focus on the correlation of respect/disrespect and affection/disaffection. The emotional component of this attitude is its basis, whereas the rational component is its addition. The feeling of self-respect is actualized if it may be threatened. The descriptions of reputation usually contain expressed or inferred motivation for such attitude. Reputation may be a masque meant to hide real motives of behavior. The correlation between respect/disrespect and reputation may be presented as an opposition of process Vs result and content Vs form when we describe the attitude to a person, or group, or organization. Reputation is connected with external signs – someone's good or bad name. A speech act description of reputation and face includes the contradistinction of sincere and formal behavior in a situation of a threat to respect and self-respect of a person. Conceptualization of face is predominantly determined by the norms of certain communities in a certain epoch.

Keywords: face, reputation, respect, self-respect, values, norms

For citation: Karasik, V.I. (2022), "Face and reputation: linguistic and cultural characteristics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 2, pp. 170–181, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-170-181

Репутация представляет собой сложившееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого-либо, обусловленное поступками этого человека. Для того чтобы заслужить хорошую репутацию, обычно прилагаются определенные усилия. Неблаговидные поступки ведут к потере репутации, такого человека перестают уважать, с ним не считаются, ему не доверяют. Наряду с репутацией, т. е. оценкой человека со стороны других людей, существует самооценка индивида, для этого используется термин «лицо» – мнение человека о самом себе. В определенных ситуациях человек сохраняет свою репутацию и не теряет лица, в других ситуациях имеет место потеря и репутации, и лица, но в ряде случаев некто сохраняет репутацию, теряя при этом лицо, либо сохраняет

лицо, жертвуя своей репутацией. Эти четыре базовых корреляции имеют коммуникативное выражение, могут быть описаны и проинтерпретированы и имеют определенную этническую и/или социальную лингвокультурную специфику.

Для описания осмысления репутации и лица в языковом сознании целесообразно построить фрейм соответствующей ситуации, включающий в качестве пресуппозиции знание об определенных поступках человека или группы людей и выражаемое мнение окружающих об этих поступках. Такое мнение сводится к уважению либо неуважению. В когнитивном плане мнение трактуется как субъективное (личностное) знание, важнейшей разновидностью которого является выражение оценки [Дмитровская 1988]. Соотношение уважения/неуважения и репутации в целом сводится к противопоставлению процессуально-содержательного и результативно-формального аспектов отношения к тому или иному человеку, группе лиц или организации. Репутация соотносится с внешними знаками – добрым или дурным именем кого-либо.

Заслуживает внимания тонкое наблюдение Н.Д. Арутюновой о двух принципиальных разновидностях Другого: в первом случае имеется в виду друг, партнер, ближний и помощник, во втором актуализируется «граница, разделяющая Я (Эго) и Другого» [Арутюнова 2000, с. 55]. Осмысление репутации относится ко второму аспекту понимания Другого.

В обиходном сознании уважение осмыслено как признание значимости достижений и заслуг кого-либо. В русском коммуникативном сознании эмоциональное и рациональное отношение к объекту уважения представлено синкретично, при этом в толковых словарях уважение определяется как почтение, а почтение как уважение: *уважение – чувство почтения, основанное на признании достоинств, высоких качеств кого-, чего-либо* (БТС). В англоязычной лингвокультуре объяснение уважения сводится к индикаторам admiration (чувство восхищения) и consideration (признание важности кого-, чего-либо и стремление избежать причинения какого-либо ущерба этому объекту) (LDCE). Внутренняя форма русского слова «уважение» сводится к идее веса, весомости (Черных), английского “respect” – к идее внимательного рассмотрения, “esteem” – к идее оценки (Klein). Осмысление феномена уважения детально разработано в этике. В англоязычной научной литературе стандартным является противопоставление двух типов уважения: appraisal respect – recognition respect [Darwall 1977]. Противопоставление оценки и признания фиксирует закрепленное в языке соотношение между эмоциональным и рациональным мировосприятием. Философско-этическое по-

нимание уважения сводится к следующим тезисам: 1) это сугубо человеческий признак отношения к реальности, у животных есть чувства, но нет морали; 2) это осмысленная, а не помимовольная неконтролируемая реакция; 3) это учет мнений других людей, выход на объективную оценку; 4) это оценка, обусловленная качествами оцениваемого объекта [Hill 1998; Dillon 2003; Grill 2015]. Перед нами различные характеристики акцентированного рационального отношения к объекту уважения. Самоуважение в этом плане трактуется как рефлексивная разновидность уважения [Middleton 2006; Bird 2010].

Обратимся к иллюстрациям использования лексических обозначений уважения, самоуважения, репутации и лица в русском языке на основании данных Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Применительно к осмыслению уважения в русской лингвокультуре значимым является подчеркивание модальности должностования как объективного основания для такого отношения:

Он сделал правильные вещи, заложил основы роста, мы должны уважать его за это (Д. Соколов-Митрич).

А она как фыркнет: «Вот еще! очень нужно!» А я говорю: «Бабеньку уважать надо! Бабенька помрет, может наследства лишит» (Н. Тэффи).

Но что-то в нем есть такое, что вынуждает окружающих уважать его, и это уважение мешает им жить так, как они хотят, и они за это его часто ругают (Ф. Искандер).

Уважение понимается как признание права человека вести себя определенным образом. При этом такое признание получает дополнительную отрицательную оценку, это отношение может быть выражено в уступительной конструкции: хотя субъекту кто-то не нравится, он вынужден выражать уважение к такому объекту. Рациональное объяснение необходимости проявления уважения содержит объяснение для такого поведения.

Актуальным является противопоставление любви и уважения:

По крайней мере близкие мне люди, которых я хотела не только любить (я их очень любила!), но и уважать тоже (А. Алексин).

И нужно уважать чужой выбор, особенно если его делает человек, которого ты любишь (А. Холина).

Мать Кати считала себя современной городской женщиной, понимала, что дочь нужно не только любить, но и уважать, щадить ее права и выбор (А. Бузулукский).

Обратим внимание на то, что исходным моментом в отношении кого-либо к другому человеку является чувство любви, уважение надстраивается над этим чувством.

Заслуживают внимания высказывания, в которых ставится под вопрос право на уважение:

Нас обязаны уважать, или уважение все-таки следует заслужить?.. (Ю. Степанов).

Да за что же вас уважать, господа, коль вы, точно мыши амбарные в светлое утро, попрыгались по своим норам, и жизнь во всем своем многообразии – красоте и уродстве – протекает мимо вас, никак вас не задевая? (А. Кирилин).

Принцип уважения личности софистически переносится сначала на взгляды личности, а далее на заблуждения личности, которые, оказывается, уважать надо так же, как и саму личность (Г. Федоров).

Приведенные примеры показывают, что уважение как некая презумпция отношения к другим людям противоречит базовым житейским установкам людей.

Самоуважение иллюстрируется в высказываниях, конкретизирующих те ситуации, в которых оно оказывается под угрозой:

Да и за что же мне себя уважать, когда я дожил до старости и не сделал ничего достойного моих знаний, побуждений и способностей, а только слонялся, да разговоры разговаривал? (Н. Лесков).

Так беспокоиться о впечатлении, которое она произведет на Демидова, это себя не уважать (М. Зосимкина).

Я сделаю это!.. Или перестану себя уважать... Уже тогда я был довольно злым подростком (С. Довлатов).

Обратим внимание на явно выраженное или выводимое отрицание в приведенных примерах.

Заслуживают внимания подчеркиваемые условия самоуважения:

Любой, самый малозначащий «винтик» должен ежедневно убеждаться в своей незаменимости (иначе он перестанет себя уважать!) (А. Гладилин).

Чтобы сносно существовать, мужчина должен внутренне уважать себя более, чем уважают его окружающие (Н. Нестерова).

Эти высказывания не бесспорны: их авторы базируют свои утверждения на субъективных пресуппозициях (Кого можно счи-

тать «малозначащим винтиком»? Что значит «сносно существовать?»).

Угроза самоуважению индивида (т. е. вероятная потеря лица) выражается в сослагательных конструкциях:

Если я сейчас вернусь к тебе, то перестану себя уважать (Т. Тро-нина).

Я себя уважать не стану, если сяду играть с тобой в карты! (А. Волос).

Но я перестал бы себя уважать, если бы прозевал такой случай (В. Каверин).

Она, кажется, перестала бы себя уважать, если бы однажды у нее под диваном оказалась пыль или за шкафом – паутина (К. Чуковский).

Существует грань между осмыслением самоуважения и лица:

Нельзя доводить дело до того, чтобы одна из сторон явно одержала верх над другой, чтобы побежденный «потерял лицо», предстал униженным и оскорбленным (В. Овчинников).

Самоуважение в таком понимании является более общим концептом, чем лицо, первое включает условия и характеристики для той или иной оценки, второе сводится к результату – нанесению ущерба личности.

Применительно к характеристикам репутации, выраженным в тексте, отметим, что типичными являются высказывания, в кото-рых показана мотивированность оценки:

Репутация у них отвратительная, они надоедливы, а их проекты, в которые вложены душа и думы, часто оказываются никому не нужны (И. Дмитриев).

...у Романа была «репутация человека, бестактного в обращении с людьми» (В. Гинзбург, И. Фабелинский).

Он очень упертый и амбициозный, у него репутация человека, который ни разу за все время работы не допустил необоснованных за-держаний или обысков, поэтому понятно, что он страшно боится эту репутацию утратить (А. Маринина).

Репутация человека отражает закономерное следствие его поступков. В качестве типичных оснований для отрицательной репутации оказываются существенными характеристики неуважи-тельности индивида к другим и бессмысленности его действий, в то время как положительная репутация складывается из правильного

поведения. Обратим внимание на то, что люди трепетно относятся к сохранению своей положительной репутации:

Но стоило Ксении Собчак в ночном противостоянии один на один с Соловьевым усомниться в его человеческой и профессиональной порядочности, как он вышел из себя, и сразу стало понятно, что его репутация – его самая больная мозоль (Ю. Богомолов).

Репутация является символическим капиталом человека, по П. Бурдьё, и подобно капиталу она постепенно накапливается, рассматривается как ценность, может быть потеряна:

Если ты уже не молод, если у тебя есть «имя», репутация или если ты занимаешь какой-нибудь мало-мальски значительный пост в Союзе или в другом ведомстве – тебе легче, с тобой считаются (А. Мильчин).

Но ждать пришлось долго – пока накопится научная репутация, наберут вес коллеги-единомышленники, подрастут талантливые ученики (С. Смирнов).

Репутация создается годами, а разрушить ее можно очень быстро (М. Голубев).

А их подпись – это, знаете ли, не баран чихнул, это их репутация (И. Найденов).

Репутация метонимически обозначается как «имя», т. е. внешний знак этого символического капитала. Заслуживает внимания совет, выраженный в одном из древних трактатов: *Тот, кто гонится за именем своим, имя свое погубит* (Авот). Тщеславие, т. е. построение своего конструируемого оценочного образа вопреки стандартам скромности, вредит человеку [Воркачев 2018; Карасик 2021].

Обратим внимание на возможные расхождения между поступками человека, который стремится составить о себе определенное мнение, и скрытыми мотивами соответствующего поведения:

Померанцев отчетливо понимал, что репутация циника, которой было окружено имя поэта, вздор, маска, скрывающая ранимого, житейски неприспособленного художника (В. Крейд).

Я был поэтому очень робок; и моя репутация дерзкого мальчика, которую я имел в детстве, объяснялась, как это понимали некоторые люди, например, моя мать, именно сильным желанием победить эту постоянную несамостоятельность (Г. Газданов).

Внешняя дерзость может скрывать житейскую неприспособленность и неуверенность в себе. Подобные искажения весьма

характерны для определенных практик самопродвижения: если некто акцентирует свою самостоятельность, значит, он в ней не уверен, если кто-либо заявляет о своей искренности, то, возможно, у этого человека есть скрытые корыстные мотивы, если человек педалирует свою незаинтересованность в решении какого-либо вопроса, нужно внимательно рассмотреть эту ситуацию.

Людам свойственно следовать сложившимся стереотипам в оценке репутации тех, с кем они имеют дело:

За Дрекслером прочно закрепилась репутация «крестного отца» нанотехнологий (кстати, ему принадлежит и авторство самого термина) (М. Попова).

Репутация режиссера-волшебника, готического сказочника сыграла с Бертоном злую шутку – все ждали более-менее адекватного перевода на экран, да еще в 3D-формате, интерпретации любимого произведения в узнаваемом бертоновском стиле (И. Козлов).

Две недели он не ходил в клинику, а в академии не появлялся четыре месяца, пока за ним не закрепилась репутация запойного пьяницы (Л. Улицкая).

Закрепленная репутация обычно бывает устойчивой.

Репутации могут отражать противоречивость человеческой натуры:

Все отдавали должное деловым талантам Едвельской, хотя репутация городской сумасшедшей за Лаурой закрепилась прочно (А. Славовский).

Была у Александра Ивановича удивительная особенность. Он мгновенно умножал и делил в уме большие трехзначные и четырехзначные числа. Но это не освободило Корейко от репутации туповатого парня (И. Ильф, Е. Петров).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что общее мнение часто бывает ошибочным. Отсюда возникает желание проверить справедливость такой оценки:

Должен же кто-то посадить жирное пятно на твою крахмальную репутацию (Е. Завершнева).

Такая проверка, впрочем, бывает обусловлена не лучшими мотивами.

Актуализация сохранения либо потери репутации и лица достаточно детально изучена в прагмалингвистике, в частности

в лингвистической теории вежливости, где говорится о «лицоущемляющих действиях» (face threatening acts) [Brown, Levinson 1987]. К таким действиям относятся оскорбления, насмешки, колкости, а также многочисленные случаи намеренного либо ненамеренного понижения статуса коммуникативного партнера в случае совета, комплимента, а также различных комментариев. Например, учитель хвалит ученика в классе, вызывая при этом неуважение к нему со стороны одноклассников, считающих, что подобная похвала унизительна. Такое развитие ситуации может быть охарактеризовано как каузация потери репутации или лица. Следует отметить, что попытки понизить чей-либо статус в глазах объекта оскорбления или насмешки не всегда приводят к потере репутации или лица:

Вы постоянно опаздываете на работу. – Виноват, исправлюсь.

Адресат, выступающий в качестве объекта порицания, приносит формальное извинение, при этом отношение к нему со стороны других сотрудников после этого официального коммуникативного поступка не меняется. Слово «репутация» чаще относится к официальным институциональным ситуациям (только в шутку говорят: *У Маши в семье репутация плаксы*).

Заслуживает внимания имитация поддержания чьей-либо репутации или сохранения лица:

Мы единодушно поддерживаем нашего шефа, он всегда старается найти оптимальный выход из сложных ситуаций.

Известно, что перлокутивный эффект высказывания полностью обусловлен коммуникативной ситуацией, подобные высказывания могут быть искренними и формальными. В таких случаях все определяется позицией интерпретатора.

Символическое осмысление дурной репутации замечательно показано в баснях Феликса Кривина:

– Помещение должно быть открыто, – глубокомысленно замечает Дверная Ручка, когда открывают дверь.

– Помещение должно быть закрыто, – философски заключает она, когда дверь закрывают.

Убеждение Дверной Ручки зависит от того, кто на нее нажимает.

Можно видеть, что Дверная Ручка не сомневается в своей положительной репутации.

По величине Колибри чуть больше пчелы, но все-таки она – птица!
– Наши орлы – хорошие ребята, – говорит Колибри.
Так, между прочим, когда к слову приходится.

Претенциозное поведение свидетельствует о том, что такие субъекты не пользуются хорошей репутацией.

– Покрасьте меня, – просит Лоскут. – Я уже себе и палку подобрал для древка. Остается только покраситься.
– В какой же тебя цвет – в зеленый, черный, оранжевый?
– Я плохо разбираюсь в цветах, – мнется Лоскут. – Мне бы только стать знаменем.

Беспринципность обычно ведет к потере репутации.

Обратим внимание на то, что герои таких сюжетов не сомневаются в своем статусе и не испытывают дискомфорта, связанного с потерей лица.

В советское время был проведен опрос информантов по поводу соотношения норм и ценностей поведения (это были студентки одного из российских университетов, приехавшие из разных городов нашей страны, с одной стороны, и девушки, которые выросли в одной из Среднеазиатских республик, с другой стороны). Им предлагалось сделать выбор между оценкой поведения в двух ситуациях: в первом случае молодая женщина увидела письмо в конверте, адресованное ее мужу и написанное, как ей показалось, женской рукой, вскрыла это письмо и прочитала его; во втором случае она сделала выговор своему супругу, который явился домой в нетрезвом виде и привел с собой дружков. Девушки из российских городов однозначно осудили несанкционированное вскрытие чужого письма, а естественное публичное выражение раздражения признали вполне допустимым. Их ровесницы из республик с традиционными нормами поведения заняли принципиально иную позицию, посчитав, что ее можно понять, прочтение письма не является преступлением, но делать прилюдное замечание мужу категорически нельзя, поскольку он при этом потеряет лицо.

Этот пример свидетельствует о том, что осмысление сохранения или потери репутации и лица в значительной мере определяется нормами публичного и приватного поведения, принятыми в определенном социуме в определенную эпоху. Эти нормы могут выглядеть странно для представителей других культур.

Подведем основные итоги.

Репутация представляет собой комплексное эмоциональное и рациональное выражение общественного мнения о достоинствах

человека или группы лиц, лицо в этом сопоставлении сводится к самооценке индивида. Репутация и лицо являются фиксацией уважения либо неуважения к тому или иному объекту либо самому себе. Важнейшие характеристики уважения и неуважения состоят в деонтическом характере такого отношения, в дифференциации уважения/неуважения и любви/неприязни, при этом рациональный компонент этого сложного чувства надстраивается над эмоциональным. О самоуважении говорится в ситуациях, когда оно оказывается под угрозой. Описания репутации обычно содержат выраженное или выводимое основание для соответствующей оценки человека. Репутация человека может быть маской, под которой скрываются подлинные мотивы поведения. Для речеактового описания репутации и лица актуальным оказывается противопоставление искреннего либо формального поведения в условиях угрозы для уважения или самоуважения личности. Осмысление сохранения лица в значительной мере обусловлено нормами определенного общества в определенную эпоху.

Литература

- Арутюнова 2000 – *Арутюнова Н.Д.* О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–78.
- Воркачев 2018 – *Воркачев С.Г.* Самая могущественная страсть: семантический портрет тщеславия в языковом сознании // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 4. С. 191–196.
- Дмитровская 1988 – *Дмитровская М.А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Знание и мнение: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 6–18.
- Карасик 2021 – *Карасик В.И.* Лингвокультурные векторы оценки и самооценки личности // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 113–120.
- Bird 2010 – *Bird C.* Self-respect and the respect of others // European Journal of Philosophy. 2010. Vol. 18. P. 17–40.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.* Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. 345 p.
- Darwall 1977 – *Darwall S.* Two kinds of respect // Ethics. 1977. Vol. 88, no. 1. P. 36–49.
- Dillon 2006 – *Dillon R.S.* Respect and self-respect // Stanford encyclopedia of philosophy. 2003. Revised 2006. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/respect> (дата обращения 26.04.2022).
- Hill 1998 – *Hill T.E.* Respect for persons // Routledge encyclopedia of philosophy / Ed. by E. Craig. L., 1998. P. 283–287.

- Grill 2015 – *Grill K.* Respect for what? // *Social theory and practice*. 2015. Vol. 41. P. 692–715.
- Middleton 2006 – *Middleton D.* Three types of self-respect // *Res Publica*. 2006. Vol. 12, no. 1. P. 59–76.

References

- Arutyunova, N.D. (2000), “On shame and conscience”, in Arutyunova, N.D., Yanko, T.E. and Ryabtseva, N.K. (eds.), *Logicheskiiy analiz yazyka. Yazyki etiki* [Logic analysys of the language. Languages of ethics], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 54–78.
- Bird, C. (2010), “Self-respect and the respect of others”, *European Journal of Philosophy*, no. 18, pp. 17–40.
- Brown, P. and Levinson, S. (1987), *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
- Darwall, S. (1977), “Two kinds of respect”, *Ethics*, vol. 88, no. 1, pp. 36–49.
- Dillon, R.S. (2003, revised 2006), “Respect and self-respect”, in *Stanford encyclopedia of philosophy*, available at: <http://plato.stanford.edu/entries/respect> (Accessed 26 Apr. 2022).
- Dmitrovskaya, M.A. (1988), “Knowledge and opinion: an image of the world, an image of a man”, in Arutyunova, N.D. (ed.), *Logicheskiiy analiz yazyka. Znaniye i mneniye* [Logic analysys of the language. Knowledge and opinion], Nauka, Moscow, USSR, pp. 6–18.
- Hill, T.E. (1998), “Respect for persons”, in Craig, E. (ed.), *Routledge encyclopedia of philosophy*, London, UK, pp. 283–287.
- Grill, K. (2015), “Respect for what?”, in *Social theory and practice*, vol. 41, pp. 692–715.
- Karasik, V.I. (2021), “Lingvo-cultural vectors of evaluation and self-evaluation of a person”, in *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 47, issue 4, pp. 113–120.
- Middleton, D. (2006), “Three types of self-respect”, *Res Publica*, vol. 12, no. 1, pp. 59–76.
- Vorkachev, S.G. (2018), “The most powerful passion: a semantical portray of vanity in language consciousness”, *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 191–196.

Информация об авторе

Владимир И. Карасик, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; vkarasik@yandex.ru

Information about the author

Vladimir I. Karasik, Dr. of Sci. (Philology), professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; bld. 6, Acad. Volgin St., Moscow, Russia, 117485; vkarasik@yandex.ru

Креативность личности в языке и коммуникации

Вера И. Заботкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zabotkina@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема креативности личности в рамках дихотомии «язык VS коммуникация», которая встроена в триаду «язык – креативность – когниция». Данная триада анализируется в двух измерениях: с точки зрения креативности языковой системы; с точки зрения креативности языковой личности. Представлены модели и когнитивные механизмы креативности. Наряду с аналогией и инференцией выделяются три типа основного механизма креативности – девиации/отклонения: прагматическая (нарушение отношения знак – пользователь); семантическая (нарушение отношения знак – референт); концептуальная (нарушение отношения между концептуальными структурами исходного и нового значений). Особую роль в процессе креативного развития новых значений играет прагматическая девиация. Рассматривается вопрос о границах девиации и о том, что накладывает ограничения на развитие новых креативных значений. Мы доказываем, что ограничения на развитие новых креативных значений слова накладывает концептуальная структура исходного значения слова. Основываясь на последних достижениях российской и зарубежной когнитивной науки, мы анализируем структуру ментального лексикона в качестве основного компонента, играющего ведущую роль в креативности.

Указывается на связь креативности с угрозой манипуляции. Доказывается, что языковая креативность может привести к созданию двусмысленности (неясности), что может привести к манипуляции. Определяются перспективы дальнейших исследований в области изучения креативности, а именно кросс-культурный подход к данному явлению.

Ключевые слова: языковая креативность, когниция, когнитивные механизмы, девиация, инференция

Для цитирования: Заботкина В.И. Креативность личности в языке и коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 182–192. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-182-192

Personality creativity in language and communication

Vera I. Zabotkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zabotkina@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the problem of personality creativity within the framework of the dichotomy “language VS communication”, which is built into the triad “language – creativity – cognition”. This triad is analyzed in two dimensions: from the point of view of the creativity of the language system; from the point of view of the creativity of a linguistic personality. Models and cognitive mechanisms of creativity are presented. Along with analogy and inference, there are three types of the main mechanism of creativity – deviations: pragmatic (distortion of the sign-user relationship); semantic (distortion of the sign-referent relationship); conceptual (distortion of the relationship between the conceptual structures of the original and new values). Pragmatic deviation plays a special role in the process of creative development of new meanings. The question of the boundaries of deviation and what imposes restrictions on the development of new creative meanings is considered. We prove that the limitations on the development of new creative meanings of the word are imposed by the conceptual structure of the original meaning of the word. Based on the latest achievements of Russian and foreign cognitive science, we analyze the structure of the mental lexicon as the main component that plays a leading role in creativity. The connection between creativity and the threat of manipulation is indicated. It is proved that linguistic creativity can lead to the creation of ambiguity (obscurity), which can lead to manipulation. The prospects for further research in the field of creativity are determined, namely, a cross-cultural approach to this phenomenon.

Keywords: language creativity, cognition, cognitive mechanisms, deviation, inference

For citation: Zabotkina, V.I. (2022), “Personality creativity in language and communication”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 2, pp. 182–192, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-182-192

Креативность привлекала внимание исследователей начиная с середины XIX века. Она рассматривалась учеными в одном ряду с такими понятиями, как изобретательность, гениальность, талант, воображение, творчество [Glaveanu, Kaufman 2019].

В последние годы в связи с развитием когнитивной науки наблюдается повышение интереса к проблемам креативности. Как

указывалось в наших предыдущих работах, среди всех теорий креативности преобладают два подхода [Заботкина 2017; Заботкина 2018]. Первый, ассоциативный, рассматривает креативность как когнитивный процесс, идущий «снизу вверх», он восходит своими корнями к теории креативности Медника [Mednick 1962]. Второй подход рассматривает креативность по направлению «сверху вниз», как когнитивный процесс, связанный с исполнительными функциями, со способностью к контролю внимания и когниции [Beaty et al. 2016; Beaty et al. 2014]. В соответствии с ассоциативной теорией, более креативные личности имеют больше ассоциативных связей в ментальном лексиконе и могут быстрее устанавливать различные ассоциативные отношения [Rossman, Fink 2010; Gruszka, Necka 2002]. Недавние экспериментальные исследования показали, что у высококреативных языковых личностей семантическая сеть (МЛ) менее жестко структурирована (менее ригидна) по сравнению с ментальным лексиконом менее креативной личности [Kenett et al. 2014; Kenett et al. 2016]. Высококреативная личность обладает более гибкой семантической сетью (МЛ), что позволяет более эффективно устанавливать ассоциативные связи в процессе обработки информации. Здесь нам представляется важным сослаться на Тагарда, который определил креативность как способность устанавливать новые связи между существующими репрезентациями [Thagard, Terrence 2010].

В рамках второго подхода недавно были проведены исследования по изучению диапазона контролируемых процессов в креативности, особое внимание при этом было уделено так называемому подвижному интеллекту (fluid intelligence) [Beaty, Silvia 2012; Benedek et al. 2012; Jauk et al. 2014]. Подвижный интеллект проявляется в способности применять разнообразие когнитивных операций для решения новых, неизученных проблем. В отличие от подвижного интеллекта, кристаллизованный интеллект относится к широте знания человека и к его способности использовать эти знания для решения *определенных* проблем. Были проведены исследования отношения взаимосвязи между подвижным, кристаллизованным интеллектом и креативностью. Кристаллизованный интеллект более характерен для людей со средней креативностью, а подвижный – для людей с высокой креативностью. Это открытие демонстрирует взаимосвязь между двумя стадиями креативности: генерацией/новизной и интерпретацией/уместностью.

Оба подхода рассматривают структуру ментального лексикона в качестве основного компонента, играющего ведущую роль в креативности. В первой теории структура ментального лексикона напрямую связана с креативной способностью человека, во второй

теории – ментальный лексикон рассматривается как **базис** для осуществления креативного процесса.

В работах последнего поколения особое внимание уделяется также роли социолингвистики в выявлении микропроцессов лингвистической креативности [Swann, Deumert 2018]. Этой проблеме посвящен специальный выпуск журнала “Language science” (2018). Появляются такие термины, как «коллаборативная креативность», основывающаяся на знаниях предшествующих текстов, дискурсивных практик, встраивающихся во взаимоотношения между людьми и идентичностями [Tannen 2007; Swann et al. 2011; Jones 2012]. Появились исследования по «групповой креативности» [Reiter-Palmon, Leone 2019] и т. д.

Среди отечественных лингвистов, занимающихся проблемой лингвистической креативности в последние десятилетия, необходимо отметить исследования Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2009], В.З. Демьянкова [Демьянков 2016], О.К. Ирисхановой [Ирисханова 2004] и В.Н. Фещенко [Фещенко 2008], Зыковой и Киосе [Зыкова, Киосе 2020].

Напомним в этой связи мнение Е.С. Кубряковой о том, в чем следует усматривать новаторство говорящего – в новой комбинаторике известных знаков или уже в самом отборе языковых средств и существующего инвентаря. Она предлагает новый ракурс рассмотрения инноваций в языке, сосредоточив внимание на механизмах процессов аналогии [Кубрякова 1987].

Среди последних публикаций можно выделить статью В.З. Демьянкова, посвященную «Языковой креативности в художественном творчестве» [Демьянков 2016]. В данной статье креативность противопоставляется материальному (как недуховному); старому, обыденному, банальному; отсутствию сотворческого вклада интерпретатора в создание значения; буквалистскому восприятию; нечаянному действию (ошибке). Поэтому творчество можно назвать преднамеренным осуществлением возможного, но еще не реализованного. Творчество – установка и реальное использование потенций макро- и/или микросистемы выразительных средств.

Мы рассматриваем языковую креативность в триаде: язык – креативность – когниция. Данная триада анализируется в двух измерениях: с точки зрения креативности языковой системы; с точки зрения креативности языковой личности. Язык на протяжении всей жизни формирует сознание человека, но верно и обратное: человек, языковая личность, и сам проявляет свои креативные начала – он и сам творит язык, активно его преобразуя [Кубрякова 2009].

Мы полагаем, что в основе креативности лежит когнитивный механизм девиации/отклонения. При этом мы выделяем три типа

девиации: прагматическая (нарушение отношения знак – пользователь); семантическая (нарушение отношения знак – референт); концептуальная (нарушение отношения между концептуальными структурами исходного и нового значений). Первым шагом в процессе креативного развития новых значений слова является прагматическая девиация. Напомним в этой связи известный постулат Германа Пауля о том, что изменения значений слов... осуществляются путем отклонений в индивидуальном употреблении узуального значения и путем постепенного превращения такого индивидуального употребления в узуальное, ср. [Paul 1937]. Таким образом, у истоков креативности стоит коммуникативно-прагматический оператор. Далее вслед за прагматической девиацией следуют семантическая и концептуальная. Например, новое значение слова *woke* (пробудившийся от социальной спячки, чувствительный к социальным проблемам) появилось в результате употребления этого слова в контексте Брексита. С точки зрения семантической и концептуальной структур произошло концептуальное сужение (специализация) значения: к первоначальному значению *woke* (пробудившийся) добавился концептуальный признак «социально-ориентированный».

В связи с этим возникает вопрос: каковы границы девиаций, лежащих в основе креативности, что накладывает ограничения на развитие новых креативных значений?

Мы считаем, что ограничения на развитие новых креативных значений слова накладывает концептуальная структура исходного значения. При этом мы пытаемся ответить на следующие три вопроса: какая часть концептуальной структуры исходного значения наследуется при образовании нового креативного значения? Какова роль концептуальных признаков различной степени центральности и инферентного потенциала в создании новых креативных значений? Какова связь между прагматическими, когнитивными и семантическими процессами, лежащими в основе формирования нового значения? Границы данной статьи не позволяют ответить на все поставленные вопросы, постараемся осветить некоторые из них.

Рассуждая о границах языковой креативности, необходимо помнить о том, что одним из первых лингвистов, поставивших данный вопрос, был Хомский [Chomsky 1957], который рассматривает язык как креативную систему, одновременно основывающуюся на правилах в рамках дихотомии креативность – продуктивность. Язык, по Хомскому, позволяет нам производить неограниченное количество новых, оригинальных высказываний, но неизменным остается набор правил, по которым эти высказывания производятся.

Данную точку зрения критиковал Роман Якобсон. Занимаясь анализом поэтического языка, Якобсон утверждал, что Хомский не учитывает роль метафоры в языке. Он также утверждал, что поэтический язык не отвечает требованиям truth value semantics. В поэтическом высказывании мы никогда не будем искать соответствие реальному положению дел в мире. По Якобсону, анализируя поэтический язык, мы не задаем себе вопрос: «Это правда?» [Якобсон 1975]. В одном ряду с Якобсоном можно упомянуть его предшественника – Вильгельма фон Гумбольда, а также Эдварда Сепира, Людвиг Витгенштейна, которые отрицали идею существования языка, основанного на правилах (rule-governed system). Михаил Бахтин (1965) пишет о креативной интерориентации между различными способами выражения, он пишет о разнообразии лингвистических кодов и разнообразии семиотических значений.

Рассмотрение креативности с точки зрения слушающего позволяет выявить роль когнитивного механизма инференции. В процессе речи говорящий/пишущий как бы приглашает слушающего совершить операцию инференции и выявить тот новый нюанс смысла, который говорящий вложил в традиционное значение слова, употребив его в нетипичном контексте. На начальном этапе распознавания нового креативного значения ведущую роль играет индивидуальная прагматическая инференция, которая через некоторое время в результате процесса конвенционализации семантизируется в новое системное значение слова [Traugott, Dasher 2002; Заботкина 2014]. Соответственно происходят изменения в концептуальной структуре, лежащей в основе значения слова. Важную роль в процессе образования новых значений играет также когнитивная процедура наследования. Под термином «процедура наследования» понимается передача определенного объема концептуальной информации, заключенного в исходном значении слова, новому значению [Боярская 1999]. Наследование инферентно по природе. Таким образом, когнитивные механизмы инференции и наследования находятся в гиперо-гипонимических отношениях.

Наше исследование показало также, что языковая креативность может привести к созданию двусмысленности (неясности). В свою очередь двусмысленность может носить амбивалентный характер: она может сопровождаться как положительными, так и отрицательными модальностями (радость, удовольствие, удивление vs. испуг от неожиданности или неопределенности). Двусмысленность всегда связана с угрозой манипуляции. Иными словами, языковая креативность может привести к намеренной, так называемой конструктивной двусмысленности, неясности, что представляет собой социокультурную угрозу манипуляции.

Таким образом, анализ креативности личности в языке и коммуникации позволяет нам прийти к выводам о том, что в ее основе лежат когнитивные механизмы различных уровней. Помимо механизма девиации в основе креативности лежит аналогия и инференция. Именно аналогия является той основной когнитивной операцией, которая стимулирует креативность. Как указывалось выше, более креативные личности могут быстрее устанавливать различные ассоциативные отношения, находить новые аналогии, в том числе и скрытые.

С точки зрения восприятия креативных единиц слушающим/читающим, основным когнитивным механизмом является инференция. Дальнейшие исследования в этой области предполагают привлечение кросс-культурного подхода к изучению когнитивных механизмов креативности в различных культурах.

Благодарности

Публикация статьи осуществляется при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-18-00594.

Acknowledgements

The publication of the article is supported by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00594.

Литература

- Боярская 1999 – *Боярская Е.Л.* Когнитивные основы формирования новых значений полисемантических существительных современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 24 с.
- Демьянков 2016 – *Демьянков В.З.* Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. № 7. С. 29–45.
- Заботкина 2014 – *Заботкина В.И.* Слово и смысл. М.: РГГУ, 2014. 431 с.
- Заботкина 2017 – *Заботкина В.И.* Неологизация ментального лексикона: соотношение коммуникативных и когнитивных параметров // Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.З. Демьянков. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 71–79. (Когнитивные исследования языка, вып. 29)

- Заботкина 2018 – *Заботкина В.И.* Креативность в лексиконе: взаимодействие когниции и коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сб. науч. тр. Вып. 2. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 22–25.
- Зыкова, Киосе 2020 – *Зыкова И.В., Киосе М.И.* Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. Вып. 2. С. 26–40.
- Ирисханова 2004 – *Ирисханова О.К.* О лингвокреативной деятельности человека: Отглагольные имена. М.: Изд-во ВТИИ, 2004. 352 с.
- Кубрякова 1987 – *Кубрякова Е.С.* Размышления об аналогии: Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 43–50.
- Кубрякова 2009 – *Кубрякова Е.С.* Основные направления концептуального анализа: вместо введения. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 11–21.
- Фещенко 2008 – *Фещенко В.В.* Семиотика творчества и лингвистика креативности // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 143–150.
- Якобсон 1975 – *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика: Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 198–250.
- Beaty, Silvia 2012 – *Beaty R.E., Silvia P.J.* Why do ideas get more creative across time? An executive interpretation of the serial order effect in divergent thinking tasks // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2012. No. 6. P. 309–319.
- Beaty et al. 2014 – *Beaty R.E., Silvia P.J., Nusbaum E.C., Jauk E., Benedek M.* The roles of associative and executive processes in creative cognition // Memory & Cognition. 2014. Vol. 42. P. 1186–1197.
- Beaty et al. 2016 – *Beaty R.E., Benedek M., Silvia P.J., Schacter D.L.* Creative cognition and brain network dynamics // Trends in Cognitive Sciences. 2016. Vol. 20. P. 87–95.
- Benedek, Franz, Heen, Neubauer 2012 – *Benedek M., Franz F., Heene M., Neubauer A.C.* Differential effects of cognitive inhibition and intelligence on creativity // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 53. P. 480–485.
- Chomsky 1957 – *Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague: Mouton, 1957. 118 p.
- Glaveanu, Kaufman 2019 – *Glaveanu V.P., Kaufman J.C.* Creativity. A historical perspective // The Cambridge handbook of creativity / Ed. by J.C. Kaufman, R. Sternberg. Cambridge: MA, 2019. P. 9–26.
- Gruszka, Necka 2002 – *Gruszka A., Necka E.* Priming and acceptance of close and remote associations by creative and less creative people // Creativity Research Journal. 2002. Vol. 14. P. 193–205.
- Jauk et al. 2014 – *Jauk E., Benedek M., Neubauer A.C.* The road to creative achievement. A latent variable model of ability and personality predictors // European Journal of Personality. 2014. Vol. 28. P. 95–105.
- Jones 2012 – *Jones R.H.* Discourse and creativity. L.: Pearson Education, 2012. P. 1–13.
- Kenett et al. 2014 – *Kenett Yo.N., Anaki D., Faust M.* Investigating the structure of semantic networks in low and high creative persons // Frontier in Human Neuroscience. 2014. Vol. 8. Article 407. P. 1–16.

- Kenett et al. 2016 – *Kenett Yo.N., Beaty R.E., Silvia P.J., Anaki D., Faust M.* Structure and flexibility. Investigating the relation between the structure of the mental lexicon, fluid intelligence, and creative achievement // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2016. Vol. 10. No. 4. P. 377–388.
- Mednick 1962 – *Mednick S.A.* The associative basis of the creative process // *Psychological Review*. 1962. Vol. 69. P. 220–232.
- Paul 1937 – *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle: Niemeyer. 1937. P. 93–94.
- Reiter-Palmon, Leone 2019 – *Reiter-Palmon R., Leone S.* Group dynamics and team creativity: the contribution of Kurt Lewin to the study of teams, creativity, and innovation // *The creativity reader*. Oxford; Oxford University Press, 2019. P. 447–462.
- Rossmann, Fink 2010 – *Rossmann E., Fink A.* Do creative people use shorter associative pathways? // *Personality and Individual Differences*. 2010. Vol. 49. P. 891–895.
- Swann et al. 2011 – *Swann J., Pope R., Carter R.* Creativity in language and literature. The state of the art. L.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 368.
- Swann, Deumert 2018 – *Swann J., Deumert A.* Sociolinguistics and language creativity // *Language sciences*. 2018. Vol. 65. P. 1–8.
- Tannen 2007 – *Tannen D.* Talking voices: repetition, dialogue and imagery in conversational discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 245.
- Thagard, Terrence 2010 – *Thagard P., Terrence C.S.* The AHA! Experience: creativity through emergent binding in neural networks // *Cognitive science*. 2010. No. 35. P. 1–33.
- Traugott, Dasher 2002 – *Traugott E.C., Dasher R.* Regularity in semantic change. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 364.

References

- Beaty, R.E. and Silvia, P.J. (2012), “Why do ideas get more creative across time? An executive interpretation of the serial order effect in divergent thinking tasks”, *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, no. 6, pp. 309–319.
- Beaty, R.E., Benedek, M., Silvia, P.J. and Schacter, D.L. (2016), “Creative cognition and brain network dynamics”, *Trends in Cognitive Sciences*, no. 20, pp. 87–95.
- Beaty, R.E., Silvia, P.J., Nusbaum, E.C., Jauk, E. and Benedek, M. (2014), “The roles of associative and executive processes in creative cognition”, *Memory & Cognition*, no. 42, pp. 1186–1197.
- Benedek, M., Franz, F., Heene, M. and Neubauer, A.C. (2012), “Differential effects of cognitive inhibition and intelligence on creativity”, *Personality and Individual Differences*, no. 53, pp. 480–485.
- Boyarskaya, E.L. (1999), *Kognitivnye osnovy formirovaniya novykh znachenii polise-manticheskikh sushchestvitel'nykh sovremennogo angliiskogo yazyka* [Cognitive reasons of formation of new meanings with polysemantic nouns in modern English], Moscow, Russia.

- Chomsky, N. (1957), *Syntactic Structures*, Mouton, The Hague, the Netherlands.
- Dem'yankov, V.Z. (2016), "Linguistic creativity in fiction" // *Trudy instituta russkogo yazyka imeni V.V. Vinogradova*, no. 7, pp. 29–45.
- Feshchenko, V.V. (2008), *Semiotika tvorchestva i lingvistika kreativnosti* [Semiotics of creation and linguistics of creativity], Moscow, Russia.
- Glaveanu, V.P. and Kaufman, J.C. (2019), "Creativity: a historical perspective", in Kaufman, J.C. and Sternberg, R. (eds.), *The Cambridge handbook of creativity*, Cambridge, MA, USA.
- Gruszka, A. and Necka, E. (2002), "Priming and acceptance of close and remote associations by creative and less creative people", *Creativity Research Journal*, no. 14, pp. 193–205.
- Irishanova, O.K. (2004), *O lingvokreativnoi deyatel'nosti cheloveka. Otlagol'nye imena* [Towards linguocreative activity of linguistic personality. Deverbal names], Izdatel'stvo VTII, Moscow, Russia.
- Jauk, E., Benedek, M. and Neubauer, A.C. (2014), "The road to creative achievement: a latent variable model of ability and personality predictors", *European Journal of Personality*, no. 28, pp. 95–105.
- Jones, R.H. (2012), *Discourse and creativity*, Pearson Education, London, UK.
- Kenett, Yo.N., Anaki, D. and Faust, M. (2014), "Investigating the structure of semantic networks in low and high creative persons", *Frontier in Human Neuroscience*, no. 8, article 407, pp. 1–16.
- Kenett, Yo.N., Beaty, R.E., Silvia, P.J., Anaki, D. and Faust, M. (2016), "Structure and Flexibility: Investigating the Relation Between the Structure of the Mental Lexicon, Fluid Intelligence, and Creative Achievement. Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts", *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, vol. 10, no. 4, pp. 377–388.
- Kubryakova, E.S. (1987), *Razmyshleniya ob analogii. Sushchnost', razvitie i funktsii yazyka* [Discussion on analogy. Essence, development, and functions of a language], Nauka, Moscow, Russia.
- Kubryakova, E.S. (2009), *Osnovnye napravleniya kontseptual'nogo analiza: vmesto vvedeniya* [The main trends in conceptual analysis: instead of introduction], Institut yazykoznaniya RAN, Moscow, Russia.
- Mednick, S.A. (1962), "The associative basis of the creative process", *Psychological Review*, no. 69, pp. 220–232.
- Paul, H. (1937), *Prinzipien der Sprachgeschichte*, Halle a. S. Max Niemeyer, Halle (Saale), Tübingen, Germany, pp. 93–94.
- Reiter-Palmon, R. and Leone, S. (2019), "Group dynamics and team creativity: the contribution of Kurt Lewin to the study of teams, creativity, and innovation", in *The creativity reader*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Rossmann, E. and Fink, A. (2010), "Do creative people use shorter associative pathways?", *Personality and Individual Differences*, vol. 49, pp. 891–895.
- Swann, J. and Deumert, A. (2018), "Sociolinguistics and language creativity", *Language Sciences*, vol. 65, pp. 1–8.

- Swann, J., Pope, R. and Carter, R. (2011), *Creativity in language and literature: the state of the art*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Tannen, D. (2007), *Talking voices: repetition, dialogue and imagery in conversational discourse*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Thagard, P. and Terrence, C.S. (2010), "The AHA! Experience: creativity through emergent binding in neural networks", *Cognitive science*, no. 35, pp. 1–33.
- Traugott, E.C. and Dasher, R. (2002), *Regularity in semantic change*, Cambridge, UK.
- Yakobson, R. (1975), *Lingvistika i poehtika. Strukturalizm "za" i "protiv"* [Linguistics and poetics. Structuralism "for" and "against"], Progress, Moscow, Russia.
- Zabotkina, V.I. (2014), *„Slovo i smysl* [Word and sense], RGGU, Moscow, Russia.
- Zabotkina, V.I. (2017), "Neogelization of mental lexicon: cognitive and communicative parameters", in Dem'yankov, V.Z. (ed.), *Kognitsiya i kommunikatsiya v lingvistiicheskikh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh trudov* [Cognition and communication in linguistic studies: collection of research papers], Izdatel'skii dom TGU imeni G.R. Derzhavina, Tambov, Russia, pp. 71–79. (*Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vyp. 29)
- Zabotkina, V.I. (2018), "Creativity of lexicon: cognition and communication interface", in Zabotkina, V.I., *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov* [Language. Culture. Translation. Communication: a collection of scientific works], issue 2, KDU, Universitetskaya kniga, Moscow, Russia, pp. 22–25.
- Zykova, I.V. and Kiose, M.I. (2020), "Parametrization of linguistic creativity in intercultural aspect: cinema discourse vs children's literature discourse", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, issue 2, pp. 26–40.

Информация об авторе

Вера И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; zabotkina@rggu.ru

Information about the author

Vera I. Zabotkina, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zabotkina@rggu.ru

Прагматические значения пословиц в диалоге

Игорь А. Шаронов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, igor_sharonov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена прагматическим свойствам пословиц в диалогической речи. Традиционные русские пословицы – аксиоматичные оценки народного опыта – используются в дискурсе в качестве аргументативной поддержки различных типов речевых актов говорящего лица. В дискурсе семантика пословиц входит во взаимодействие с личными и темпоральными характеристиками речевого акта для поддержки его убедительности при использовании пословицы в качестве аргумента. В ряде случаев пословицы выступают в качестве косвенных речевых актов, соединяя в себе функции речевого акта и его аргумента. Анализ типовых употреблений пословиц позволяет выявить их прагматику и дополнить тем самым толкования пословиц для активизации их использования в речи как иностранцами, изучающими русский язык, так и новыми поколениями носителей русского языка. Выдвинутые в статье утверждения иллюстрируются прагматическим описанием шести активно используемых в современном русском языке пословиц: *за одного битого двух небитых дают, клин клином вышибают, выше головы не прыгнешь, после драки кулаками не машут, назвался груздем, полезай в кузов, с волками жить – по-волчьи вить.*

Ключевые слова: пословицы, диалог, прагматика, речевые акты, аргументация, лексикография

Для цитирования: Шаронов И.А. Прагматические значения пословиц в диалоге // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 193–206. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-193-206

Pragmatic meanings of proverbs in dialogue

Igor A. Sharonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
igor_sharonov@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the pragmatic properties of proverbs in dialogue. Proverbs, or axiomatic folk assessments of people's experience, are used in dialogues predominately as argumentative support to this or that speech act of a speaker. The proverbs meaning adjusts to temporal and agent characteristics of speech act to make it more convincing when using a proverb as an argument. Sometimes proverbs can be used as indirect speech acts, combining both functions of speech act and its argument. The analysis of typical usages of proverbs makes it possible to reveal their pragmatics and thereby supplement the interpretations of proverbs in order to enhance their use in speech both by foreigners studying the Russian language and by new generations of native speakers of the Russian language. The statements put forward in the article are illustrated with six proverbs actively used in the modern Russian language pragmatic description: *za odnogo bitogo dvuh nebiyih dayut, klin klinom vyshibayut, vyshe golovy ne prygnesh', posle draki kulakami ne mashut, nazvalsya gruzdem, polezaj v kuzov, s volkami zhit', po-volch'i vyt'.*

Keywords: proverbs, dialogue, pragmatics, speech acts, argumentation, lexicography

For citation: Sharonov, I.A. (2022), "Pragmatic meanings of proverbs in dialogue", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 2, pp. 193–206, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-193-206

Пословицы – популярный объект филологических исследований. Поразительным образом исследовательский «бум» пословиц проходит на фоне повсеместного забвения их новыми поколениями, резкого снижения использования данных единиц в речи молодежи. Периодические опросы современных студентов на занятиях по стилистике русского языка и культуре речи демонстрируют крайне слабое их знакомство с пословицами, крылатыми выражениями и прочими паремиями, смутное понимание и неготовность к адекватному применению многих единиц, активно используемых старшим поколением.

В лингвистике распространено исследование пословиц как «мини-текста», т. е. самодостаточного для исследования языкового явления. Популярны структурный, тематический, семантический, национально-культурный подходы, изучение вариативных форм

пословиц и их шутивно-игровых переделок, их словарное описание, см.: [Виноградов 1977; Шанский 1963; Телия 2004; Карасик 2004; Фролова 2007; Селиверстова 2017; Ковшова 2019], а также (Мокиенко и др. 2010). Дискурсивно-прагматический подход в рассмотрении пословиц как высказываний – направление новое, разрабатывается пока недостаточно активно, см. [Абакумова 2010; Абакумова 2012; Шаронов 2018; Ван Мэн, Шаронов 2019].

Прагматическое описание пословиц предполагает раскрытие особенностей употребления пословиц в бытовых коммуникативных ситуациях. В центре внимания такого рода исследований находятся интенции говорящего лица и способы воздействия на собеседника, реализуемые через речевые акты (далее – РА). С прагматической точки зрения все предложения/высказывания можно разделить по их предназначенности к выполнению типовой иллокутивной функции [Падучева 1985, с. 30]. Повествовательные высказывания служат для сообщений и утверждений, вопросительные – для вопросов, императивные – для побуждения к действию. У каждого типа высказываний есть свой набор формальных характеристик [Зевахина 2015]. Пословицы с данной точки зрения неоднородны, они строятся и как повествовательные, и как побудительные, однако объединяют такие предложения их особые дискурсивно-прагматические функции, отличающие пословицы от обычных предложений.

Пословицы – своеобразные аксиоматические формулы бытового мировосприятия и поведения русского человека, это обобщение опыта поколений. На основе этого свойства их принято рассматривать как предложения с назидательным содержанием, рекомендательной силой в форме совета, предупреждения, наставления [Баранов, Добровольский 2013], т. е., по сути, речевые акты побудительного характера. Однако серьезным отличием от побудительных предложений, конкретных советов и рекомендаций является неререферентный статус пословичных предложений, их вневременной и внеличностный характер, а также отнесенность к деонтической модальности. Другими словами, пословицы говорят не о конкретном совете или предупреждении, а об общепринятой правильности и полезности чего-либо, о житейских этических правилах и нормах на все случаи жизни. Сентенции *Любишь кататься – люби и саночки возить*, *На обиженных воду возят* не связаны с саночками, перевозкой и конкретным побуждением к действию. Как и все остальные аксиомы народной мудрости, они претендуют на статус неоспоримой истины, указывают на общепринятое отношение к чему-либо для любого времени и человека.

Тем самым все пословицы сближаются с обобщенно-личными предложениями. В этих односоставных предложениях с глаголом

во втором лице и единственном числе не сообщается о конкретных действиях, которые были совершены/совершаются/будут совершены, субъект в них мыслится обобщенно [Гвоздев 1965, с. 303; Распопов 1968, с. 74; Долин 2004, с. 4]. З.Г. Тарланов пишет о пословицах как о главной материальной базе обобщенно-личных предложений [Тарланов 1972]. Действительно, пословиц в форме второго лица единственного числа немало, напр.: *Без труда не **вынешь** и рыбку из пруда. Любишь кататься – **люби** и саночки возить*. Именно эта форма глагола, по выражению Н.Ю. Шведовой, «закрепила за собой функцию афористического высказывания определенного круга житейских истин» [Шведова 1969, с. 74].

Однако, во-первых, помимо второго лица единственного числа есть много пословичных конструкций с формой первого лица: *Чужую беду руками **разведу**, а к своей и ума не **приложу**. Что имеем – не **храним**, потерявши – **плачем***; с формой третьего лица: *Обещанного три года **ждут***. Есть также много пословиц, построенных на базе безличных конструкций: *Жизнь **прожить** – не поле **перейти**. На охоту **ехать** – собак **кормить*** и т. д.

Во-вторых, не всякое обобщенно-личное предложение – это пословица, т. е. идиоматичный и общеизвестный афоризм, способный быть самостоятельным мини-текстом, независимым от дискурса. Можно выделить как минимум два типовых контекста использования обобщенно-личных предложений, не входящих в круг пословиц. Это:

- 1) конструкции со значением объективной невозможности совершения действия в конкретных условиях: *Тут без бутылки не разберешься. Лужи здесь такие – на тракторе не проедешь*;
- 2) конструкции со значением описания личного опыта говорящего: *Идешь, бывало, утром на рыбалку, солнышко всходит, птички поют*.

Важным отличием обобщенно-личных предложений от пословиц является наличие в первых слов-актуализаторов, привязывающих предложение к конкретной ситуации: *здесь, тут, там, бывало* и т. д.

Важно отметить, что отсутствие средств формальной актуализации в структуре пословичных предложений сильно ограничивает их употребление в дискурсе. Пословицы могут использоваться в качестве заголовка статьи, наименования рассказа или пьесы как ключа в интерпретации текста. Например, название пьес А. Островского: «Бедность не порок», «На всякого мудреца довольно простоты», «Свои люди – сочтемся», «Не все коту масленица», «Старый друг лучше новых двух» и т. д. Непосредственно

в дискурсе, по утверждению Роговой, пословицы используются в процессе авторских размышлений в художественной литературе и в ответах на интервью и др. [Рогова 2001, с. 158].

Проведенный анализ диалогического использования пословиц выявляет их базовую дискурсивную роль в такого рода текстах: использование этих единиц в качестве *аргумента* в реальной или потенциальной полемике с собеседником, читателем, аудиторией [Шаронов 2018; Ван Мэн, Шаронов 2019]. Если говорящему необходимо убедить кого-либо в важности, необходимости, полезности, правильности совершения действий, оправдать те или иные поступки (чьи-либо или свои), подходящая пословица – «кладезь житейской мудрости» – может служить говорящему хорошей, убедительной поддержкой.

Значения рассматриваемых единиц представлены в толкованиях словарях пословиц (Жуков 2000; Мокиенко и др. 2010), но, как указывал А.А. Крикман, семантика – лишь часть возможной трактовки пословицы, поскольку окончательное (прагматическое. – *И. Ш.*) ее значение в дискурсе зависит от конкретной коммуникативной ситуации [Крикманн 1978, с. 84]. Семантически и утверждение, и его аргумент имеют единую пропозицию – обсуждаемое в диалоге событие. Актуализация пословицы в дискурсе происходит при подстраивании ее под личную и временную перспективу обсуждаемого события и под речевой акт, которому она служит аргументом.

Личная перспектива пословицы определяется в микродиалоге в зависимости от того, кто – говорящий (1 л.), собеседник (2 л.) или кто-либо еще (3 л.) – является агентом обсуждаемого действия. Личной перспективе соответствует разработанное в рамках теории модальности синтаксическое лицо: «соответствие субъекта-носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц участников-неучастников общения» [Золотова 1973, с. 158].

Временная перспектива пословицы определяется временем обсуждаемого события относительно момента речи: относится ли данное событие к плану прошедшего/настоящего времени (фактивная перспектива) или будущего времени (футуральная перспектива).

Таким образом, прагматическое значение пословицы в дискурсе – способность быть аргументом при том или ином РА – определяется ее привязанностью к лично-временной перспективе события определенного РА. С другой стороны, семантика пословицы предопределяет ограниченный набор типовых РА, соотносимых с пословицей по смыслу.

Например, РА **совета** поторопиться как способа достичь желаемого имеет футуральную перспективу и 2-е и 3-е лицо деятеля, а РА **похвалы** за успехи в результате оперативности – фактивную перспективу, 2-е и 3-е лицо деятеля (при 1-м лице РА похвалы преобразуются в РА похвальбы). Оба рассматриваемых РА могут быть аргументированы одной пословицей:

Ср. РА совета: *Скорее иди пиши заявление, куй железо, пока горячо!*

РА похвалы: *Молодец, за три года диссертацию защитил! Как горится: куй железо, пока горячо!*

Речевые акты, при которых используются пословицы, бывают иницирующими и ответными. Особого внимания требуют ответные РА, поскольку они формируются как второй, иллокутивно зависимый компонент диалогической пары реплик. К ответным РА относится, например, **согласие** или **отказ** в ответ на просьбу/предложение, **извинение** или **оправдание** в ответ на осуждение/недовольство собеседника действиями говорящего и т. д. Пословицы, как показывает анализ, могут использоваться самостоятельно в качестве ответных РА, косвенно выражая в диалоге интенцию отказа в просьбе, непринятия решения собеседника, несогласия с мнением, прощения, примирения и т. д. Чаще других пословицы используются при отказе и других негативных актах. Принцип вежливости, как известно, часто реализуется в стремлении говорящего не использовать открыто «конфликтных» речевых актов возражения, отказа, недовольства и т. д. Вместо них говорящий часто предпочитает делать некоторое сообщение, из которого можно логически вывести значения этих актов, и пословицы, способные служить их аргументами, неплохо встраиваются в дискурсивную модель, выполняя одновременно и функцию РА, и функцию его аргумента.

Ср.: – *Давай перенесем встречу одноклассников со дня учителя на ноябрь!*

– *Э, брат, хороша ложка к обеду!*

В приведенном примере пословица совмещает значение РА отказа от предложения с аргументацией для отказа.

Представляется, что исследование и каталогизация типов речевых актов, к которым может быть привязана пословица, имеет не только научную, но и педагогическую ценность, а обучение типовым ситуациям использования пословиц в речи могло бы вернуть или хотя бы задержать исчезновение из языка богатой образностью и мудростью языкового пласта. Анализ большого корпуса употреб-

ления пословиц в диалогических контекстах, преимущественно на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ), подтвердил две отмеченные выше основные дискурсивные позиции этих языковых единиц, используемых в качестве аргумента.

1. Пословица аргументирует эксплицитно выраженный РА говорящего.

2. Пословица используется в качестве ответного РА, совмещающего значение речевого действия и его аргумента.

Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров прагматического описания пословиц, выявляя их возможности по отношению к лично-временной перспективе события. В описании семантики мы будем опираться на толкования из «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова (Жуков 2000). Высказыванию, передающему РА, предшествует ремарка автора статьи, а выполняющая функцию аргумента пословица выделена полужирным.

1. За одного битого двух небитых дают.

Словарное толкование: Один бывалый человек стоит двух неопытных.

Фактивная перспектива. 2-е лицо. **Аргумент при утешении**, подбадривании собеседника, совершившего ошибку или прошедшего через неприятные испытания.

*Почему у вас мрачное настроение? Вы все еще расстраиваетесь по поводу этой литературной кутерьмы? (РА утешения. – И. Ш.): Полно, не первый и не последний раз все это случается. Я уже вам говорила когда-то, что **за битого двух небитых дают** (Т. Луговская. Письма Л.А. Малюгину).*

*– (РА утешения. – И. Ш.): Это верно, что туго вам в лесу довелось, братицы! – елеиным голосом затянул он. Но то помните, что **за битого двух небитых дают** (Е. Федоров. Каменный пояс).*

2. Клин клином вышибают.

Словарное толкование: Противодействуют тем же средством.

Футуральная перспектива. 2-е лицо. **Аргумент при совете/предложении решиться на радикальные меры** для решения проблемы.

*Да что у тебя за табак? Аж слезу вышибает. – (РА предложения. – И. Ш.): А ты нюхни, Варвара Петровна, своего, – сказал Фомич, подмигивая. – И все пройдет. **Клин клином вышибают** (Б. Можаев. Проданная деревня).*

– Здравствуйте, Григорий Маркович! – смущенно приветствовал Савелий. – Собственно, ни о чем конкретном: перегрузился (пере-

пил. – *И. Ш.*) *вчера немного: трубы горят! – Бывает! – усмехнулся тот. – **Клин клином вышибают! Садитесь ((выпить)*** РА предложения. – *И. Ш.*), *если нет спешных дел!* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!).

3. После драки кулаками не машут.

Словарное толкование: После чего-л. совершившегося, когда уже ничем нельзя помочь, бесполезно действовать, негодовать, сокрушаться.

Футуральная перспектива.

2-е лицо. **Аргумент при совете** собеседнику **смириться с неудачей**, проигрывшем в чем-л.

– *Я знаю, что он здесь бывает. – (РА совета. – И. Ш.) Раньше надо было держать. **После драки кулаками не машут*** (А. Володин. Пять вечеров).

1-е лицо. **Аргумент при решении смириться с неудачей**, проигрывшем в чем-л.

– *Перехитрили они нас. <...> Вот такие дела. Понял? – Вот гады, – пробормотал Сашка. – Кто бы мог подумать... – (РА решения смириться. – И. Ш.): Ну, ладно, **после драки кулаками не машут*** (В. Кондратьев. Сашка).

– *Нужно было ехать вместе с мамой к тетке и сидеть там, пока все утрясется. – (РА решения смириться. – И. Ш.): Чего уж теперь говорить? – пожала плечами Мариша. – **После драки кулаками не машут*** (Д. Калинина. Сглаз порче – не помеха).

4. Выше головы не прыгнешь.

Словарное толкование: Больше того, на что способен, не сделаешь.

Фактивная перспектива, 1-е л. Аргумент при попытке оправдаться за недостаточную реализацию трудновыполнимого задания.

*Рисунков, конечно, могло бы быть больше, но (РА попытки оправдаться. – И. Ш.): нельзя требовать одновременно и качества, и количества. **Выше головы не прыгнешь*** (М. Петросян. Дом, в котором).

*Ну поверьте же, ну поймите же – будет об этом и книга <...> Всему свой черед, всему свое время. **Выше головы не прыгнешь.** но (РА попытки оправдаться. – И. Ш.): И так ее не хватает, головы, на все то, что хотелось бы сделать в эти месяцы (В.Д. Алейников. Тадзима).*

Футуральная перспектива. 2-е лицо. Аргумент при отказе от трудновыполнимого задания в ответ на настойчивое требование.

*Ваша задача – иметь раскаленный мозг, вырабатывать идеи и тут же согласовывать их с принудительной силой реальности <...> – (РА отказа, совмещенный с аргументацией. – И. Ш.): **Выше головы не прыгнешь**, Илья Николаевич – Я не требую, чтобы вы были Спинозой или Конфуцием, Баклаков, вы не способны быть ими. Но я обязываю вас быть безжалостным и мудрым во всем, что касается золота Территории (О. Куваев. Территория).*

*– Наши силы вокруг нас; если мы не можем найти помощников, то, значит, мы сами ничего не стоим. – (РА отказа, совмещенный с аргументацией. – И. Ш.): **Выше головы не прыгнешь**, – возразил Давид. – У нас нашлось бы несколько человек, способных организовать освобождение, но как быть без денег? (Ф. Степняк-Личкус. Андрей Кожухов).*

5. Назвался груздем – полезай в кузов.

Словарное толкование: Если взялся за что-л., доводи дело до конца, неси все тяготы. Говорится тогда, когда кто-л. хочет, пытается уклониться от выполнения взятых на себя обязательств, обещаний и т. п.

Футуральная перспектива. 2-е л. Аргумент при запрете, несогласия с предложением собеседника прекратить начатую деятельность.

*Знаем мы этих знаменитых! – (РА отказа от предложения остановиться в чем-л. – И. Ш.): Ни-ни... не отвиливай, братец! **Назвался груздем – полезай в кузов!** Надевай шапку, пойдем! (А. Чехов. Средство от запоя).*

*Письмо ученой латынью было писано. Так я упросил толмача знакомого перевести. Уж не знаю: показывать ли? – **Назвался груздем – полезай в кузов.** (РА отказа от предложения остановиться в чем-л. – И. Ш.): **Давай сюды перевод!** (Б. Евсеев. Евстигней).*

Футуральная перспектива. 1-е л. Косвенный РА сообщения о решимости выполнить взятое рискованное обязательство.

*– А как? – Ползком. – (РА решения не останавливаться в чем-л. – И. Ш.): **Назвался груздем – полезай в кузов**, – ответил отец Макарий, понимая, что отступить некуда. Медленно, с большими предосторожностями он начал спуск [Н. Кокухин. Невидимые старцы, или Афон сокровенный // «Наука и религия», 2010].*

– *Слушай, не влезал бы ты в это дело, если так опасно.* – (РА решения не останавливаться в чем-л. – И. Ш.): *Ну, старичок, **назвался груздем, полезай в кузов.** – И когда ты к нему идешь? – спросил Сорин.* – *Да вот сейчас с тобой чайку попьем – и двину* (П. Галицкий. Опасная коллекция).

6. *С волками жить – по-волчьи выть.*

Словарное толкование: Человек бывает вынужден приноравливаться к окружающим, поступать так же, как те, в общество которых он попал, принимать их образ жизни (обычно предосудительный).

Фактическая перспектива. 1-е и 3-е л. Аргумент при оправдании неблагоприятных поступков.

(РА оправдания в чем-л. – И. Ш.): *Они по-другому не понимают. Это их жизнь, Андрей Ильич, их правила. Не я их придумал, не мне их и отменять. **С волками жить**, Андрей Ильич...* (А. Белозеров. Чайка).

Рэкетом заняться решил. Своеобразным таким. (РА оправдания в чем-л. – И. Ш.): *Ну, а чего же сделаешь? **С волками жить, по-волчьи выть.** Ничего не сделаешь. Либо в ручку, либо в рыло пожалуйста...* (Н. Коляда. Рогатка).

Выводы

Семантика пословиц в дискурсе приходит во взаимодействие с типовым речевым актом, обусловленным характеристиками времени и лица обсуждаемого события, приобретая таким образом особые дискурсивно-прагматические характеристики: способность выступать в качестве аргумента к тому или иному речевому акту. Список типов речевых актов, с которыми может соединяться пословица в качестве аргумента, ограничен и исчисляем. Описанием дискурсивно-прагматических характеристик можно дополнять толкования пословиц, и это дает важную информацию о возможности использования красивых образных выражений, воплощающих народную мудрость, в типовых коммуникативных ситуациях. Представляется, что это будет полезным как для иностранцев, изучающих русский язык на продвинутом уровне, так и для молодого поколения носителей русского языка.

Источники

- Жуков 2000 – Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
- Мокиенко и др. 2010 – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА-пресс, 2010. 1024 с.

Литература

- Абакумова 2010 – Абакумова О.Б. Семантика и прагматика пословиц и поговорок в дискурсе // Вектор науки ТГУ. 2010. № 4 (14). С. 105–107.
- Абакумова 2012 – Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2012. 354 с.
- Баранов, Добровольский 2013 – Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): Учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 178 с.
- Ван Мэн, Шаронов 2019 – Ван Мэн, Шаронов И.А. Прагматическое описание русских пословиц с двойным инфинитивом // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 84–100.
- Виноградов 1977 – Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
- Гвоздев 1965 – Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
- Долин 2004 – Долин Ю.Т. К вопросу о синтаксическом статусе обобщенно-личных предложений в русском языке // Вестник ОГУ. 2004. № 5. С. 4–6.
- Зевахина 2015 – Зевахина Н.А. К классификации иллокутивных типов предложений русского языка // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 87–116.
- Золотова 1973 – Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
- Карасик 2004 – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 477 с.
- Ковшова 2019 – Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропологический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.
- Крикманн 1984 – Крикманн А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремнологические исследования. М.: Наука, 1984. С. 149–178.
- Падучева 1985 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 294 с.
- Распопов 1968 – Распопов И.П. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1968. № 4. С. 73–82.

- Рогова 2001 – *Рогова К.А.* О значении и употреблении обобщенно-личных предложений // Тенденции развития русского языка: Сб. статей к 70-летию проф. Г.Н. Акимовой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 155–164.
- Селиверстова 2017 – *Селиверстова Е.И.* Пространство русской пословицы: Постоянство и изменчивость. М.: Флинта: Наука, 2017. 297 с.
- Тарланов 1972 – *Тарланов З.Г.* Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения? // Филологические науки. № 3. 1972. С. 86–90.
- Телия 2004 – *Телия В.Н.* Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаковмикротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 241.
- Фролова 2007 – *Фролова О.Е.* Мир, стоящий за текстом. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.
- Шанский 1963 – *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1963. 156 с.
- Шаронов 2018 – *Шаронов И.А.* Русские пословицы в диалоге: дискурсивно-прагматический подход к описанию // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете, МКР-Барселона 2018. Испания, Барселона, 19–23 июня 2018. Барселона: Изд-во Барселонского ун-та, 2018. С. 1590–1597.
- Шведова 1969 – *Шведова Н.Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) // Русский язык: Грамматические исследования: Сб. статей. М.: Наука, 1969. С. 3–77.

References

- Abakumova, O.B. (2010), “Semantics and pragmatics of proverbs and sayings in the discourse”, *Vektor nauki TGU*, vol. 14, no. 4, pp. 105–107.
- Abakumova, O.B. (2012), *Poslovicy v yazyke, soznanii i kommunikacii* [Proverbs in language, conscience and communication], Izdatel'skii dom “Alef-Press”, Saint Petersburg, Russia.
- Baranov, A.N. and Dobrovol'skii, D.O. (2013), *Osnovy frazeologii* [Fundamentals of phraseology], Flinta, Moscow, Russia.
- Dolin, Yu.T. (2004), “To the issue of syntactic status of generically-personal sentences in Russian”, *Vestnik OGU*, no. 5, pp. 4–6.
- Karasik, V.I. (2004), *Yazykovoi krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnozis, Moscow, Russia.
- Kovshova, M.L. (2019). *Lingvokulturologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok. Antropologicheskii kod kultury* [Linguistic and cultural analysis of riddles, proverbs and idioms. Anthroponymic code of culture], Lenand, Moscow, Russia.

- Krikmann, A.A. (1984), "To explanation of some semantical mechanisms of proverbs", in *Paremiologicheskie issledovaniya* [Paremiological studies], Nauka, Moscow, USSR, pp. 149–178.
- Paducheva, E.V. (1985), *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu* [Statement and its relation to reality], Nauka, Moscow, USSR.
- Raspopov, I.P. (1968), "Some constructive types of clause characteristics in modern Russian", *Russkii yazyk v shkole*, no. 4, pp. 73–82.
- Rogova, K.A. (2001), "On the meaning and the usage of generically-personal sentences", in *Tendencii razvitiya russkogo yazyka: sbornik statej k 70-letiyu professora G.N. Akimovoi* [Tendencies of the development of Russian language: a collection of articles to the 70th anniversary of prof. G.N. Akimova], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta, Saint Petersburg, Russia, pp. 155–164.
- Seliverstova, E.I. (2017), *Prostranstvo russkoi poslovicey. Postoyanstvo i izmenchivost'* [The space of Russian proverb. Constancy and change], Flinta, Nauka, Moscow, Russia.
- Shanskii, N.M. (1963), *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov universitetov* [Phraseology of the modern Russian language. Textbook for students of philological faculties of universities], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Sharonov, I.A. (2018), "Russian proverbs in dialogue: discourse-pragmatical approach", in *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki. Materialy po itogam Mezhdunarodnoj konferencii rusistov v Barselonskom universitete, MKR-Barselona 2018. Ispaniya, Barselona, 19–23 iyunya 2018* [Actual problems and perspectives of Russian linguistics. Materials of International conference in Barcelona univ. ICR 2018, Spain, Barcelona], Izdatel'stvo Barselonskogo universiteta, Barselona, Spain, pp. 1590–1597.
- Shvedova, N.Yu. (1969), "Paradigmatics of of clauses in modern Russian (an experience of typology)", in *Russkii yazyk. Grammaticheskie issledovaniya: sbornik statej* [Russian language. Grammar studies: a collection of articles], Nauka, Moscow, USSR, pp. 3–77.
- Tarlanov, Z.G. (1972), "Are there generically-personal sentences in Russian?", in *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], Moscow, USSR.
- Van Men and Sharonov, I.A. (2019), "Pragmatic description of Russian proverbs with double infinitive", *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, no. 21, *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 84–100.
- Vinogradov, V.V. (1977), "About the basic types of phraseological units in Russian", in Vinogradov, V.V., *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography], Moscow, Russia, pp. 140–161.
- Zevahina, N.A. (2015), "To classification of illocutionary types of sentences in Russian", *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, vol. 29, no. 1, pp. 87–116.
- Zolotova, G.A. (1973), *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay of functional syntax of Russian language], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Игорь А. Шаронов, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Igor_sharonov@mail.ru

Information about the author

Igor A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Igor_sharonov@mail.ru

Личность *Другого* в академическом дискурсе

Ольга А. Сулейманова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, SouleimanovaOA@mgpu.ru

Ирина В. Тивьяева

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия, TivyaevaIV@mgpu.ru

Аннотация. В статье описывается семантическая роль *Другого* в академическом дискурсе. Опираясь на идеи М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, авторы выбирают фигуру *Другого* как ключевого актора письменной коммуникации в академическом сообществе и ставят цель определить специфику языковой репрезентации *Другого* в академическом дискурсе в сопоставлении с дискурсом художественной литературы. Эмпирическая база исследования представлена корпусом текстов научных статей российских лингвистов, изданных в период с 1991 по 2012 гг. в рамках проекта Н.Д. Арутюновой «Логический анализ языка». На первом этапе исследования на основе указанных текстов была составлена релевантная выборка, в которую вошли языковые контексты, маркирующие дискурсивное присутствие *Другого*. Второй этап исследования предполагал семантический анализ и интерпретацию языкового материала с привлечением положений современной науки о языке и данных смежных дисциплин, в частности когнитивной психологии. Полученные результаты позволили составить типологию *Другого* в академическом дискурсе, а также выявить разноуровневые языковые единицы, системно выступающие эксплицитными или имплицитными маркерами фигуры внешнего актора в русскоязычной письменной академической коммуникации. Обращение к категории *Другого* в академическом дискурсе способствует более глубокому пониманию когнитивных аспектов процессов коммуникации в академическом сообществе и актуализирует ключевые прагматические установки научной интеракции.

Ключевые слова: академический дискурс, письменная коммуникация, имплицитный *Другой*, неопределенно-личное предложение, риторический вопрос

Для цитирования: Сулейманова О.А., Тивьяева И.В. Личность *Другого* в академическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 207–223. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-207-223

Figure of *Other* in academic discourse

Olga A. Suleimanova

Moscow City University, Moscow, Russia,

SouleimanovaOA@mgpu.ru

Irina V. Tivyaeva

Moscow City University, Moscow, Russia,

TivyaevaIV@mgpu.ru

Abstract. The paper focuses on the semantic role of *Other* in academic discourse. Drawing on ideas expressed by M.M. Bakhtin and Yu.M. Lotman, the authors see *Other* as a key actor of written communication in the academic community and aim to describe the specifics of verbalizing *Other's* presence in academic discourse as compared to fiction genres. The empirical basis of the study is constituted by a corpus of research papers written by Russian linguists and published over the period of 1991 through 2012 as part of the *Logical Analysis of Language* series edited by N.D. Arutyunova. In the initial stage of the research the corpus was used as a source of language data featuring contexts indicative of omnipresent *Other*. The second stage consisted in semantic analysis of language samples followed by cognitive interpretation and relied both on present-day linguistic theories and recent research in psychology. Results include a typology of *Other* in academic discourse and a description of relevant lexical and syntactic units systemically functioning as explicit and implicit markers of *Other* in Russian written academic communication. Addressing the figure of *Other* in academic discourse offers insights on the cognitive background of academic communication and brings to light key pragmatic intentions shaping interaction within the academic community.

Keywords: academic discourse, written communication, implicit *Other*, indefinite-personal sentence, rhetoric question

For citation: Suleimanova, O.A. and Tivyaeva, I.V. (2022), "Figure of *Other* in academic discourse", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 2, pp. 207–223, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-207-223

Введение

В статье рассматривается элемент семантической структуры предложения, необязательно имеющий эксплицитное выражение, однако присутствующий в выстраивании коммуникации как партнер автора, с которым автор и соизмеряет свою концепцию. Вывод о его наличии делается на основе присутствия в высказыва-

вании особых маркеров – дискурсивных частиц, местоимений и структурно-функционального анализа всей модели предложения. Это фигура *Другого* партиципанта акта коммуникации, введенная М.М. Бахтиным в интерпретацию художественного произведения, оттеняющая героя на фоне прочих персонажей и создающая полифонию текста, его многоголосие [Бахтин 1979]. Данная фигура обнаруживает себя и в академическом дискурсе, отличаясь спецификой своего выражения. Она попадает в сферу интереса исследователей начиная с Аристотеля, изучены многие аспекты ее функционирования. Так, Э. Бенвенист отмечает, что индивид способен познать себя именно через соотнесение с другими индивидами [Бенвенист 2002]; М.М. Бахтин подчеркивает, что жизнь человека – это интенсивное взаимодействие с другими [Бахтин 1979]. Ж. Отье-Ревю называет это повсеместным растворением *Другого* в дискурсе [Отье-Ревю 1999, с. 58]. В ряде работ специально рассматривается автокоммуникация [Лотман 2000; Никитина 2006]. Исследователи отмечают, что «наряду с явными, эксплицитными средствами адресованности... в любом естественном языке широко представлены косвенные, имплицитные средства адресованности, содержащие в своей семантике скрытую апелляцию к адресату, такие как диминутивы, побудительные и вопросительные высказывания... К средствам имплицитной адресованности также относятся так называемые «метатекстовые показатели»: вводные слова, частицы, пояснения, вставные конструкции, ориентированные на восприятие адресата» [Радбиль 2012, с. 411; Вежбицка 1978]. Именно эти метатекстовые показатели и имплицитно присутствуют в дискурсе *Другого* в тексте. Вместе с тем на настоящий момент остается не до конца проясненным функционал таких показателей, не выявлен набор единиц, позволяющий осуществить инференцию и реконструировать фигуру *Другого* как участника акта коммуникации в академическом пространстве, при том что исследования диалогичности академического дискурса активно ведутся в настоящее время (см., например, [Фомина 2017; Фомина 2018; Щепилова 2017; Чекмаева 2019]).

Другой в художественном и академическом дискурсе

В художественном дискурсе данная фигура эксплицируется через описание взаимодействия героев друг с другом, через обращение писателя к воображаемому собеседнику, часто к лирическому герою, ср.:

*Когда ты вспомнишь обо мне
В краю чужом...
Когда ты вспомнишь обо мне,
Дня, месяца, Господня Лета
Такого-то, в чужой стране...
Когда ты
Однажды вспомнишь обо мне...*
(И. Бродский. Пень без музыки. F.W.),

где автор обращается к одному ему известному реальному лицу; ср. тж.

*Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары*
(К.Н. Батюшков. К Дашкову)

или к воображаемому персонажу (историческому лицу)

Псылаю тебе, Постум, эти книги.
(И. Бродский. Письма римскому другу
(Из Марциала))

В роли *Другого* могут выступать абстрактные сущности

*Чего ты мне еще, зло время, не наслало!...
О град! в котором я благополучен был,
Места! Которые я прежде столь любил...*

Это может быть автодиалог

Терпи, моя душа, терпи различны муки
(А.П. Сумароков)

В прозаическом произведении, например в романе становления именно через анализ взаимодействия героев с окружающими и на их фоне, в противопоставлении им герой проходит путь становления. Отметим, однако, что в литературе необязательно предполагается непосредственно выраженное взаимодействие с адресатом, *Другим*, это может быть отложенный контакт с читателем и необязательно эксплицированная обратная связь (за исключением, может быть, отзыва критика или письменного или устного отклика читателя).

В академическом дискурсе ситуация иная: исследователь обращается к академическому сообществу с установкой получить

ожидаемый отклик на результаты своего исследования, причем это может быть публичная полемика (в форме статьи, рецензии и, конечно, в виде цитирования в работах коллег). В противном случае его исследование теряет смысл и не имеет значимости, на которую он рассчитывал и во взаимодействии и противодействии с которыми и развивается научная мысль. Собственно, эта установка на отклик коллег и определяет особую роль *Другого* (потенциального) как рупора таких откликов [Дискурс 2018]. Иными словами, автор находится практически в постоянном диалоге с *Другим(и)*, как имплицитным, так и эксплицитно обозначенным. В этом отношении академический дискурс принципиально отличен от диалога в художественном произведении.

Последний преимущественно (если не исключительно) представлен письменной формой, тогда как академический имеет еще одно отличие: он реализуется в письменной, а также и в устной форме. Эти формы могут различаться в том числе и спецификой взаимодействия с *Другим*. В настоящей работе рассматривается письменный дискурс и формы выражения *Другого* в академическом письменном жанре.

Материал и методология

Эмпирическая база исследования создавалась на основе текстов академического дискурса, представленных в виде научных статей по лингвистике, из которых отбирались интересующие нас дискурсивные маркеры, как лексические единицы, так и высказывания, эксплицирующие и имплицитные взаимодействие говорящего с академическим сообществом. Выборка примеров основана на текстах из ставших классическими сборников проекта Н.Д. Арутюновой «Логический анализ языка» [Логический анализ языка 1991; Логический анализ языка 2002; Логический анализ языка 2003a; Логический анализ языка 2003b; Логический анализ языка 2012] как представляющих строгие академичные и хорошо отредактированные тексты.

Методика предпринятого исследования определялась поставленными задачами, а именно: на первом этапе анализировались интерпретации семантики и функций данных дискурсивных маркеров, представленные в лингвистических работах. Выявлялись особенности полифонии дискурса [Бахтин 1979] в формате академического дискурса по сравнению с ее реализацией в дискурсе художественной литературы. В ходе анализа практического материала уточнялись существующие описания, рассматривалась ин-

терпретация ряда данных единиц в рамках междисциплинарного подхода, например, в исследованиях по психологии уточнена практически интерпретация семантики местоимения *мы*, что позволяет точнее определить его функционал и дискурсивный потенциал. Выстроена система эксплицитных маркеров взаимодействия с *Другим*, а также уточнена типология средств эксплицитного выражения *Другого* в академическом дискурсе.

*Эксплицитный и имплицитный Другой
в академическом дискурсе
Эксплицитный Другой*

Типичным способом эксплицитного представления *Другого* в тексте служит прежде всего использование существительного / именной группы или местоимения в форме именительного падежа типа *Н.Н. Николаев / ученый, исследователь / он полагает, что Р*, ср.: *А.Д. Кошелев предлагает считать, что «главной спецификой движения, обозначаемого ползти, является его полная устойчивость»*; *А.А. Любичев предлагает различать два вида упорядоченности – первичную и вторичную*; *При описании понятия «действие» в качестве единицы словаря русской культуры Ю.С. Степанов указывает на необходимость введения в лингвистическое описание таких подролей агенса, как агент-исполнитель и агент-инициатор*. (Отметим однако, что данный способ обозначения *Другого* неожиданно для нас оказался крайне низкочастотным. Мы могли бы отнести это на счет высокого академического уровня издания, отражающего стремление авторов фокусироваться скорее на содержании выдвигаемых и описываемых положений, чем на специальном подчеркивании атрибуции данных положений.) По понятным причинам распространено упоминание *Другого* в академическом тексте в формате ссылки *Любопытство – это интерпретативный предикат (в смысле [Апресян и др. 2000: XXV])*. *Другой* может быть эксплицитован именной группой / местоимением субъекта в форме творительного падежа: *нами установлено, что Р*. *Здесь Достоевским выведены наружу социальные парадоксы свободы: борьба за свободу объединяет и в то же время разъединяет людей*. Субъект *Другой* может получать метонимическое обозначение в виде отсылки к опубликованной автором статье, монографии или непосредственно к продвигаемой концепции, к локативному уточнителю, ср.: *данный подход предполагает, в статье, в работе Н.Н. Петрова*, ср.: *Для лингвистики интересными могут быть такие ситуации, в которых субъект вступает в ритуально не оформленные ситуации*.

Хорошо известным и широко распространенным средством апелляции к *Другому* может служить использование инклюзивного местоимения *мы*, включая и его нулевую форму. Психологи подчеркивают, что личные местоимения в языке составляют специальный класс слов, призванных обеспечить коммуникацию с миром [Slatcher 2008], что объясняет их использование психологами в качестве опоры в диагностировании психических расстройств, например в диагностике self-focused attention (SFA) (когнитивное расстройство, пограничное с депрессией – *cognitive bias closely related to depression*) [Brockmeyer 2015], а также позволяет установить связь использования местоимений с психическим состоянием [Slatcher 2008]. В лингвистике между тем получены исчерпывающие описания прономинальной семантики – см., например, [Селиверстова 1988]. Мы полагаем, что соединение лингвистического анализа и данных психологии позволяет уточнить интерпретацию указанных языковых единиц.

Психологи отмечают, что особенности использования пациентами местоимения первого лица – в форме единственного и множественного числа, наряду с лексикой, обозначающей эмоции, прямо соотносятся с состоянием психического здоровья личности [Slatcher 2008]. Они полагают, что местоимение *я* (I-talk) сигнализирует об осознании индивидом своей идентичности, и говорящий в личных отношениях использует это местоимение, например, когда фиксирует расхождение между существующим и желательным положением дел [Brockmeyer 2015]; оно часто служит лингвистическим маркером склонности к стрессу и негативной эмоциональности [Tackman 2018]. Исследования показывают, что депрессивная симптоматика проявляется в высокой частотности использования данного местоимения, из чего логически следует наличие у индивида повышенного упорного фокусирования на себе [Brockmeyer 2015], а это предполагает, что в коммуникации адресат подсознательно «считывает» данную информацию и воспринимает говорящего как стрессонеустойчивого индивида, недостаточно уверенного в себе и – как следствие – провоцирующего возражение.

Особого внимания заслуживает местоимение *мы*, которое, по мнению ряда исследователей, не является простым коррелятом формы единственного числа первого лица *я*, будучи противопоставлено ему по числу. Эти местоимения в принципе различаются и рядом иных коммуникативно чрезвычайно значимых свойств. Они «устроены» по-разному. Психологи рассматривают эти местоимения как маркер социальной идентичности и аффилиативной мотивации, когда партнеры осознают характер взаимодействия как близкого и качественного [Fitzsimons 2004].

Для академического дискурса традиционно свойственно использовать *мы*-авторское, *мы*-скромности. (Отметим однако, что его навязчивое использование в работах начинающих исследователей производит обратный эффект и начинает восприниматься как нескромное. Ср. т.ж. дублирование эффекта указанием на принадлежность работы автору с помощью притяжательного местоимения: как неприемлемую практику: **мы в нашем исследовании* [Сулейманова 2017].)

Имплицитный Другой

Имплицитный *Другой* представлен разнообразными лексическими и синтаксическими средствами и их комбинацией, и его «присутствие» выявляется через инференцию.

Мы выделяем два принципиально различных типа имплицитности, а именно: использование, например, местоимения *мы*, вполне эксплицитного, которое, однако, предполагает инференцию со стороны слушающего относительно того, кто же именно включен в круг участников события, и в этом смысле неопределенность референции порождает имплицитные смыслы. Нулевое *мы*, выводимое из формы глаголов *давайте сделаем Р* или *рассмотрим Р*, порождает иные смыслы. Само местоимение *мы* – как в эксплицитной, так и нулевой форме – может использоваться как эксклюзивно, так и инклюзивно, и эти варианты несимметричны. Фразы *рассмотрим эту проблему* / *давайте рассмотрим эту проблему* представляют собой скорее призыв к описываемому действию, тогда как *мы рассмотрим эту проблему* скорее относится к описанию будущего действия, ср. т.ж. *Заметим / отметим, что* и *мы заметим, что* или *обратим внимание* (к описываемому в данный момент факту) фактически призывает *обратите внимание* vs *мы обратим внимание* (обещание обратиться к факту в ходе дальнейшего обсуждения). Далее, использование нулевого местоимения *мы* позволяет установить более доверительные отношения с аудиторией по сравнению, например, с конструкцией с использованием глагола в форме повелительного наклонения – ср. *представим, как в данном случае Р*, где говорящий приглашает аудиторию присоединиться к описываемому когнитивному сценарию, и *мы представим*, где вероятно не только инклюзивное прочтение местоимения и тем самым не-включение адресата в описываемое событие и далее референция к будущему событию. *Начнем с живых существ – движущихся по собственной воле и с собственной целью*. Конструкции с нулевым, имплицитным местоимением обладают более высоким иллюку-

тивным потенциалом и в силу этого предпочтительны в ситуации устной коммуникации.

Имплицитный актант, с которым ведется диалог, системно представлен, например, в неопределенно-личных конструкциях с нулевым местоимением *они*, как и в принципе в большинстве случаев использования нулевых местоимений (*в лингвистике*) *считают; допустим, что Х*. При этом инклюзивное нулевое *мы* более диалогично: например, в высказываниях *Отметим / Обратим внимание / Рассмотрим* автор приглашает собеседников к совместному действию, включая их в свою деятельность, тогда как в высказывании *Нарисуем схему Х-а* маловероятно включение собеседника в данное действие.

Относительно низкую частотность неопределенно-личных конструкций с нулевым местоимением *они*, отмеченную нами при анализе языкового материала, возможно объяснить прагматической установкой любого академического текста на трансляцию нового научного знания. При этом, чтобы знание удовлетворяло требованиям научности, оно должно быть достоверным и происходить из надежного источника. Неопределенный статус актанта, имплицитного неопределенно-личными конструкциями с нулевым местоимением *они*, противоречит природе академического текста, не терпящего неточностей и условностей, поэтому, как правило, имплицитный Другой в таких конструкциях контекстуализирован, локализован во времени или пространстве. Отсутствие темпорального или пространственного локализатора в микроконтексте позволяет рассматривать нулевое *они* как дейктическое местоимение. Ср.: ***В современном русском употреблении* вырисовывается следующая схема. О Божественном мире и его аналогах говорят в терминах истины** [Логический анализ языка 1991, с. 26]. ***Столь же естественно присутствие правды в эстетических контекстах: предметом искусства может быть только мир человека. Поэтому говорят о правде искусства, правде поэзии, правде художественного мира Толстого, художественной правде*** [Логический анализ языка 1991, с. 26]. ***vs Отметим несколько характерных черт концепции (7) «факт есть причина события»: 1) во-первых, от «одноименных» термов снова перешли к «разноименным», или «несимметричным»*** [Логический анализ языка 1991, с. 7].

К прочим **лексическим средствам** можно отнести маркеры имплицитного взаимодействия, которые в большинстве своем маркируют некий квазидialog исследователя с самим собой как с Другим Я, отражая путь исследования, когда автор приводит аргументы (часто чужие) и в итоге приходит в ходе диалога к своему результату. Как отмечает Е.С. Никитина: «Общение с собой – это,

бесспорно, то, чему нас никто и нигде не учит. Нам по мере возможности прививают навыки общения с другими людьми, манеры поведения в семье, обществе. Но мы и понятия не имеем о правилах общения с самим собой даже в самых элементарных ситуациях. Многие даже не подозревают, что такой вид общения существует и в том или ином виде является обязательным условием нормальной, здоровой сознательной жизни человека» [Никитина 2012, с. 402]. Автокоммуникация принимает различные формы – так, исследователи относят к данной форме коммуникации общение с природой [Никитина 2012, с. 406]. Далее, показатели эпистемической модальности типа *вероятно, возможно, по всей видимости* имплицитно существуют, с которыми ведется диалог в том смысле, что говорящий допускает возможное несогласие с его стороны и учитывает его при выдвижении своей точки зрения [Дискурс 2018]: *Однако вполне нейтральный в оценочном смысле ПП (первичный предикат. – О. С., И. Т.) приближаться также, по-видимому, содержит сему «непосредственное восприятие».* Эпистемическое *возможно*, отражая готовность говорящего принять и иную точку зрения потенциального Другого, хорошо коррелирует с общими установками академического сообщества на открытость к иной точке зрения, с одной стороны, и снимает категоричность высказывания, порождая благоприятную реакцию и открытость у академического сообщества – с другой. При этом именно диалог с Другим обеспечивает продвижение и связность текста. Ср.: *Можно сказать (12) Дверь выходит во двор, но вряд ли допустимо предложение...; Отдельная интересная задача, по всей видимости, – это проследить, каким образом те или иные адвербиальные значения выражаются в различных языках.*

Диалогичность с Другим также отражена словами типа *ведь, же, отнюдь, то есть* и рядом других (см. ниже). В работе Т.Е. Янко единицы: *а, действительно, ведь, -то*, вводные слова и обращения отнесены к свидетельствам присутствия говорящего человека [Янко 2003, с. 573], что хорошо согласуется с нашей интерпретацией, продолжающей данную точку зрения – в данных случаях действительно хорошо просматривается говорящий, уже ведущий в том числе и автодиалог с собой прежним, со своей прежней точкой зрения. Так, слово *действительно* может, с одной стороны, маркировать автодиалог с собой: *Действительно, невозможно описать ситуацию, скажем, медленного движения карандаша как *карандаш ползет по бумаге*, с другой – реагировать согласием на точку зрения собеседника. Слова *впрочем, отнюдь, однако* также позволяют автору вступать в квазидиалог относительно ранее высказанного, слово *все-таки*, полемично завершая некий (внутренний) диалог:

Но заметим, что Вендлер все-таки не говорит, что высказывания, ведущие к «иллюкитивному самоубийству», в принципе невозможны, аномальны, также выстраивает линию взаимодействия с *Другим*. Ср. также **Определенная доля истины** в этом критическом замечании есть, где автор взаимодействует с ранее обозначенным замечанием «собеседника» через обозначение своего согласия (определенная доля истины – истина как репрезентант собеседника). Распространены пояснения, вводимые через *то есть* и *иными словами*. С точки зрения прагматики развития сюжета такие мотивы представляют собой сюжетные приемы, **т. е. определенные смысловые инструменты организации опыта для передачи тех или иных ценностей. Иными словами, содержание предложения соответствует действительности.** Далее, предикаты потенциальности, содержащие модальные показатели типа *возможно, необходимо* имплицируют взаимодействие с научным сообществом, когда говорящий не «закрывается» от него, он солидаризируется с возможным собеседником, приглашая его к диалогу – действительно, любое *можно* фактически провоцирует собеседника на то, чтобы «проверить», действительно ли можно, равно как *необходимо* – действительно ли это необходимо.

При этом наряду с приглашением к когнитивному взаимодействию показатели (эпистемической) модальности привносят представление о некатегоричности или, напротив, категоричности дискурса, формируя образ ученого как толерантной личности, открытой к взаимодействию и готовой к учету иной точки зрения.

К числу **синтаксических средств**, имплицирующих присутствие *Другого*, относится прежде всего неопределенно-личная модель. Семантика модели предполагает описание денотативной ситуации как включающей в событие сообщество лиц, границы которого эксплицированы / имплицитно заданы через включение в совокупную деятельность, значимую для данного сообщества: в нашем институте, в древности. При этом фраза типа *в нашем университете считают, что данные программы не подходят для данного профиля* предполагает охват тех сотрудников, которые непосредственно связаны с такими видами деятельности – в сферу действия включены преподаватели и администрация и, по всей вероятности, не включен персонал, осуществляющий уборку помещений [Сулейманова 1999].

Еще одним синтаксическим средством, имплицирующим взаимодействие с *Другим*, является риторический вопрос. Его суть не только в том, что это вопрос, который не требует ответа – прагматически дискурсивная интерпретация риторического вопроса акцентирует то, что он позволяет говорящему вовлекать *Другого* в свое

дискурсивное пространство, «включая» и активизируя механизм активного восприятия, что способствует активному слушанию и тем самым оптимизирует коммуникативное взаимодействие, являясь эффективным инструментом продвижения коммуникации.

Конструкции с риторическим вопросом также «маскируют» диалог, придавая динамизм повествованию и вместе с тем повышая иллокутивную силу высказывания, поскольку вовлекают *Другого* в активное «слушание», заставляя его – в режиме опережения – пытаться ответить на заданный вопрос. *Что же тогда остается в понятии парентезы?* В ряде случаев это некий внутренний диалог с самим собой – **Для чего мы рассматриваем здесь именно эту конструкцию?**

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно специфики выстраивания коммуникации в академическом сообществе. Академический дискурс отличается от других типов дискурса, в том числе дискурса художественного, установкой на диалогичность, что продиктовано основными принципами производства научных знаний. Наука не способна развиваться в изоляции. Диалог между участниками академического сообщества – необходимый компонент системы апробации, способствующий верификации и осмыслению научных результатов. Диалогичность академического дискурса проявляется, помимо прочего, через фигуру *Другого*, который выступает ключевым актором процесса коммуникации. Формы объективации *Другого* в академическом дискурсе варьируются в зависимости от письменного или устного и жанрового формата коммуникации.

В письменном академическом дискурсе присутствие *Другого* может быть обозначено как эксплицитно, так и имплицитно. Типичными маркерами эксплицитного *Другого* выступают существительные, именные группы и личные местоимения, в том числе инклюзивное *мы*. При этом в обследованном текстовом материале отмечается невысокая степень частотности языковых средств, эксплицирующих присутствие стороннего коммуниканта.

Арсенал средств, маркирующих фигуру имплицитного *Другого*, с которым ведется диалог, отличается большим разнообразием и включает единицы как лексического, так и синтаксического уровня. Имплицитный актант определяется через инференцию, при этом может манифестироваться эксплицитно, например посредством инклюзивного *мы*, или имплицитно – через нулевые местоимения, неопределенно-личные конструкции или риторические вопросы.

Особое место в рамках академического дискурса отводится автокоммуникации, поскольку специфика профессиональной деятельности в академической сфере способствует ведению субъектом автодиалога. Адресат автокоммуникации нередко репрезентируется через модальные слова и лексемы типа *действительно, ведь, отнюдь*.

Таким образом, базовые коммуникативные установки, принятые академическим сообществом, являются определяющими для конфигурации ролей в академическом дискурсе и их системной репрезентации.

Литература

- Бахтин 1979 – Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бенвенист 2002 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. 448 с.
- Вежбицка 1978 – Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста / Ред. Т.М. Николаева. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.
- Дискурс 2018 – Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Д.Д. Холодова, Г.Н. Манаенко, С.Н. Плотникова [и др.]; Ред. О.А. Сулейманова. М.: URSS, Ленанд, 2018. 320 с.
- Логический анализ языка 1991 – Логический анализ языка. Культурные концепты / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. 204 с.
- Логический анализ языка 2002 – Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. 648 с.
- Логический анализ языка 2003a – Логический анализ языка. Космос и хаос / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. 640 с.
- Логический анализ языка 2003b – Логический анализ языка: Избранное 1988–1995 / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. 696 с.
- Логический анализ языка 2012 – Логический анализ языка. Адресация дискурса / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. 512 с.
- Лотман 2000 – Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 159–165.
- Никитина 2006 – Никитина Е.С. Автокоммуникация как риторическая проблема // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве-2: Материалы Международной научной конференции. Часть 1. М.; Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. С. 140–146.
- Никитина 2012 – Никитина Е.С. Адресаты в автокоммуникации // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 402–410.

- Отъе-Ревю 1999 – *Отъе-Ревю Ж.* Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 54–94.
- Радбиль 2012 – *Радбиль Т.Б.* Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М.: Индрик, 2012. С. 411–424.
- Селиверстова 1988 – *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
- Сулейманова 1999 – *Сулейманова О.А.* Проблемы русского синтаксиса. Семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ, 1999. 222 с.
- Сулейманова 2017 – *Сулейманова О.А.* К вопросу о нормативности письменного академического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 2 (26). С. 52–61.
- Фомина 2017 – *Фомина М.А.* Маркеры адресанта в научном диалоге // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалистов. 2017. Т. 1. № 2 (10). С. 96–103.
- Фомина 2018 – *Фомина М.А.* Субъект в академическом дискурсе // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Ред. О.А. Сулейманова. М.: URSS, Ленанд, 2018. С. 256–272.
- Чекмаева 2019 – *Чекмаева Н.А.* Диалог с Другим в академическом дискурсе // В многомерном пространстве современной лингвистики. М.: Языки народов мира, 2019. С. 334–342.
- Щепилова 2017 – *Щепилова А.В., Сулейманова О.А., Фомина М.А., Водяницкая А.А.* Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 68–82.
- Янко 2003 – *Янко Т.Е.* Описания мира и речевые действия // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 571–580.
- Brockmeyer 2015 – *Brockmeyer T., Zimmermann J., Kulessa D. et al.* Me, myself, and I: self-referent word use as an indicator of self-focused attention in relation to depression and anxiety // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. Art. 1564.
- Fitzsimons 2004 – *Fitzsimons G.M., Kay A.C.* Language and interpersonal cognition: causal effects of variations in pronoun usage on perceptions on closeness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. Vol. 30 (5). P. 547–557.
- Slatcher 2008 – *Slatcher R.B., Pennebaker J.W., Vazire S.* Am “I” more important than “we”? Couples’ word use in instant messages // *Personal Relationships*. 2008. Vol. 15. P. 407–424.
- Tackman 2018 – *Tackman A., Horn A., Carey A., Holtzman N.S.* Depression, Negative Emotionality, and Self-Referential Language: A Multi-Lab, Multi-Language-Task Research Synthesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 116 (5). P. 817–834.

References

- Arutyunova, N.D. (ed.) (1991), *Logicheskii analiz yazyka. Kul'turnye kontsepty* [Logical analysis of language. Culture concepts], Nauka, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2002), *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of language. Semantics of beginning and end], Indrik, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2003a), *Logicheskii analiz yazyka. Kosmos i khaos* [Logical analysis of language. Cosmos and chaos], Indrik, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2003b) *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe 1988–1995* [Logical analysis of language. Selected works 1988–1995], Indrik, Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (ed.) (2012) *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing in discourse], Indrik, Moscow, Russia.
- Autier-Revue, J. (1999), “Explicit and cognitive heterogeneity: to the problem of Other in discourse”, *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of analysis of discourse], Progress, Moscow, pp. 54–94.
- Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal creativity], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Benvenist, E. (2002), *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics], URSS, Moscow, Russia.
- Brockmeyer, T., Zimmermann, J., Kulesa, D. et. al. “Me, myself, and I: self-referent word use as an indicator of self-focused attention in relation to depression and anxiety”, *Frontiers in Psychology*, vol. 6, art. 1564.
- Chekmaeva, N.A. (2010), “Dialogue with Other in academic discourse”, in Kardanova-Biryukova, K.S. (ed.), *V mnogomernom prostranstve sovremennoi lingvistiki* [In multidimensional space of contemporary linguistics], Yazyki narodov mira, Moscow, pp. 334–342.
- Fitzsimons, G.M. and Kay, A.C. (2004), “Language and interpersonal cognition: casual effects of variations in pronoun usage on perceptions on closeness”, *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 30, no. 5, pp. 547–557.
- Fomina, M.A. (2017), “The addresser’s markers in academic dialogue”, *Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoi podgotovki spetsialistov* [Linguacultural education in the system of university training], vol. 1, no. 2 (10), pp. 96–103.
- Fomina, M.A. (2018), “Subject in academic discourse”, in Suleimanova, O.A. (ed.) *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeistviya* [Discourse as a universal matrix of verbal interaction], URSS, Lenand, Moscow, pp. 256–272.
- Lotman, Yu.M. (2000), “Autocommunication: I and Other as addressees (On two communication models in the system of culture)”, in *Semiosfera*, Iskusstvo-SPb, St.-Petersburg, pp. 159–165.
- Nikitina, E.S. (2006), “Autocommunication as a rhetoric problem”, in *Klassicheskoe lingvisticheskoe obrazovanie v sovremenном mul'tikul'turnom prostranstve-2. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chast' 1* [Classical linguistic education in modern multicultural space-2, Proceedings of International Scientific

- Conference. Part 1], Pyatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, Moskva-Pyatigorsk, pp. 140–146.
- Nikitina, E.S. (2012), “Addressees in autocommunication”, in Arutyunova, N.D. (ed), *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing in discourse], Indrik, Moscow, Russia, pp. 402–410.
- Radbil', T.B. (2012), “Metalinguistic commentary as a means of manipulating the addressee”, in Arutyunova, N.D. (ed), *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing in discourse], Indrik, Moscow, Russia, pp. 411–424.
- Seliverstova, O.N. (1988), *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in language and speech], Nauka, Moscow, Russia.
- Shchepilova, A.V., Suleimanova, O.A., Fomina, M.A. and Vodyanitskaya, A.A. (2017), “[Target audience in contemporary educational discourse”, *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, vol. 3, no. 27, pp. 68–82.
- Slatcher, R.B., Pennebaker, J.W. and Vazire, S. (2008), “Am “I” more important than “we”? Couples’ word use in instant messages”, *Personal Relationships*, vol. 15, pp. 407–424.
- Suleimanova, O.A. (1999), *Problemy russkogo sintaksisa. Semantika bezlichnykh predlozhenii* [Problems of Russian syntax: impersonal sentences], Dialog-MGU, Moscow, Russia.
- Suleimanova, O.A. (2017). “Guidelines towards academic writing”, *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, vol. 2, no. 26, pp. 52–61.
- Suleimanova, O.A. (ed.) (2018), *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeistviya* [Discourse as a universal matrix of verbal interaction], URSS, Lenand, Moscow, Russia.
- Tackman, A., Horn, A., Carey, A. and Holtzman, N.S. (2018), “Depression, Negative Emotionality, and Self-Referential Language: A Multi-Lab, Multi-Language-Task Research Synthesis”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 116, no. 5, pp. 817–834.
- Wierzbicka, A. (1978), “Metatext in text”, in Nikolaeva, T.M. (ed.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta* [New trends in foreign linguistics, vol. 8. Text linguistics], Moscow, Progress, pp. 402–421.
- Yanko, T.E. (2003), “World descriptions and speech acts”, in Arutyunova, N.D. (ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoe 1988–1995* [Logical analysis of language. Selected works 1988–1995], Indrik, Moscow, Russia, pp. 571–580.

Информация об авторах

Ольга А. Сулейманова, доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 105064, Россия, Москва, Малый Казенный пер., д. 5Б; SouleimanovaOA@mgpu.ru

Ирина В. Тивьяева, доктор филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия; 105064, Россия, Москва, Малый Казенный пер. д. 5Б; TivyaevaIV@mgpu.ru

Information about the authors

Olga A. Suleimanova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 5B, Malyi Kazennyi per., Moscow, Russia; SouleimanovaOA@mgpu.ru

Irina V. Tivyaeva, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Moscow City University, Moscow, Russia; bld. 5B, Malyi Kazennyi per., Moscow, Russia; TivyaevaIV@mgpu.ru

Лицо под маской и без, или Почему шурин глаза щурит?

Людмила Л. Федорова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfgouh@yandex.ru

Аннотация. В период пандемии маска стала необходимым атрибутом. В статье рассматриваются мимические жесты глаз, по которым можно угадать улыбку под маской. По опросам студентов, улыбку можно узнать по прищуренным глазам. Однако прищуренные глаза могут быть частью жестов улыбки или усмешки, имеющих различный смысл. Эта неопределенность проявляется в русской пословице, характеризующей типичное поведение родственников по отношению к зятю, в которой жест глаз шурина остается непонятным: *Зять любит взять, тесть любит честь, а шурина глаза щурит*. Мимический жест щурить глаза может быть рассмотрен в его языковых коррелятах: *щурить глаза, прищуриться, с прищуром* и др. Лексикографический и корпусный анализ этих единиц дает возможность выделить кроме значения физического действия дополнительные эмоционально-оценочные значения, не отмеченные в современных словарях. На основе этого анализа и с учетом фольклорных материалов была предложена трактовка поведения шурина в русской пословице. Наличие разных версий английских переводов для *прищуриться, прищурить глаза* позволяет предположить культурно-языковую специфику русских единиц, возможно, отражающих и характерный для русского коммуникативного поведения жест.

Ключевые слова: жесты глаз, языковые корреляты жестов, лексическая семантика, русские паремии

Для цитирования: Федорова Л.Л. Лицо под маской и без, или Почему шурина глаза щурит? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 224–239. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-224-239

The face under the mask and without it,
or Why the brother-in-law squints his eyes?

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lfvdoux@yandex.ru*

Abstract. During the pandemic, the mask became a necessary attribute. The article discusses the eye gestures, by which you can guess the smile under the mask. According to student surveys, a smile can be recognized by squinting eyes. However, squinted eyes can be part of the gestures of a smile or a grin, which have different meanings. This uncertainty appears in a Russian proverb that characterizes the typical behavior of relatives towards a son-in-law, in which the gesture of the brother-in-law's eyes remains incomprehensible: *The son-in-law likes to take, the father-in-law loves honor, and the brother-in-law squints his eyes*. The mimic gesture of SQUINTING EYES can be considered in its linguistic correlates: *shchurit' glaza, prishchurit'sja, s prishchurom*, etc. Lexicographic and corpus analysis of these units makes it possible to identify, in addition to the meaning of physical action, emotional and evaluative meanings not noted in modern dictionaries. Based on this analysis and taking into account folklore materials, an interpretation of the brother-in-law's behavior in the Russian proverb was proposed.

Russian units describing the gesture have different versions of English translations, thus we can suggest their cultural and linguistic specifics, possibly reflecting a gesture characteristic of Russian communicative behavior.

Keywords: eye gestures, linguistic correlates of gestures, lexical semantics, Russian paroemias

For citation: Fedorova, L.L. (2022), "The face under the mask and without it, or Why the brother-in-law squints his eyes?", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 2, pp. 224–239, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-224-239

В последнее время маска стала нашим необходимым внешним атрибутом. Скрывая движения губ, она ограничивает распознавание выражения лица, так что мы угадываем мимику собеседника в основном по движениям головы и глаз. Но многое ли можно распознать под маской? Какие мимические движения помогут узнать улыбку?

Задачи работы:

- выявить из опросов студентов, как воспринимается лицо под маской, можно ли узнать улыбку под маской;

- рассмотреть жест щурить глаза и его языковые корреляты; выяснить их культурно-языковую специфику;
- попытаться восстановить смысл действия шурина в поговорке *Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин глаза щурит*.

Материалом работы послужили лексикографические описания, художественные тексты, представленные в НКРЯ, и данные опросов.

Лицо – маска – личина

«В своем выражении внутренней жизни *лицо* – *отличие личности*, не то что тело, родовое начало человека. <...> А кто не хочет, чтобы его узнали, наденет на лицо маску, *личину*» [Айрапетян 2011, с. 90].

В современной жизни маска – вынужденное средство, однако она сохраняет свойство маски – скрывать личность. К этому относятся по-разному. Вот некоторые высказывания студентов:

- *Мне нравится носить маски из-за того, что они дают некую форму анонимности* (студент).
- *Можно влюбиться в человека в маске, потому что маска сохраняет зрительный контакт* (студентка).
- *... маска придает загадочности. Приходится самому догадываться о чувствах человека* (студент).
- *Под маской человек кажется лживым, ненастоящим* (студентка).
- *Маска вызывает сложность в коммуникации* (студент).
- *Появляется интерес к тому, как выглядит человек без маски, какая у него внешность?* (студентка).

Студенты отмечают плюсы маски: можно тихонько подпевать под музыку, можно зевать под маской.

Скрывая лицо, маска прячет выражение эмоций и ограничивает их восприятие собеседником. Наибольшую значимость приобретают глаза, брови, а также и уши, когда они краснеют. Но уши, скорее, оцениваются в другом, практическом, отношении, что видно из студенческого фольклора:

Я: Очки, сережки, наушники, маска.

Уши: Может, еще и сумку твою понести?

Можно ли узнать улыбку под маской?

- По глазам можно понять, что человек улыбается: появляются «гусиные лапки» в уголках глаз (студентка).
- Мнение о человеке можно составить, наблюдая за его глазами. Они могут быть злыми, добрыми и т. д. Также можно понять настроение человека по мимике бровей (студент).

Об улыбке под маской судят по глазам: при искренней улыбке глаза прищуриваются, появляются «гусиные лапки» у век, угадываются «смешинки в уголках глаз». Именно по этим мимическим деталям мы способны распознать улыбку под маской.

На самом деле, щурить глаза – это мимическое движение, сопровождающее как улыбку, так и усмешку – в этом и заключается сложность интерпретации, т. е. это сложный знак, и чтобы его трактовать однозначно, надо видеть губы и оценить направление взгляда, его прицельность или уклончивость. Мы склонны видеть улыбку во взгляде прищуренных глаз, обращенных к нам, даже не видя движения губ под маской; появляется ощущение приглашения к контакту и взаимопонимания. Хотя подобный взгляд может казаться нарушающим личную сферу, попыткой сокращения дистанции, мы в соответствии с принципом кооперации общения Грайса и принципами вежливости ожидаем доброжелательную поддержку и участие, если нет прямых оснований для иной трактовки.

Однако сам жест щурить глаза все же включает в себе неоднозначность.

*Щурить глаза:
лексикографические данные*

Щурить глаза – известное выражение, образованное глаголом с уникальной сочетаемостью; возможно еще лишь *щурить веки*. Так описывается физическое движение – щурить глаза можно рефлекторно, на яркий свет, на солнце, но тогда чаще говорят *щуриться, сощуриться*. Можно целенаправленно щурить глаза, чтобы лучше разглядеть что-то, чтобы прицелиться; тогда обычно используют глагол *прищуриться*. Но есть и собственно мимический жест, на который указывает русская пословица: *Зять любит взять, тесть любит честь, а щурин глаза щурит* (Даль 1957, с. 396). При явной игре на фонетическом подобии (*щурин* – *щурит*) предполагается известным, что же выражает сам жест. Но так ли уж это известно?

В современных словарях у *щурить* отмечается единственное значение:

ЩУРИТЬ ... нсв. (св. сощурить) что. Сближая веки, прикрывать (глаза). Щ. глаза от солнца. Щ. глаза от близорукости (Кузнецов 2014).

Среди производных – *щуриться, прищурить, прищуриться, прищур*. В словаре под редакцией Н.Ю. Шведовой еще *щурение* (Шведова 2007).

Ранее у глагола *щурить* было больше производных. Так, в Словаре Академии Российской (ч. 6, 1794):

«щурю... – говорится только о глазах, и значит жмурю, сближаю вежди. *Щурить глаза*» (САР 1794, с. 973). Отмечены производные: *щурюсь, щурение, щура* (сущ. общ. рода в просторечии) – «тот, кто привычку имеет часто щурить глаза», *прищуриваю* – «несколько щурю, имею привычку несколько щурить глаза», *прищуриваюсь, прищуривание, с прищурью* – «во образе наречия значит: несколько зажмуря» (САР 1794, с. 974) (правда, в корпусе таких примеров нет; сейчас мы сказали бы «с прищуром»).

Здесь интерес представляет *щура* – персонаж, выделенный по внешнему признаку (ср. *улыба*). У Даля есть даже три имени: *щура, прищура* и *щур*, причем *прищура* определяется тоже по внешнему признаку, но с характерным примером: *Прищура себе на уме*. А для *щура* и *щур* отмечается по диалектам общее значение – ‘лукавый, хитрый человек’; ‘лукавый плут, вор’, есть и прилагательное *щуроватый* ‘плутоватый’. Есть и омоним *щур* – название птички; хотя в примере можно заметить сближение значений: *Щуры летают, олухов оплетают* – птички или плуты? Отмечены и другие значения зоонима *щур*: кузнечик, уж, крыса (ср. совр. украинский), земляной червь, «какая-то рыба, которой не едят», «щучка», *щурёнок* – маленькая щучка (Даль 1994). Во всех своих ипостасях это существо быстрое, юркое, мелкое. Трубачев ссылается на мнение Якобсона: *щиг* «в различных слав. языках обозначало хтонические живые существа» (Фасмер 1964–1973, I, с. 511).

В Словаре русских народных говоров *прищура*, ж. ‘хитрая, злая женщина’ и как имя общего рода «о человеке, имеющем привычку щурить глаза», «о близоруком человеке» (также *прищурка*). А сам глагол *прищурить* имеет в диалектах более широкий круг значений на базе различной сочетаемости: ‘подманивать кого-л’, *Прищурить огонь* ‘убавить огонь’, как непереходный – ‘поладить, ударить по рукам’; *прищуриться* ‘притаиться’ *Прищурилась где-нибудь* (СРНГ 1998). Возможно, эти значения развивают идею прицельного умаления в сопровождающих действиях.

Важным для нашего анализа является описание жеста прищуриться в Словаре языка русских жестов (Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001, с. 126–127). В качестве однословной характеристики семантики жеста используется лексема *усмешка*, в качестве сопутствующих жестов – улыбка, подмигнуть, а в качестве жестового аналога предлагается щелкнуть по носу. Авторы дают такое толкование жеста: «*X прищурился* = ‘Жестикулирующий знает нечто такое, чего не знает адресат, и внутренне смеется над ним’». Типично использование жеста в ситуации, когда «жестикулирующий, человек более старший или более опытный, понимает, что адресат может попасть в неловкое положение и иронизирует или по-доброму смеется над ним» (Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001, с. 126). Однако эта трактовка не снимает неоднозначности жеста: усмешка скорее бывает недоброй, улыбка – дружелюбной, их можно рассматривать как два разных жеста, но для обоих, как и для подмигивания, характерным мимическим движением бывает *прищуриться*.

Итак, лексикографические источники показывают две возможные исходные трактовки глагола *шурить* и производных: как физического действия и как связанного с этим действием выражения состояния или свойства характера – лукавства, плутовства, хотя в современных толковых словарях имена по признаку действия (*шура*, *пришура*) не отмечаются, а сам глагол представлен однозначным, смысл жеста не фиксируется, и это не дает ключа к пониманию сохранившейся поговорки про шурина.

Корпусный анализ

Можно попытаться вычитать коннотативные смыслы в контекстном употреблении. Что же дают нам примеры художественных текстов?

Обратимся к НКРЯ. В нем 444 примера на *шурить* глаз(а) (дата обращения 15.10.2021).

Не все они описывают мимику человека. Нередко глаза шурит кот, и это всем знакомый образ, но иногда и другие животные (щенок, волк, верблюды, филин Гуамоко в сказке Волкова). При этом обычно им также приписываются «человеческие» эмоции:

(1) *Но кот лежал, прижавшись к теплому боку печки, и шурил глаза, делая вид, что ему глубоко наплевать на малопонятные сложности человеческих взаимоотношений* (Ян Разливинский. Старьевщик // «Знание – сила». 2006).

Здесь прочитывается безразличие и презрение.

Но обычно по отношению к котам употребляют глагол *жмуриться*, причем этот образ является достаточно устойчивым сравнением при описании мимики человека и подразумевает состояние удовольствия, блаженства: *<он> жмурится, как кот, которому чешут за ухом; жмурился, как кот на сметану*.

Интересно, что этимологически *жмурить* рассматривают как метатезу к *мигать* (Фасмер 1964–1973, II, с. 60). Все три глагола семантически тесно связаны, но в отличие от *жмуриться* и *жмурить глаза* глагол *щурить* чаще связывается с целенаправленным действием и неполнотой, неопределенностью, а в отличие от *мигать* не связан с кратностью; прищуренный взгляд – это обычно пристальный, немигающий взгляд [Айрапетян 2011, с. 358].

В описании людей «щурить глаза» может сопровождать указание на разные чувства и отношения: как симптоматический жест он выражает скорее состояние человека, как коммуникативный – отношение к собеседнику:

(2) *<...> редко морщила она свое гладкое чело, никогда не крутила носом, не брала себя за виски, не поджимала губы, не щурила глаза в презрении, да и смеялась-то редко* (Ксения Букша. Inside Out (Наизнанку). 2005).

(3) – *Я пригласил вас, Нил Степанович, для очень доверительного разговора, – сказал он, слегка щуря натруженные глаза, что указывало еще и на явный интерес к собеседнику* (П.Л. Проскурин. Число зверя. Часть первая // «Роман-газета». 1999).

В этих примерах видно, что щурить глаза можно в презрении, но и от усталости, и еще выражая заинтересованность. По-видимому, более отчетливое представление о характере эмоций, сопровождающих этот жест, можно получить на основе контекстов с наречием.

Поиск в корпусе на сочетания Adv + *щурить* (на расстоянии 2, дата обращения 15.10.2021) дал 222 примера, которые уточняют настроение или чувства человека. В том, что касается эмоций, можно отметить такие характеристики:

– *презрительно, зло, гневно, враждебно, хмуро, холодно, недоверчиво, обиженно* – с негативным отношением к собеседнику:

(4) *Краюхин же лишь зло щурил глаза и раздувал ноздри: «Ладно! Ладно! – грозил он <...>»* (Дмитрий Каралис. Случай с Евсюковым. 1985);

– *хитро, иронически, лукаво, насмешливо, многозначительно* – с иронией:

(5) *Егорыч хитро щурит* молодые, невзирая на довольно солидный возраст, **глазки** и вопрошает – чего надобно? (П. Осетинская. Рояль на линолеуме // «Русская жизнь». 2012);

– ласково, томно, сладко, благосклонно (о пантере), весело (о собаке) – с добрыми чувствами:

(6) На вопрос Наташи Анюта отвечает, **ласково щуря смеющиеся глаза**: <...> (Л.А. Чарская. Неприятное положение. 1908).

Последнее встречается гораздо реже, здесь в основном речь о выражении состояния, а не отношения, и о женщине или животном. В итоге можно заключить, что нет однозначного определения характера жеста, *щурить глаза* не стало идиомой с конкретным значением (в отличие, например, от *задрать нос*). Однако наиболее частые примеры с *презрительно* (17), *лукаво* (15), *хитро* (12) и *насмешливо* (10) формируют некоторую тенденцию к складыванию более определенной коннотации.

Но для половины примеров с глаголом (222) нет уточняющего наречия, поэтому однозначно трактовать их сложно:

(7) <...> *мать Левки по-прежнему смуглела худыми щеками, курила папирасы, смотрела косо и странно, щуря глаза* (Юрий Трифонов. Дом на набережной, 1976).

Здесь взгляд не обращен к собеседнику, передается внутреннее состояние; смысл жеста можно трактовать как многозначительность, когда человек «себе на уме», а что у него на уме – неизвестно. Видимо, это и составляет загадочность и неопределенность поведения шурина в пословице.

Гораздо шире представлены в корпусе приставочные производные. *Прищурить глаза* – 1117 примеров, *прищуриться* – 2481, реже встречается *сощурить глаза* – 300. В сочетании Adv + *прищурить* – 456 примеров, эмоции уточняются наречиями: *презрительно, лукаво, плутовски, небрежно, взвешенно, недоверчиво, хитро, добродушно, озабоченно, скептически, враждебно, хитровато, недобро, нахально, жестко*. Здесь также преобладают негативные коннотации, хотя спектр эмоций достаточно широкий, допускающий и добродушие.

Примеры на *прищурить/прищуриться* нередко включены в более детальное описание жеста, что мы видим в «Пиковой даме»:

(8) *В эту минуту показалось ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом. Германн, поспешно*

подавшись назад, оступился и навзничь грянулся об землю (А.С. Пушкин. Пиковая дама. 1833).

(9) – *Дама ваша убита, – сказал ласково Чекалинский. Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обернуться. В эту минуту ему показалось, что пиковая дама **прищурилась и усмехнулась**. Необыкновенное сходство поразило его... – Старуха! – закричал он в ужасе* (А.С. Пушкин. Пиковая дама. 1833).

Здесь приписываемые старухе эмоции не вызывают сомнения, они понятны Германну: она одержала верх и издевается над ним. Особенно характерны усмешка и жест, исполняемый одним глазом, сближаемый с жестом подмигнуть.

Развернутое описание жеста в динамике дает также Достоевский:

(10) *И, сказав это, Порфирий Петрович **прищурился, подмигнул**; что-то **веселое и хитрое** пробежало по лицу его, морщинки на его лбу разгладились, **глазки сузились**, черты лица **растянулись**, и он вдруг залился нервным, продолжительным смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом и **прямо смотря в глаза** Раскольникову* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание. 1866).

Прищурился здесь предваряет *подмигнул*, т. е. это как бы части одного мимического жеста. Прямой взгляд прищуренных глаз – это и приглашение к доверительному контакту, и сообщение о понимании чего-то, что собеседник желает скрыть, и, возможно, сигнал превосходства.

Прищуренный «говорящий» глазок является характерной внешней чертой Смердякова, указывающей на умысел:

(11) *Левый **чуть прищуренный** глазок его мигал и усмехался, точно выговаривая: «Чего идешь, не пройдешь, видишь, что обоим нам, умным людям, переговорить есть чего»* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. 1880).

Эти описания показывают особенную связанность прищуренного взгляда и подмигивания, которое является знаком, приглашающим к сговору.

(12) *И значит, они на все сто в государственно оплаченном сговоре. Дурачат друг друга латинскими терминами. А видят все **русским прищуренным глазком*** (Владимир Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени. 1996–1997).

«Прищуренный глазок» как бы видит насквозь, подразумевает заднюю мысль. Типично русский взгляд?

Описание характерного мимического жеста представлено и в выражении «с прищуром». В основном корпусе НКРЯ 208 примеров (на расстоянии 2, дата обращения 17.02.2022):

(13) Прощаясь, он добавил **с улыбочивым прищуром**: – Батьке своему привет передавай (Михаил Елизаров. Госпиталь. 2009).

(14) – Я хотел его успокоить, однако он смотрел на меня **с подозрительным прищуром**, пытаюсь понять: разыгрываю ли я его или говорю серьезно (Александр Титов. Путники в ночи // «Волга», 2008).

(15) Ильич кашлянул, **с лукавым прищуром** оглядел собравшихся и весело сказал: <...> (Николай Желунов. Проект «Ленин». 2007).

В газетном корпусе еще 72 примера, что говорит о востребованности образа в современном языке, и есть 11 примеров в корпусе поэтическом.

(16) *Как и все советские люди, я смотрел на советскую власть с прищуром <...>* (записал Михаил Карпов. «Это не ложь, это особая правда» // lenta.ru, 2019.11.02).

(17) *«Старые москвичи» всегда будут смотреть на приезжих с некоторым прищуром, пристрастно, оценивая их с точки зрения своей, «московской», культуры* (Как грузины, татары и евреи москвичами стали // «Новая газета», 2016.12.09).

(18) *Я и сам с большим прищуром отношусь к фильмам о войне* (Анна Позина. «Последним киногероем своего времени был Данила Багров» // «Известия», 2013.05.22).

(19) *И вообще недурной человек С перепутанным прошлым, с особым прищуром на вещи* (Б.А. Слуцкий. Инвалиды: «На Монмартре есть дом, на другие дома не похожий...». 1939–1956).

Общий смысл, вычитываемый из этих примеров, – выражение критической или негативной оценки, настороженности. Последний пример прямо указывает не на физическое действие (*смотреть*), а на ментальное (*относиться определенным образом*), а два других примера используют глагол *смотреть* в соответствующем переносном значении, так что можно наблюдать развитие значения у выражения *с прищуром* от обозначения способа действия к выражению определенного чувства или отношения. Возможно, именно такое значение актуализуется в пословице про шурина. Он смотрит на зятя (для которого он шурина) оценивающе, оставаясь «себе на уме». Хотя нам может быть непонятна его задняя мысль, однако можно попытаться ее уточнить на основе фольклорных материалов.

Шурин и зять в фольклоре

В народной традиции отношения шурина и зятя не отмечены дружелюбием: *Зять да шурин – черт их судит; Шурин по зяте не наследник* (Даль 1957, с. 396). От шурина ожидается скорее недоверие, недоброжелательство, естественное по отношению к чужаку-зятю: *Чуж-чуженин, а стал семьянин (зять)* (Даль 1957, с. 395); *Я не архиерейский зять, с меня нечего взять* (Даль 1957, с. 895).

Опрос среди фольклористов-исследователей подтверждает такие толкования; вот характерное свидетельство Е.В. Миненко:

Я в экспедициях в деревнях Смоленской области, когда записывала свадебные песни, часто также фиксировала, что шурин старался как можно дороже продать косу сестры (невесты). Одна из исполнительниц сказала: «Знамо дело, шурин глаза щурит». Я переспросила, что имеется в виду. Ответ был такой: «Редко, когда шурьяк и зять дружили. Это ж брат. Вот к невестке плохо отнесутся, там обидят как, она придет и шурьякам нажалится. Если шурьяки в силе, то могут и побить зятя. Глаза щурит – угрожает, смотри, мол, мою сестру не тронь» (ИМЛИ. 2003. Смоленская область, Ельнинский р-н, с. Нововоспасское, фонд Е.В. Миненко). Вот мои певички имели в виду, что щурит глаза – предупреждает.

М. Медведев указывает на существование продолжения поговорки: *Зять любит взять, тесть любит честь, «а шурин глаза щурит: дать не хочет, а сам взять не может»*¹. Такая версия дополняет картину традиционно недоверчивых отношений зятя и шурина, хотя здесь позиция шурина менее благовидная, основанная на собственном интересе. Так или иначе, шурин глаза щурит с не самыми добрыми чувствами.

Сопоставление с переводами

Пословица про шурина, примеры на «русский прищуренный глазок», «с прищуром», «прищуриться» наводят на мысль о выделенности в русской коммуникативной культуре этого мимического

¹ В словаре Зимина отмечена версия *Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин глаза щурит и дать не хочет* (Зимин 2015, с. 314). Известна и версия с тещей (*...тёща любит дать...*), но этот образ вне нашего рассмотрения.

жеста. Для проверки специфичности русского *прищурить(ся)* можно сопоставить его переводы по параллельному корпусу.

В параллельном английском корпусе находим такие варианты переводов:

(20) <...> *но что прочтешь на толстом, скуластом, улыбающемся лице умного сорокалетнего человека с **прищуренными, веселыми и недобрыми глазами*** (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1. 1960 | Vasily Grossman. Life and fate. Part 1 [Robert Chandler, 1985]) – *But what could he hope to read in the **slit eyes, bright but without kindness***. (*slit* – ‘щель, щелка; щелевидный; разрезать’)

(21) *Наливая Крымову водки, Батюк, **прищурив глаза**, проговорил <...>* (В.С. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1. 1960 | Vasily Grossman. Life and fate. Part 1 [Robert Chandler, 1985]) – *As he poured out some vodka for Krymov, Batyuk **narrowed his eyes** and said <...>* (*narrowed his eyes* – ‘сузил глаза’)

(22) ***Прищурив глаза**, Синеглазка стала смотреться в зеркало* [Н.Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей. 1953–1954 | Nikolay Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends [Margaret Wettlin, 1980]) – *Cornflower **screwed up** her eyes and studied herself in the glass* (*screw up* – ‘завинтить’).

(23) *Пока пришедший пил и ел, Пилат, прихлебывая вино, поглядывал **прищуренными глазами** на своего гостя* (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. 1929–1940 | Mikhail Bulgakov. Master and Margarita [Larissa Volokhonsky, Richard Pevear, 1979]) – *While the visitor drank and ate, Pilate, sipping his wine, kept glancing **with narrowed eyes** at his guest*.

(24) *Мой хозяин был жулик с всегда **прищуренным глазом** и шелковыми громадными усами* (И.Э. Бабель. Ди Граcco. 1937 | Isaac Babel. Di Grasso [Peter Constantine, 2002]) – *My boss was a shark **with an eye** that always **squinted** and a large, silky mustache* (*squint* – ‘щуриться, жмуриться, косить’).

Из этих немногих примеров все же видно, что единственного варианта перевода *прищуриться* нет, жест описывается разными сочетаниями с глаголами физического действия. Наиболее близкие значения имеют *to squint* и *to narrow eyes*. Поиск в параллельном корпусе на *squint* показывает, кроме *прищуриться*, различные русские соответствия в переводах:

(25) *He **squinted his face into exaggerated puppy eyes**, and I had to laugh* (Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada. 2003 | Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада [М. Маяков, Т. Шабаетова, 2006]) – *Он*

скорчил гримаску, вытаращил свои самодовольные глазки, и я не удержалась от смеха.

(26) Klaus *squinted back at her* <...> (Carnivorous Carnival. 2002 | Лемони Сникет. Кроважадный карнавал [Н. Рахманова, 2005]) – Клаус *скосился* на нее <...>

Отсюда видно, что употребление английского глагола *squint* шире и охватывает различные мимические действия глаз.

Для глагола *to narrow* достаточно типично употребление с прямым объектом *eyes*. Поиск в параллельном корпусе (на расстоянии 2) дает 153 примера; из 20 первых примеров 9 переведены глаголами *щуриться, прищуриться, сощуриться*, 6 – «сузить глаза», 2 примера на *narrow-eyed* – «узкоглазый». С другой стороны, поиск на форму прошедшего времени (для исключения грамматической омонимии) *narrowed* + сущ. (на расстоянии 2) дал 136 примеров. Из 20 первых примеров в 11 присутствуют *eyes*, но есть еще *артерии, губы (поджать), дороги, проход, окружье (света), точка (воронка, сузившаяся в точку)*, для которых более уместен перевод *сузить*. В переводах сочетаний с *eyes* есть также *коситься, «глаза превратились в щелочки», «глядя из полуприкрытых век»*. Этот беглый анализ показывает, что, хотя *to narrow eyes* более других претендентов соответствует русскому «щурить глаза», все же соответствие не полное, допускающее варианты перевода, и кроме того, сам глагол имеет более широкую сочетаемость, чем русское *щурить*. Эти наблюдения позволяют сделать вывод о лингвоспецифичном характере русского *щурить(ся)/прищурить(ся)/с прищуром*. И это вполне согласуется с тем, что жест прищуриться выделен как единица языка русских жестов.

Заключительные замечания

Итак, можно заключить, что у всех исследованных русских выражений исходное значение связано с описанием внешней физической стороны действия. Но на его основе развивается дополнительное сознание – не отмеченное в словарях – ментального или эмоционально-оценочного характера, который примысливается этому мимическому движению как жесту. Это второе значение выступает в тех случаях, когда нет никакой содержательной конкретизации жеста. Аналогичные сдвиги возможно усмотреть и в значениях приставочных производных *зажмуриться* и *подмигнуть*, передающих мимику глаз и способных указывать состояние или отношение. Подобный процесс привел к идиоматизации сочетания *смотреть косо (на)*, т. е.

относиться с неодобрением, осуждением, и может привести к аналогичному переходу у *смотреть с прищуром*, т. е. относиться критически, оценивающе. Вообще, эта особенность перехода значения от внешнего физического движения к ментальному действию наблюдается и в других глаголах, описывающих поведение и состояние человека, таких, например, как *стушеваться, смешаться, сконфузиться, потеряться* и др., передающих переживание состояния неловкости [Федорова 2020]. Так что и наблюдаемые переходы можно рассматривать как отражение общей тенденции метонимически связывать внешние проявления эмоций с их содержанием.

Своеобразие выделенных языковых выражений позволяет предположить их культурно-языковую специфику, особую стереотипичность для русского образного выражения эмоций. Их стереотипичность основывается на семиотической трактовке соответствующих русских жестов, данной в Словаре Григорьевых и Крейдлина.

В анализе мы опирались на этнолингвистический подход к исследованию стереотипов, предложенный Е. Бартминым при описании народных стереотипов и символов с учетом материалов трех типов: лексикографических, текстовых (корпусных) и данных опросов [Бартминовский 2005а; Бартминовский 2005б], а также использовали процедуру сопоставления переводов, дающую возможность выделить специфику русского языкового образа на фоне иного языка. Подобный подход позволяет наиболее полно оценить значимость отдельных единиц в языковом сознании народа. В результате анализа мы предложили гипотезу о культурно-языковой специфике русских выражений *шурить глаза, прищуриться, с прищуром*, в которых развивается особое понимание жеста – вторгающегося в личное пространство, оценивающего критически или даже цинично. Возможно, что такое понимание изначально присутствовало в более широком поле имен (*щура, прищура*), что и отмечают исторические и диалектные словари, а с уходом этих имен-образов стало менее осознаваемым. Эти соображения, а также фольклорные материалы дают основания для понимания образа шурина в пословице – как не дружелюбного, а подозрительно-недоброго к чужаку, остающегося «себе на уме». Но при этом выбор безадресного выражения «глаза шурит» оставляет некоторую недосказанность, допуская «взгляд в сторону», передающий состояние шурина, невысказанную досаду (*сам взять не может*).

Что же касается оценки жеста под маской – обычно мы склонны видеть в обращенном к нам взгляде прищуренных глаз добрую улыбку, интерес, может быть, шутливость и приглашение к контакту – даже с нарушением коммуникативных конвенций о соблю-

дении дистанции. Возможно, в этом сказывается и национальный стиль коммуникации.

В заключение автор благодарит участников обсуждения фольклорного образа шурина – Е.Е. Левкиевскую, Е.В. Миненок, М. Архипову, М. Медведева, О.В. Белову и Ю.М. Кувшинскую за помощь в организации этого обсуждения, а также всех коллег, высказавших свои соображения по поводу пословицы в дискуссии на конференции.

Источники

- Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.: Языки русской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. 256 с.
- Даль 1957 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1957. 992 с.
- Даль 1994 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. (1903–1909). М.: Прогресс–Универс, 1994.
- Зимин 2015 – *Зимин В.И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2015. 736 с.
- Кузнецов 2014 – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. Авторская редакция 2014 г. URL: <http://www.gramota.ru/slovari> (дата обращения 17.02.2022).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 17.02.2022).
- САР 1794 – Словарь Академии Российской, 1789–1794, ч. 1–6. Ч. 6 и последняя. СПб.: Императорская Академия наук. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10112/#page/1/mode/1up> (дата обращения 17.02.2022).
- СРНГ 1998 – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1998. Вып. 32. URL: iling.spb.ru (дата обращения 17.02.2022).
- Фасмер 1964–1973 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Ред. Н.Ю. Шведова. М.: Изд-во «Азбуковник», 2007. 1175 с.

Литература

- Айрапетян 2011 – *Айрапетян В.* Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. Ч. 1. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. 528 с.
- Бартми́нский 2005а – *Бартми́нский Е.* Стереотип как предмет лингвистики // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 133–157.

- Бартми́нский 2005b – *Бартми́нский Е. О* «Словаре народных стереотипов и символов» // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 66–86.
- Федорова 2020 – *Федорова Л.Л.* Глаголы эмоционального состояния неловкости в текстах Достоевского // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. М., 2020. С. 191–201. URL: 2020_emotional_domain_collection.pdf (iling-ran.ru) (дата обращения 17.02.2022).

References

- Ajrapetyan, V. (2011), *Tolkuya slovo. Opyt germenevtiki po-russki* [Interpreting the word: the experience of hermeneutics in Russian], part 1, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, Moscow, Russia.
- Bartmiński, J. (2005), “Stereotype as a subject of linguistics”, in Bartmiński, J., *Yazykovoi obraz mira: очерки po etnolingvistike* [The linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics], Indrik, Moscow, Russia, pp. 133–157.
- Bartmiński, J. (2005), “About the ‘Dictionary of Folk Stereotypes and Symbols’ ”, in Bartmiński, J., *Yazykovoi obraz mira: очерки po etnolingvistike* [The linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics], Indrik, Moscow, Russia, pp. 66–86.
- Fedorova, L.L. (2020), “Verbs of the emotional state of awkwardness in Dostoevsky’s texts”, in *Emocional’naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikacii: sinhroniya i diahroniya* [The emotional sphere of a person in language and communication: synchrony and diachrony], ILing RAN, Moscow, Russia, pp. 191–201, available at: 2020_emotional_domain_collection.pdf (iling-ran.ru) (Accessed 17 Feb. 2022).

Информация об авторе

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lfvoux@yandex.ru

Information about the author

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lfvoux@yandex.ru

Интертекстуальный уровень
в структуре языковой личности
как носителя диалогической языковой способности

Надежда Н. Шпильная

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия, venata85@mail.ru*

Елена Н. Скубиёва

*Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия, nikoles_16@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена реконструкции интертекстуального уровня в модели языковой личности как носителя диалогической языковой способности. Авторы исходят из понимания того, что модель языковой личности включает в себя следующие уровни: уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания ответного текста, интерпретационный, модусный и интертекстуальный уровни. Интертекстуальный уровень рассматривается как уровень порождения речевого произведения, создаваемого в ситуации ответа. Интертекстуальность в этом случае трактуется как диалогическое взаимодействие текстов друг с другом, о чем свидетельствует наличие различных «чужих» элементов в создаваемом речевом произведении. Единицами описания данного уровня служат интертекстемы, взятые из исходного речевого высказывания или из любых других текстов. Фактологическим материалом служат ответные реплики носителя языка, опубликованные на портале информационного агентства «Банкфакс». Реконструкция интертекстуального уровня показывает, что абсолютно все ответные речевые произведения, созданные одним носителем языка, содержат «отзвуки и отголоски» (по М.М. Бахтину) «чужих» текстов. В данном исследовании это слова, соответствующие определенным жанрам, пословицы и поговорки, устойчивые выражения из различных сфер речевого взаимодействия.

Ключевые слова: диалогическая языковая способность, интертекстема, интертекстуальность, структура языковой личности, языковая личность

Для цитирования: Шпильная Н.Н., Скубиёва Е.Н. Интертекстуальный уровень в структуре языковой личности как носителя диалогической языковой способности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 240–252. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-240-252

Intertextual level in the structure of a linguistic personality as a native speaker of a dialogical linguistic ability

Nadezhda N. Shpil'naya

*Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia,
venata85@mail.ru*

Elena N. Skubieva

*Altai State University, Barnaul, Russia,
nikoles_16@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the reconstruction of the intertextual level in the model of a linguistic personality as a native speaker of dialogical language ability. The authors proceed from the understanding that the model of a linguistic personality includes the following levels: the level of superficial understanding of a speech work and its selection for the creation of a response text, interpretative, modus and intertextual levels. The intertextual level is considered as the level of generation of a speech product created in a response situation. Intertextuality in this case is interpreted as a dialogical interaction of texts with each other, as evidenced by the presence of various “alien” elements in the created speech work. The units of description of this level are intertexts taken from the original speech utterance or from any other texts. The factual material is the responses of one native speaker published on the portal of the Bankfax news agency. Reconstruction of the intertextual level in the structure of the linguistic personality as a carrier of dialogic language ability shows that absolutely all the response speech works created by one native speaker contain “echoes and echoes” (according to M.M. Bakhtin) of “foreign” texts. In this study, these are words corresponding to certain genres, proverbs and sayings, stable expressions from various spheres of speech interaction.

Keywords: dialogic language ability, intertexteme, intertextuality, language personality, structure of language personality

For citation: Shpil'naya, N.N. and Skubieva, E.N. (2022), “Intertextual level in the structure of a linguistic personality as a native speaker of a dialogic language ability”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 2, pp. 240–252, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-240-252

Постановка проблемы

Исследование направлено на описание языковой личности как участника диалогической ситуации. Мы рассматриваем диалогическую ситуацию как ситуацию ответа, в которой проявляется

языковая способность носителя языка, условно называемая нами диалогическая языковая способность. О проявлении диалогической языковой способности как способности создавать ответные речевые произведения в ситуации диалога говорил Л.П. Якубинский, указывая при этом на рефлекторный характер этого явления. «Подобно тому, как вопрос почти произвольно, естественно, в силу постоянной ассоциации между мыслями и выговариванием, рождает ответ... подобно этому и всякое речевое раздражение, как бы непрерывно длительно оно ни было, возбуждая как свою реакцию мысли и чувства, необходимо толкает организм на речевое реагирование» [Якубинский 1986, с. 32]. О рефлекторном проявлении диалогической языковой способности говорит и замечание ученого о необходимости умения слушать собеседника, поскольку «прерывать другого не нужно уметь, потому что это естественно» [Якубинский 1986, с. 33].

Следует отметить, что ответное реплицирование Л.П. Якубинский прослеживает и при восприятии устного монолога (например, на собрании), и при восприятии письменного монолога (чтение книги или статьи) [Якубинский 1986]. Иными словами, по мнению исследователя, любое речевое взаимодействие обнаруживает естественное стремление к диалогу. Заметим, что степень рефлекторности создания ответной реплики условна, так как она может контролироваться носителем языка, что проявляется в различных ситуациях – особенно ситуациях официального характера. Однако контролируемость ответной реплики не означает, что способность носителя языка к созданию речевых произведений ограничивается созданием инициальной реплики или реплики, рассматриваемой вне коммуникативного контекста. Нам представляется, что зачастую либо исследователь ограничен фактологическим материалом, а потому делает выводы, которые отражают осмысление избираемого для анализа языкового материала; либо результаты анализа таковы, потому что таков «гносеологический прицел» ученого.

Признание диалогической языковой способности носителя языка актуализирует проблему моделирования (описания и реконструкции) языковой личности как носителя данной способности. Эта проблема актуальна еще и потому, что традиционные модели языковой личности воссоздают языковую личность как создателя монологического высказывания (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, В.И. Карасик и др.). Такое представление языковой личности, на наш взгляд, не соответствует ее реальному статусу в коммуникации. Поскольку коммуникация осуществляется в форме диалога, реальной единицей коммуникации выступает

диалогическое высказывание, в котором создается не только инициальная, но и ответная реплика. Кроме того, предположения М.М. Бахтина о диалогическом взаимодействии высказываний в речевой цепи и анализ сетевой коммуникации, осуществляемой в формате радиально-цепочечного диалога, показывают, что инициальная реплика – это зачастую ответная реплика (абсолютизировать данную мысль на данный момент мы пока не можем, по всей вероятности, в силу ограниченности возможности исследователя делать подобные выводы).

Осуществление реконструкции языковой личности на основе созданных ею текстов зачастую проводится изолированно от коммуникативного контекста. Исключение составляет модель языковой личности, предложенная С.А. Сухих, в которой учитывается способность языковой личности к исполнению различных коммуникативных ролей [Сухих 1998]. Поэтому существующие модели языковой личности, представляющие ее как создателя монологического высказывания (= инициальной реплики), нуждаются в уточнении. Реконструкция языковой личности как носителя диалогической языковой способности может стать основой для исследований в области обучения диалогическому взаимодействию носителей языка или инофонов.

В ранее опубликованных работах мы выделили следующие уровни в структуре языковой личности: уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания ответного текста, интерпретационный, модусный и интертекстуальный уровни [Скубиёва 2021].

Цель статьи

Целью настоящей статьи является анализ интертекстуального уровня в иерархической структуре языковой личности как носителя диалогической языковой способности. Названный уровень представляет собой уровень порождения ответного речевого произведения, т. е. на интертекстуальном уровне происходит языковое выражение ответной речевой реакции. Важную роль при этом играет текстовая диалогичность, восходящая к идее М.М. Бахтина о том, что «наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [Бахтин 1997, с. 193].

Как уже было отмечено в ранее опубликованной работе [Шпильная 2019], носитель языка, выступая в роли отвечающего,

в ситуации общения зачастую рефлексивно реагирует на исходную реплику собственным речевым произведением. Поскольку ни одно высказывание не появляется на пустом месте и обязательно имеет связь с уже существующими высказываниями, любой случай использования чужого текста в речевом общении становится интертекстуальной ситуацией, и категория интертекстуальности становится обязательной для всех видов текстов. Под интертекстуальностью мы понимаем диалогическое взаимодействие текстов друг с другом, что находит выражение в наличии чужеродных элементов в новом тексте. Само же явление интертекстуальности, непосредственно связанное с бахтинским пониманием *полифоничности, чужого слова, данности речевых жанров*, дает основание трактовать интертекстуальный уровень в структуре языковой личности как уровень порождения ответного речевого высказывания.

В современной науке существует два понимания смысла интертекстуальности. Широкое понимание (Ж. Деррида, Ю. Кристева) отображено в идее о том, что любой текст представляет собой интертекст, сочетающий в себе совокупность вербальных и невербальных знаков предыдущих текстов [Маняпова 2010]. Узкое понимание (Н.А. Фатеева) базируется на выделении явных ссылок на предыдущие тексты в виде цитат, аллюзий, реминисценций, через которые реализуется текстовое проявление интертекстуальности [Фатеева 1998]. Однако, по мнению Т.С. Пиндосовой, такая трактовка интертекстуальности является искусственно ограниченной, поскольку этот феномен заключается не только в заимствовании элементов существующих текстов, но и в наличии единого текстового пространства [Пиндосова 2019]. Таким образом, интертекстуальность понимается как общее для всех текстов свойство явно или неявно ссылаться друг на друга [Еременко 2012].

Основа такого понимания интертекстуальности была заложена в идее полифоничности М.М. Бахтина, который первый указал на то, что текст связан особенными отношениями не только с элементами системы языка, но и с другими текстами. Исследуя творчество Ф.М. Достоевского, ученый приходит к выводу, что за каждым текстом стоит система языка, которой в тексте отвечает все созданное повторенное, создаваемое и повторяемое, а также все, что может существовать вне этого текста. Однако каждый текст, как и высказывание, является индивидуальным и неповторимым, в чем и заключается его глубинный основной смысл [Бахтин 1979].

Рассматривая речевое общение как активный обмен мыслями, М.М. Бахтин указывает, что мысли эти «знают друг о друге и взаимно отражают друг друга», определяя характер друг друга [Бахтин 1997, с. 195]. Таким образом, каждое высказывание содержит в

себе «отзвуки и отголоски» чужих высказываний, принадлежащих, как правило, к одной сфере речевого общения.

М.М. Бахтин предлагает рассматривать каждое высказывание в качестве ответа на исходное высказывание данной сферы общения. Такая мысль ученого ценна не только для моделирования языковой личности в целом, но и для анализа интертекстуального уровня данной модели как уровня порождения ответного речевого высказывания, поскольку во всяком высказывании, как полагает ученый, можно обнаружить множество явных или скрытых чужих слов, едва ощутимые отзвуки смен речевых субъектов [Бахтин 1997].

Также предмет речи говорящего, как отмечает философ, «не впервые становится предметом речи в данном высказывании, и данный говорящий не первый говорит о нем. Предмет <...> уже оговорён, оспорен, освещён и оценен по-разному, на нем скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления» [Бахтин 1997, с. 198].

Исследуя речевые жанры, М.М. Бахтин говорит о невозможности речевого общения без свободного владения уже созданными речевыми жанрами. «Слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (т. е. приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим конец, то есть с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» [Бахтин 1997, с. 181]. Индивидуальная же воля отвечающего, по мнению ученого, проявляется только в выборе соответствующего жанра. К таким жанрам относятся приветствия / прощания, поздравления и пожелания и т. п. [Бахтин 1997]. И поскольку говорящему даны уже некие образцы высказываний в определенной сфере и ситуации, конкретное речевое высказывание, несмотря на его творческий характер и индивидуальность, по мнению М.М. Бахтина, нельзя рассматривать свободной комбинацией языковых форм [Бахтин 1997].

Единицы описания интертекстуального уровня в структуре языковой личности

Для классификации чужеродных элементов в речевом высказывании мы использовали термин «интертекстема», введенный в научный обиход И.К. Сидоренко [Сидоренко 1999, с. 10]. Среди интертекстем, служащих единицами описания интертекстуального уровня в структуре языковой личности, нами были

выделены следующие виды интертекстом: интертекстема, взятая из исходного текста, и интертекстема, относящаяся к любому другому тексту.

Теоретической базой такого выделения послужила мысль М.М. Бахтина о том, что, занимая ответную позицию, речевое высказывание наполняется различными ответными реакциями, которые соответственно имеют различные формы. «Чужие высказывания могут прямо вводиться в контекст высказывания, могут вводиться только отдельные слова или предложения, которые в этом случае фигурируют как представители целых высказываний, <...> чужие высказывания можно пересказывать с различной степенью их переосмысления, на них можно просто сослаться как на хорошо известные собеседнику, их можно молчаливо предполагать...» [Бахтин 1997, с. 195–196].

Реконструкция интертекстуального уровня в структуре языковой личности

Реконструкцию интертекстуального уровня в структуре языковой личности мы проводим на основе анализа чужеродных элементов, определяемых в ответных репликах конкретного носителя языка, выступающего под никнеймом *Бредер Валентина, г. Славгород, Алтайский край*, опубликованных на портале информационного агентства «Банкфакс».

Проанализированные ответные реплики данной языковой личности изобилуют интертекстемами, являющимися «чужими» элементами, взятыми из различных текстов. Они представлены пословицами и поговорками (*сытый голодного не разумеет, деньги любят тишину*), различными идиомами (*знаний полная голова, звезда во лбу, закрыть глаза на все и вся, партии не панацея*), устойчивыми выражениями из разных сфер речевого общения (*седьмой десяток разменяла, на югах, живут с колес, плановая и рыночная экономика, в России все приватизировавшие*).

Ниже продемонстрируем некоторые примеры реализации интертекстуального уровня в структуре диалогической языковой личности речевыми произведениями одной языковой личности, в которых присутствуют явные следы чужеродных элементов, классифицируемых нами как интертекстеми, взятые из любых источников.

Комментируя статью об увеличении стоимости жилья, носитель языка использует идиомы *знаний полная голова* и *звезда во*

лбу: *«Туда не подпустят сына доярки, скотника, рабочего завода, фабрики, будь у того знаний полная голова и звезда во лбу»*¹.

Несколько устойчивых выражений встречаем в речевом произведении: *«...надо ее отправить давно на пенсию, потому как седьмой десяток разменяла. А она мастак обойти закон хоть региональный, хоть федеральный... Прокуроров было трое, при ее отсидке, но закрывали глаза на все и вся. Больше должно быть сознания у самих жителей, а партии не панацея»*². Это такие идиомы: *седьмой десяток разменяла, мастак обойти закон, закрыть на все глаза, партии не панацея*.

Идиома *сидят на газовой игле* содержится в ответной реплике к статье о гибели молодого контрактника в аварии *«Гибнет молодежь, умирают дети, не получив лекарства (уже не говорю о других) а по телевизору, на каждом канале, как мы осчастливили Турцию, Сербию, Болгарию и другие южные страны, а сами топим дровами и каражирским казахским радиоактивным углём и мрём и мрём. Но на газовой игле <...> сидят плотно»*³.

Ответное речевое произведение *«Уважаемые жители Алтайского края! Не удивляйтесь! Примите как данность, Алтайский ФАС никогда не стоит на стороне заявителей, если они не богатые буратины, а тем более просто жителей края. Считаю, что только плановая экономика (при таких проблемах в России) спасет жителей края и страну от голода. За почти тридцать лет рыночная себя показала, а что будет еще?»*⁴ тоже содержит некоторые устойчивые выражения из разных сфер речевого общения: *примите как данность, не стоит на стороне, богатые буратины, плановая и рыночная экономика*.

¹Федеральный Минстрой настоял на увеличении нормативной стоимости жилья в Алтайском крае. 10.01.2020 // Информационное агентство Банкфакс. URL: <https://www.bankfax.ru/news/135020> (дата обращения 20.01.2022).

²Избирком направил в алтайский парламент инициативу о возвращении прямых выборов мэра и глав. 10.01.2020 // Информационное агентство Банкфакс. URL: <https://www.bankfax.ru/news/135028> (дата обращения 20.01.2022).

³Молодой контрактник из Алтайского края погиб под колесами автобуса в Ленинградской области. 09.01.2020 // Информационное агентство Банкфакс. URL: <https://www.bankfax.ru/news/134992> (дата обращения 20.01.2022).

⁴Рынок порешал: алтайские антимонопольщики назвали законным резкий рост цен на лимоны. 08.04.2020 <https://www.bankfax.ru/news/136148> (дата обращения 20.01.2022).

Также речевые произведения пользователя, выступающего под никнеймом *Бредер Валентина...* изобилуют поговорками. Вот примеры некоторых из них:

*А может пора раскошелиться миллиардерам, друзьям <...>, имеющим дворцы за бугром и счёта, и в России все прихватизировавшие. Голодный люд, ведь не управляемый, об этом надо в первую очередь задуматься. История ведь повторяется. На югах, где нет производств, простые работяги ежедневно живут с колес. На бездельников – демагогов-болтунов хватает денег, а сейчас и голодным денег нет. <...> Сытый голодного не разумеет*⁵.

Кроме поговорки *сытый голодного не разумеет*, в этой реплике встречаем также и устойчивые выражения *за бугром, все прихватизировавшие, в первую очередь, на югах, живут с колес*, являющиеся явными следами «чужих» высказываний.

В реплике к статье о положении предприятий в период кризиса *«... а где узнать про списки? И какие градообразующие предприятия попали в эти списки у нас в <...>? И кто их составлял? Что снова тихушничество при раздаче своим? Да деньги любят тишину, зачем пиариться главе <...>?»*⁶ носитель языка использует пословицу *деньги любят тишину*.

Далее фактологический материал был проанализирован на предмет соответствия какому-либо речевому жанру, поскольку использование уже готовых фраз, соответствующих определенному речевому жанру, мы также относим к интертекстам, взятым из любых других источников. Так, например, в реплике к статье «Алтайский школьник получил миллион рублей в благодарность за оплату билета случайной пассажирке автобуса» автор использует известный ему жанр благодарности с присущими ему словами: *Дай Бог здоровья Ване и его маме, и благодарной питербурженке и ее мальцу, вот такие люди должны продвигать Россию*⁷. А используя характерное для жанра благодарности словосочетание *хочу выра-*

⁵ Алтайский депутат предложила Владимиру Путину выплатить гражданам по 50 тысяч рублей и поддержать бизнес. 06.04.2020 <https://www.bankfax.ru/news/136108> (дата обращения 20.01.2022).

⁶ «Денег вообще нет»: работники алтайских предприятий жалуются на «антикризисное принуждение» от руководства. 10.04.2020 <https://www.bankfax.ru/news/136185> (дата обращения 20.01.2022).

⁷ Алтайский школьник получил миллион рублей в благодарность за оплату билета случайной пассажирке автобуса. 10.01.2020 <https://www.bankfax.ru/news/135025> (дата обращения 20.01.2022).

зять, эта языковая личность создает комментарий-антиблагодарность: *NN, хочу выразить огромную НЕБЛАГОДАРНОСТЬ! Что у вас за рыба продается? Да от нее кошки, свиньи отвернутся, а вы людям предлагаете <...> Пересмотрите в корне организацию своего бизнеса*⁸.

Одновременно с этим были выявлены тексты, содержащие интертексты, взятые из исходной реплики. Пример интертекстом, взятых из инициальной реплики: *Гость писала: «Там дети едят то, что принесли из дома...». Если не в курсе, у нас НЕЛЬЗЯ приносить из дома*⁹. В условиях интернет-коммуникации использование прямой цитации становится легко осуществимым действием и находит широкое применение среди комментаторов новостных статей, чего нельзя сказать об анализируемой нами языковой личности. В своих ответных речевых произведениях она практически не использует данный вид интертекста. Для данного носителя языка характерно использование только некоторых слов из исходного речевого высказывания, что демонстрирует следующий пример: *Комментатору “NN” – респект! Действительно точнее некуда определил гнилой симбиоз прошлого и настоящего. (Комментарий NN: Вообще наш нынешний государственный маразм – симбиоз гадости из советских времен (карьеризм, двуличие, подхалимаж, стремление оторваться от простых людей, выбившись «в люди» – то бишь начальники) и буржуазной гнили (непомерных стяжательства, воровства, злоупотреблений, взяточничества), все это выросло в нынешнюю криминально-буржуазную «элиту»)*¹⁰.

Важно отметить, что все ответные речевые произведения данной языковой личности содержат элементы «чужих» высказываний: либо в виде прямой цитации или пересказа исходного текста, либо в виде различных явных и неявных отголосков «чужих» текстов.

⁸ «Мы всегда придерживались консервативного подхода»: комментарий. 30.03.2016 https://www.bankfax.ru/in_blogs/100683/#comments (дата обращения 20.01.2022).

⁹ Десятки жителей Алтайского края пожаловались Общественной палате на школьное питание и сборы денег. 07.09.2020 <https://www.bankfax.ru/news/138287/> (дата обращения 20.01.2022).

¹⁰ Освобожденный сенатором мандат Алтайского Заксобрания «унаследовал» представитель «Единой России» из Барнаула: комментарий. 19.10.2021 <https://www.bankfax.ru/povestka/143527/#comments> (дата обращения 20.01.2022).

Заключение

В статье обосновано выделение интертекстуального уровня в структуре языковой личности, выделены единицы описания данного уровня и произведена реконструкция данного уровня конкретной языковой личности.

Отталкиваясь от бахтинского понимания интертекстуальности, мы рассматриваем интертекстуальность как общий механизм порождения речевого высказывания, что позволяет трактовать уровень порождения ответного речевого произведения как интертекстуальный уровень в структуре языковой личности.

В числе единиц описания интертекстуального уровня языковой личности на основе идеи М.М. Бахтина о формах введения чужого высказывания в собственный текст выделены два вида интертекстом (термин И.К. Сидоренко): интертекстемы, взятые из исходного речевого произведения, и интертекстемы, относящиеся к любым другим текстам. К первым были отнесены прямые оформленные цитаты из исходного речевого высказывания, а также отдельные слова или пересказ последнего. Ко вторым – соответствие ответного речевого произведения жанрам речи, которые использует носитель языка, и различные следы чужих высказываний (половицы, поговорки, идиомы, устойчивые выражения из различных сфер коммуникации).

Ответное речевое произведение в данном случае содержит явные и неявные следы других высказываний, которые либо вызывают определенные ассоциации у адресата и входят в его активный словарь, либо каким-то образом связаны с предыдущими речевыми высказываниями, относящимися к этой теме.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых – докторов наук МД-3824.2021.2.

Acknowledgements

The article was made within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists – doctors of sciences MD-3824.2021.2.

Литература

- Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бахтин 1997 – *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Работы 1940 – начала 1960-х гг. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
- Еременко 2012 – *Еременко Е.Г.* Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Уральский филологический вестник. 2012. № 6. С. 130–140.
- Маняпова 2010 – *Маняпова Т.К.* Системообразующие основания интертекстуальности // Вестник Пермского гос. ун-та. 2010. № 2. С. 78–84.
- Пиндосова 2019 – *Пиндосова Т.С.* Категория интертекстуальности в художественных текстах Д. Брауна: прагмалингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Херсонский государственный университет. Херсон, 2019. 233 с.
- Сидоренко 1999 – *Сидоренко К.П.* Интертекстовые связи пушкинского слова. СПб., 1999. 253 с.
- Скубиёва 2021 – *Скубиёва Е.Н.* Модель диалогической языковой личности участника интернет-коммуникации // Лингвометодическая школа в республике Татарстан: история и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции (Казань, 16–17 февраля 2021 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 148–153.
- Сухих 1998 – *Сухих С.А.* Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Дис. ... д-ра филол. наук. Кубанский государственный университет. Краснодар, 1998. 257 с.
- Фатеева 1998 – *Фатеева Н.А.* Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Изв. АН. Сер. Лит. и яз. 1998. Т. 57. № 5. С. 25–38.
- Шпильная 2019 – *Шпильная Н.Н.* Принцип диалогизма и его объяснительный потенциал при описании лексической системы русского языка // Диалогическая лингвистика. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2019. С. 7–22.
- Якубинский 1986 – *Якубинский Л.П.* Язык и его функционирование: избранные работы. М.: Наука, 1986. 205 с.

References

- Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Moscow, Russia.
- Bakhtin, M.M. (1997), *Sobranie sochinenii v 7 tomakh. T. 5: Raboty 1940 – nachala 1960-kh gg.* [Collected works in 7 volumes, vol. 5: Works of the 1940s – early 1960s], Russkie slovari, Moscow, Russia
- Eremenko, E.G. (2012), “Intertextuality, intertext and main intertextual forms in literature”, *Ural'skii filologicheskii vestnik*, no. 6, pp. 130–140.
- Fateeva, N.A. (1998), “Typology of intertextual elements and connections in artistic speech”, in *Izvestiya Akademii nauk, seriya “Literatura i yazykoznanie”*

- [Proceedings of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], vol. 57, no. 5, pp. 25–38.
- Manyapova, T.K. (2010), “System-forming foundations of intertextuality”, *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 78–84.
- Pindosova, T.S. (2019), “The category of intertextuality in D. Brown’s literary texts: pragmalinguistic aspect”, Ph.D. Thesis, Philology, Kherson State University, Kherson, Ukraine.
- Shpil’naya, N.N. (2019), “The principle of dialogism and its explanatory potential in describing the lexical system of the Russian language”, in Shpil’naya, N.N. (ed.), *Dialogicheskaya lingvistika* [Dialogical linguistics], Izdatel'stvo AltGPU, Barnaul, Russia, pp. 7–22.
- Sidorenko, K.P. (1999), *Intertekstovye svyazi pushkinskogo slova* [Intertext links of the Pushkin word], Saint Petersburg, Russia.
- Skubieva, E.N. (2021), “Model of dialogic linguistic personality of Internet communication participant”, in *Lingvometodicheskaya shkola v respublike Tatarstan: istoriya i sovremennost': sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kazan', 16–17 fevralya 2021 g.)* [International Scientific and Practical Conference Linguistic Methodological School in the Republic of Tatarstan: past and present, Kazan' 16–17 February], Kazan', Russia, pp. 148–153.
- Sukhikh, S.A. (1998), “*Pragmalinguistic dimension of the communication process*”, D.Sc. Thesis, Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.
- Yakubinskii, L.P. (1986), *O dialogicheskoi rechi* [About dialogical speech], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Надежда Н. Шпильная, доктор филологических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия; 656031, Россия Барнаул, ул. Молодежная, д. 55; venata85@mail.ru

Елена Н. Скубиёва, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, пр-т Ленина, д. 61; nikoles_16@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda N. Shpil'naya, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia; bld. 55, Molodezhnaya St., Barnaul, Russia, 656031; venata85@mail.ru

Elena N. Skubieva, Altai State University, Barnaul, Russia; bld. 61, Lenina Av., Barnaul, Russia, 656038; nikoles_16@mail.ru

Личность автора научного текста с позиций отправителя и получателя текста

Ирина И. Бакланова

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Москва, Россия, ibaklanova@yandex.ru*

Аннотация. Предметом статьи являются языковые средства отражения в научном тексте личности его автора с точки зрения, во-первых, коммуникативных интенций автора, а во-вторых, восприятия реципиентом этого текста. В качестве теоретической основы исследования использованы наблюдения М.Ю. Федосюка о различных видах имплицитной информации. На основе так называемой «подтекстовой» имплицитной информации, т. е. информации, передача которой являлась частью скрытых коммуникативных намерений отправителя текста, может быть выведен «интенциональный» образ автора. На основе так называемой «притекстовой» имплицитной информации, т. е. информации, передача которой не входила в коммуникативные намерения отправителя текста, может быть выведен «перцептивный» образ автора. Кроме того, в качестве основы для определения степени объективности построения текста использовалась типология точек зрения наблюдателя, разработанная Б.А Успенским. Также в статье рассматривается степень объективности построения научного текста. Показано, что образ автора научного текста, раскрываемый в плане коммуникативных интенций отправителя текста, и образ автора, воспринимаемый его реципиентом, могут не совпадать. В результате анализа установлено, что совпадение интенционального и перцептивного образов автора свидетельствует об объективности построения текста, несовпадение – о его субъективности.

Ключевые слова: научный текст, образ автора, имплицитная информация, коммуникативные намерения отправителя, точка зрения наблюдателя

Для цитирования: Бакланова И.И. Личность автора научного текста с позиций отправителя и получателя // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 253–265. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-253-265

The identity of the author of a scientific text from the perspective of the sender and recipient

Irina I. Baklanova

*National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia,
ibaklanova@yandex.ru*

Abstract. The subject of the article is the linguistic means of reflecting in a scientific text the personality of its author in terms of, firstly, the communicative intentions of the author, and secondly, the perception of the recipient of this text. The article also considers the degree of objectivity in the construction of a scientific text. It is shown that the image of the author of a scientific text, revealed in terms of the communicative intentions of the sender of the text, and the image of the author, perceived by its recipient, may not coincide. As a theoretical basis of the study, the observations of M.Yu. Fedosyuk about different types of implicit information were used. On the basis of so-called “subtext” implicit information, i.e. information, the transmission of which was a part of the hidden communicative intentions of the sender of the text, the so-called “intentional” image of the author can be deduced. On the basis of so-called “non-text” implicit information, i.e. information, the transmission of which was not included in the communicative intentions of the sender of the text, the “perceptual” image of the author can be deduced. In addition, as a basis for determining the degree of objectivity of the construction of the text the typology of the observer’s points of view, developed by B.A. Uspensky, was used. As a result of the analysis, it was found that the coincidence of the intentional and perceptual images of the author testifies to the objectivity of the construction of the text, the discrepancy – to its subjectivity.

Keywords: scientific text, image of the author, implicit information, communicative intentions of the sender, point of view of the observer

For citation: Baklanova, I.I. (2022), “The identity of the author of a scientific text from the perspective of the sender and recipient”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 2, pp. 253–265, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-253-265

Над отражением образа автора в художественном тексте ученые задумались почти сто лет назад, в начале XX в. [Бахтин 1996; Виноградов 1971; Виноградов 1980]. Этот факт определил одно из направлений лингвистики почти на целое столетие [Арутюнова 1988; Дейк ван 1989; Долинин 1985; Корман 1992; Кухаренко 1988; Шмид 2003]. Позднее, в начале XXI в., лингви-

сты обратились к изучению образа автора нехудожественного текста: мемуарного, публицистического, рекламного, научного и т. п. [Бакланова 2014; Формановская 1998; Каминская 2017; Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011; Мустайоки 2011; Шмелева 1997].

Цель данной статьи – рассмотреть лингвистические способы определения имплицитно отраженного в научном тексте образа его автора и источники информации о степени объективности построения научного текста.

Не секрет, что в сознании человека, который внимательно знакомится с каким-либо научным текстом, невольно складывается представление об авторе этого текста: о системе его ценностей, о его языковой личности, о степени стремления быть понятным адресату и т. д. Однако нередко текст позволяет внимательному читателю увидеть, что лицо, которое автор желает запечатлеть в тексте, не совпадает с тем лицом, которое видит в тексте его получатель [Бакланова 2014; Бакланова 2020].

Основой определения в тексте образа автора может служить типология точек зрения наблюдателя в повествовании, разработанная применительно к художественным текстам Б.А. Успенским [Успенский 1995]. Б.А. Успенский выделил четыре аспекта текста, в которых отражаются точки зрения наблюдателя, с позиций которого ведется изложение. Это «план идеологии», «план фразеологии», «план пространственно-временной характеристики» и «план психологии». «План идеологии» отражает принадлежащие наблюдателю оценки излагаемого; «план фразеологии» отражает свойственные наблюдателю языковые элементы; «план пространственно-временной характеристики» отражает местонахождение в пространстве наблюдателя; «план психологии» показывает проявления внутреннего состояния наблюдателя.

Поскольку в нехудожественных текстах тоже есть повествователь, логично предположить, что образ повествователя отражается в них примерно в тех же аспектах, которые были выявлены Б.А. Успенским. При этом применительно к нехудожественным текстам терминологию Б.А. Успенского представляется целесообразным скорректировать: план идеологии называть планом оценки, план фразеологии – планом выбора языковых средств, план пространственно-временной характеристики – планом фактуальной информации (в соответствии с термином И.Р. Гальперина) [Гальперин 1981, с. 26], а название плана психологии оставить без изменения. Заметим, что в силу установки научного текста на объективность изложения образ его автора на основании плана психологии, как правило, не выводится [Бакланова 2014].

Кроме того, основой для определения в научном тексте образа его автора является имплицитная информация [Бакланова 2014]. М.Ю. Федосюк определяет имплицитное содержание как «такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [Федосюк 2012, с. 159]. Как отмечает И.В. Арнольд, имплицитная информация – это «дополнительный подразумеваемый смысл, т. е. вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположения элементов antecedenta. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вариативно, рематична, принадлежит конкретному тексту и постоянно сочетается с другими видами подразумевания», поэтому получатель текста интерпретирует текст, «синтезируя то, что находит в тексте, с тем, что имеет в собственном читательском и жизненном опыте» [Арнольд 2010, с. 87–88]. Н.С. Валгина считает, что «читатель может подчас извлечь из текста, да и из отдельного высказывания, гораздо больше информации, чем предполагал вложить в него автор, в частности информацию о самом авторе» [Валгина 2003, с. 246].

Извлечение из текста его получателем информации происходит в форме импликаций. «Импликации (от лат. *implicatio* ‘вплетение’) или, в другой терминологии, следствия – это такие сообщения, которые выводятся получателем из содержания текста или его компонентов» [Федосюк 2012, с. 164]. Описание механизма выведения импликаций дает В.А. Звегинцев: «В каждом конкретном случае непосредственного восприятия объекта он соотносится с хранимой в памяти моделью данного объекта, и таким образом получается добавочная информация, исходящая от характеристик модели. Следовательно, интеллектуальное восприятие объекта (т. е. его осознанное восприятие, выходящее за пределы собственно чувственного) приобретает специфическую двуслойность, когда к непосредственно воспринимаемой информации, заключенной в “поверхностной” структуре объекта, приплюсовывается иная, скрытая, исходящая из модели данного объекта информация» [Звегинцев 1976, с. 298].

Говоря о выведении импликаций, нельзя не отметить, что «каждый читатель реконструирует предложенную автором модель мира несколько по-своему, в особом, его собственном варианте, синтезируя то, что находит в тексте, с тем, что имеет в собственном читательском и жизненном опыте» [Арнольд 2010, с. 88]. Кроме

того, анализируя образ автора, следует иметь в виду, что это только образ, а не конкретный человек. В. Шмид писал, что конкретный автор – «это реальная, историческая личность, создатель произведения. К самому произведению он не принадлежит, а существует независимо от него. Лев Толстой существовал бы, конечно же (хотя, наверное, не в нашем сознании), даже если бы он ни одной строки не написал» [Шмид 2003, с. 41].

Помимо сказанного, важно подчеркнуть, что «имплицитное содержание может находиться в разных отношениях к коммуникативным намерениям отправителя текста, т. е. к тому содержанию, которое стремится передать этот отправитель» [Федосюк 2012, с. 159]. В частности М.Ю. Федосюк выделяет подтекстовое и притекстовое имплицитное содержание.

«Подтекстовое имплицитное содержание – это имплицитное содержание, передача которого входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста. Подтекстовое содержание передается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не требуют обязательного его восприятия, но в то же время содержат определенные свидетельства о том, что передача этого содержания была запланирована отправителем» [Федосюк 2012, с. 159]. Подтекстовое имплицитное содержание лежит в основе определения того образа автора, который соответствует интенциям отправителя текста и который поэтому можно назвать интенциональным образом автора [Бакланова 2014; Бакланова 2020].

«Притекстовое имплицитное содержание – это имплицитное содержание, которое может быть выведено из текста, хотя его передача и не входила в коммуникативные намерения отправителя. Рассматриваемое содержание передается в таких контекстно-ситуативных условиях, которые не только не требуют его обязательного восприятия, но и не свидетельствуют о том, что такое восприятие входило в коммуникативные намерения отправителя» [Федосюк 2012, с. 160]. Притекстовое имплицитное содержание лежит в основе того образа автора, передача которого не входит в коммуникативные намерения отправителя текста и который вопреки им логически определяется читателем. Назовем его перцептивным образом автора [Бакланова 2014; Бакланова 2020].

Из сказанного следует, что образ автора, сознательно создаваемый отправителем научного текста, может не совпадать с образом автора, определяемым в тексте в соответствии с имеющимися представлениями в сознании получателя. Эти несовпадения могут вытекать из импликаций об образе автора, выводимых на основании высказанных автором оценок, употребленных им языковых средств и предлагаемых читателю фактов.

Перейдем к рассмотрению случаев проявления в научном тексте интенционального (далее – ИОА) и перцептивного (далее – ПОА) образов авторов. Источником рассмотрения стали тексты из сборника статей «Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология» [Базылев, Нерознак 2001]. В дополнение к ссылкам на эти тексты в круглых скобках мы будем указывать авторов текстов и год первой публикации текста.

Обращение к текстам почти столетней давности позволяет давать оценки, не вызывающие сомнений, поскольку отношение к тому периоду развития лингвистики уже устоялось. Отметим, что оценивание имплицитной информации, не входившей в коммуникативные намерения отправителя текста, мы будем проводить с точки зрения современников анализируемых текстов.

1. Определение ИОА и ПОА с точки зрения высказанных автором оценок

1.1. «С “марксистскими” клятвами, под соусом без толку и разбору надерганных цитат они <члены группы “Языковедный фронт”> протаскивают обветшалые отрепья индоевропеизма в теорию и практику языкознания. Боевыми рыцарями формализма, этого главнейшего врага марксистской науки, выступают и “вожди” эсперантистов Э. Дрезен и Спиридович» (Горбаченко, Синельникова и Шуб, 1932) [Базылев, Нерознак 2001, с. 156].

Как видно, в тексте высказаны следующие оценки: 1) Э. Дрезен и Е. Спиридович не разбираются в марксизме; 2) цитаты в тексте Э. Дрезена и Е. Спиридовича надерганы без толку и без разбору; 3) индоевропеизм безнадежно устарел; 4) Э. Дрезен и Е. Спиридович тайно проводят в жизнь свои сомнительные идеи; 5) Э. Дрезен и Е. Спиридович прикрываются марксизмом.

ИОА: все перечисленные оценки указывают на интенции авторов текста продемонстрировать свою языковедческую и идеологическую компетентность, принципиальность, приверженность марксизму, неприятие индоевропеизма, негативное отношение к эсперантистскому движению, умение видеть идеологические ошибки коллег.

ПОА: в то же время получатель текста имеет основания увидеть, что оценки лишены аргументации – авторы не объясняют, почему считают клятвы немарксистскими; почему цитаты называют надерганными, к тому же надерганными без толку и без разбору; почему полагают, что эти цитаты создают «соус» для протаскивания; чем обуславливают именно протаскивание идей, а не, например, прове-

дение, предложение, показ и т. д.; почему считают, что от индоевропеизма остались лишь отрепья; почему Э. Дрезен и Е. Спиридович являются боевыми рыцарями формализма и мнимыми вождями эсперантистов. На основании сказанного получатель этого текста с точки зрения квалифицированного лингвиста может заключить, что авторы научно несостоятельны и не владеют методами содержательного анализа научного текста.

Несовпадение ИОА и ПОА указывает на субъективность построения текста.

1.2. «Языковые стадии, по намеченному Н.Я. Марром пути, *требуют выявления их на самом материале*. Но, опираясь на лингвистический материал, приходится излагать и его формальную сторону, и его динамику, прослеживаемую в той же формальной стороне. При этом *анализ формы, в заданиях выявления ее историзма, нуждается в неоднократных сравнительных параллелях. Яфетидология*, оспаривая правильность формально-сравнительного метода, *вовсе не отказывается ни от изучения формы, ни от сравнительного подхода, перестраивая его на сравнительную палеонтологию*, то есть на сравнительное изучение формы в ее историческом движении, во взаимоотношении формы с ее социальной значимостью, и ее (содержания), что в свою очередь ведет к уяснению данного содержания сосуществующими нормами сознания» (Мещанинов, 1936) [Базылев, Нерознак 2001, с. 324].

Как видно, рассуждая о языковых стадиях Н.Я. Марра, автор высказывает следующие оценки: 1) языковые стадии требуют выявления их на самом материале; 2) анализ формы нуждается в сравнительных параллелях; 3) яфетидология не отказывается ни от изучения формы, ни от сравнительного подхода.

ИОА: из сказанного следует, что в интенции отправителя текста входит сообщение о том, что яфетидология не отказывается ни от изучения формы, ни от сравнительного подхода. Автор аргументирует свои соображения тем, что яфетидология перестраивает сравнительный метод на сравнительное изучение формы в ее историческом движении, во взаимоотношении формы с ее социальной значимостью, и ее содержания, что ведет к уяснению данного содержания сосуществующими нормами сознания.

ПОА: получатель текста, опираясь на тезисы и аргументы, имеет все основания принять то, что намеревался сказать его отправитель, и составить представление об авторе текста как о компетентном ученом.

Таким образом, ИОА и ПОА текста совпадают, что говорит об объективности построения текста.

2. Определение ИОА и ПОА с точки зрения использованных отправителем текста языковых средств

2.1. «Под напором новых методов ряды этого направления все более *редеют*, особенно в части *научного молодняка*. Однако *борьба предстоит еще упорная*. Год тому назад *языковедные мракобесы* организовались в особое “Лингвистическое общество” во главе с Л.В. Щербой. С направлением *языковедного обскурантизма* и формами их организованности у нас может быть только *борьба*» (Лоя, 1929) [Базылев, Нерознак 2001, с. 67].

Как видно, автор этого научного текста использует публицистические клише – *под напором новых методов, ряды* (приверженцев этого направления) *редеют, научный молодняк, предстоит упорная борьба, языковедные мракобесы, языковедный обскурантизм, у нас* (у всей страны) *может быть только борьба*.

ИОА: использованные отправителем языковые средства указывают на его интенции установить приоритет на критику политического характера и на идеологическую принципиальность.

ПОА: одновременно с этим получатель текста имеет основания заключить, что автор текста научно некомпетентен и не владеет методами содержательного анализа научного текста.

Несовпадение ИОА и ПОА указывает на субъективность построения текста.

2.2. «Частью же книга *де-Соссюра* формулирует положения, выдвинутые в современных учениях *по теории лингвистики*. Так, *учение о слове*, как о произвольном знаке, мы находим у *A. Marty*, который выступает с резкой критикой *Штейнталевского нативизма*; *учение о языке*, как о над-индивидуальном, общем факте, подробно развито у *Dittrich'a*; наконец, новейшие учения о языке, как о “*внутренней форме*”, настаивают на формальном характере языка, на том, что язык есть некоторое отношение. Но именно то, что книга Соссюра представляет до известной степени итог новейших исканий в лингвистике, то, что эти воззрения нашли в ней систематическое и легко понятное выражение, делает ее особенно ценной. Аналогия с *Mémoire sur le système primitif des voyelles* напрашивается невольно: как первый, так и последний труд гениального ученого подводит итоги одной научной эпохе и открывает другую» (Шор, 1926) [Базылев, Нерознак 2001, с. 52–53].

Как видно, в данном научном тексте его автор использует лингвистические термины – *теория лингвистики, учение о слове, произвольный знак, Штейнталевский нативизм, учение о языке, внутренняя форма* (языка); имена зарубежных лингвистов –

Х. Штейнталь, Ф. де Соссюр, А. Марту, Дитрих (в графике родных языков ученых); исследование на французском языке – *Mémoire sur le système primitif des voyelles*.

ИОА: использованные автором текста языковые средства свидетельствуют о его интенции охарактеризовать книгу Ф. де Соссюра профессионально, не отклоняясь от научного стиля.

ПОА: перечисленные языковые особенности текста дают его получателю возможность понять то же самое, что намеревался сказать его отправитель, и составить представление об авторе текста как о компетентном, эрудированном лингвисте.

Таким образом, ИОА и ПОА текста совпадают, что говорит об объективности построения текста.

3. *Определение ИОА и ПОА с точки зрения фактуальной информации*

3.1. *«Неясное представление о разнице между переходным периодом и социализмом, о котором т. Сталин говорит, что “социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному”, сочетается у Е. Спиридовича с механической аналогией развития языка общества. В такой постановке язык оказывается оторванной от классового общественного сознания самостоятельной категорией, развитие которой будет, очевидно, механически копировать ход развития общественно-экономической формации.*

Конечно, подобная “концепция” не имеет ничего общего с действительностью, а следовательно, и с марксизмом» (Горбаченко, Синельникова и Шуб, 1932) [Базылев, Нерознак 2001, с. 162].

Как видно, текст несет информацию о следующих фактах: 1) авторы текста знают учение И.В. Сталина о переходном периоде к социализму; 2) авторы текста уверены в том, что язык не оторван от классового общественного сознания; 3) авторы текста убеждены в том, что марксизм – это объект отражения действительности.

ИОА: отражение в тексте данных фактов демонстрирует интенции авторов показать себя принципиальными марксистами, непримиримыми к нарушениям в работах коллег.

ПОА: вместе с тем получатель текста имеет основания увидеть, что авторы текста, критикуя коллегу не с лингвистической, а с идеологической точки зрения, проявляют научную некомпетентность и невладение методами содержательного анализа научного текста.

Таким образом, несовпадение ИОА и ПОА дает основание утверждать, что построение текста субъективно.

3.2. «Термин “притяжательный”, как известно, есть перевод термина греческих грамматиков *χρητικός*, находящегося в связи с глаголом *χτάνωμι* ‘приобретаю, владею’, передаваемым в древнейшем славянском (южнославянском) переводе евангелия IX века посредством *priteza*, откуда и термин наших грамматик» (Долобоко, 1935) [Базылев, Нерознак 2001, с. 355].

Как видно, автор, опираясь на греческие примеры и историю формирования русского литературного языка, объясняет природу возникновения термина «притяжательный».

ИОА: приведенные автором факты свидетельствуют о его интенциях продемонстрировать свою эрудицию, научную компетенцию и умение аргументировать.

ПОА: то же самое может заключить и получатель текста.

Таким образом, ИОА и ПОА текста совпадают, что говорит об объективности его построения.

Подводя итоги и характеризуя результаты целей, которые были поставлены в начале статьи, можно сказать следующее.

1. ИмPLICITно отраженный образ автора является важной категорией содержания любого текста, в том числе и научного.

2. Способами определения имPLICITно отраженного в научном тексте образа его автора является соотнесение получателем текста авторских оценок, выбранных языковых средств и фактов с контекстом, ситуацией использования и жизненным опытом получателя текста.

3. Важно различать образ автора, базирующийся на подтекстовой имPLICITной информации, передача которой входит в скрытые коммуникативные намерения отправителя текста, и перцептивный образ автора, базирующийся на притекстовой имPLICITной информации, передача которой не входит в коммуникативные намерения отправителя текста.

4. Степень совпадения интенционального и перцептивного образов автора определяет степень объективности построения текста: совпадающие интенциональный и перцептивный образы автора свидетельствуют об объективности построения научного текста; несовпадающие – о субъективности его построения.

Литература

- Арнольд 2010 – *Арнольд И.В.* Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // *Арнольд И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 77–92.
- Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н.Д.* Прагматика и проблемы интенциональности. М.: ИНИОН, 1988. 301 с.

- Базылев, Нерознак 2001 – Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания. Антология / Сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. 576 с.
- Бакланова 2014 – *Бакланова И.И.* Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: Монография. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2014. 272 с.
- Бакланова 2020 – *Бакланова И.* Образ автора научного текста как предмет имагологии (The image of the author of a scientific text as a subject of imagology) // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2020. № 10/2. S. 385–394.
- Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Язык в художественной литературе // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 287–297.
- Валгина 2003 – *Валгина Н.С.* Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
- Виноградов 1971 – *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 233 с.
- Виноградов 1980 – *Виноградов В.В.* О художественной прозе // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. С. 55–175.
- Гальперин 1981 – *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
- Дейк ван 1989 – *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
- Долинин 1985 – *Долинин К.А.* Интерпретация текста: Французский язык. М.: Просвещение, 1985. 288 с.
- Звегинцев 1976 – *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 307 с.
- Каминская 2017 – *Каминская Т.Л.* Экспликация ценностей в российском медиадискурсе: колумнист и адресат // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2017. Vol. 8/2. S. 367–375.
- Корман 1992 – *Корман Б.О.* Проблема автора в художественной литературе. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. 134 с.
- Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011 – *Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В.* Идиостилика научной речи: Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: ЗУИЭП, 2011. 393 с.
- Кухаренко 1988 – *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
- Мустайоки 2011 – *Мустайоки А.* Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории // *Русский язык за рубежом*. 2011. № 4. С. 76–86.
- Успенский 1995 – *Успенский Б.А.* Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9–218.
- Федосюк 2012 – *Федосюк М.Ю.* Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. М.: Инфра-М, 2012. 245 с.
- Формановская 1998 – *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1998. 292 с.

- Шмелева 1997 – *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
- Шмид 2003 – *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

References

- Arnol'd, I.V. (2010), "Implication as a technique for constructing a text and a subject of philological study", in Arnol'd, I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], Knizhnyj dom "LIBROKOM", Moscow, Russia.
- Arutyunova, N.D. (1988), *Pragmatika i problemy intencional'nosti* [Pragmatics and problems of intentionality], INION, Moscow, Russia.
- Bazylev, V.N. and Neroznak, V.P. (eds.) (2001), *Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniya* [Twilight of linguistics. From the history of Russian linguistics], Academia, Moscow, Russia.
- Baklanova, I.I. (2014), *Obraz avtora i obraz adresata nekhudozhestvennogo teksta* [The image of the author and the image of the addressee of a non-fiction text], Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, Moscow, Russia.
- Baklanova, I. (2020), "The image of the author of a scientific text as a subject of imagology", in *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. 10/2, pp. 385–394.
- Bakhtin, M.M. (1996), "Language in fiction", in Bakhtin, M.M., *Sobranie sochinenii: v 7 tomah* [Collected works: in 7 volumes], vol. 5, Russkie slovari, Moscow, Russia, pp. 287–297.
- Dejk, T.A. van (1989), *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication], Progress, Moscow, Russia.
- Dolinin, K.A. (1985), *Interpretaciya teksta: Francuzskii yazyk* [Text interpretation: French], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Fedosyuk, M.Yu. (2012), *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [The syntax of the modern Russian language: a study guide], Infra-M, Moscow, Russia.
- Formanovskaya, N.I. (1998), *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinic obshcheniya* [Communicative-pragmatic aspects of units of communication], Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, Moscow, Russia.
- Gal'perin, I.R. (1981), *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research], Nauka, Moscow, Russia.
- Kaminskaya, T.L. (2017), "Explication of values in Russia media discourse: the columnist and the addressee", in *Przegląd Wschodnioeuropejski*, vol. 8/2, pp. 367–375.
- Korman, B.O. (1992), *Problema avtora v hudozhestvennoi literature* [The author's problem in fiction], UdGU, Izhevsk, Russia.
- Kotyurova, M.P., Tihomirova, L.S. and Solov'eva, N.V. *Idiostilistika nauchnoi rechi. Nashi predstavleniya o rechevoi individual'nosti uchenogo* [Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about the speech individuality of a scientist], ZUIEP, Perm', Russia.

- Kukharensko, V.A. (1988), *Interpretaciya teksta* [Text interpretation], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Mustajoki, A. (2011), "Reasons of failures in communication: an essay on general theory", *Russkii yazyk za rubezhom*, vol. 4, pp. 76–86.
- Shmeleva, T.V. (1997), "Speech genre model", in *Zhanry rechi*, Izdatel'stvo GosUNC "Kolledzh", Saratov, Russia, pp. 88–98.
- Schmid, V. (2003), *Narratologiya* [Narratology], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Uspensky, B.A. (1995), "Poetics in composition", in Uspensky, B.A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art], Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, Russia, pp. 9–218.
- Valgina, N.S. (2003), *Teoriya teksta: uchebnoe posobie* [Text theory: textbook], Logos, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1971), *O teorii hudozhestvennoi rechi* [About the theory of artistic speech], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Vinogradov, V.V. (1980), "About prose", in Vinogradov, V.V., *O yazyke hudozhestvennoi prozy* [About the language of fiction], Nauka, Moscow, Russia, pp. 55–175.
- Zvegincev, V.A. (1976), *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi* [The sentence and its relation to language and speech], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина И. Бакланова, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия; 115409, Россия, Москва, Каширское шоссе, д. 31; ibaklanova@yandex.ru

Information about the author

Irina I. Baklanova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia; bld. 31, Kashirskoe Highway, 115409, Moscow, Russia; ibaklanova@yandex.ru

Особенности функционирования *ты-/Вы*-форм в русской и итальянской лингвокультурах

Светлана Л. Нистратова
*Венецианский университет Ка'Фоскари,
Венеция, Италия, nistra@unive.it*

Аннотация. Данная работа является первой частью исследования, посвященного особенностям функционирования *ты-/Вы*-форм в русском и итальянском языках. Не претендуя на исчерпывающее освещение рассматриваемой темы, автор в статье намечает основные проблемы, связанные с изучением функционирования данных форм. Исследование этой проблемы предполагает рассмотрение: 1) особенностей функционирования *ты-/Вы*-форм как средств речевого этикета: в частности, в качестве обращений, а также в конкретных речевых актах, в которых выбор местоимения влияет на грамматическое оформление высказывания (например, просьбы); 2) контекстуальных значений данных форм, в случае, когда они являются экспрессивными средствами, и описание особенностей их употребления в русском языке во фразеологически связанных выражениях. В настоящее время актуальной является интерпретация национальной специфики речевого этикета на основе контрастивного анализа применительно к конкретным речевым актам. В статье представлены результаты проведенного исследования особенностей употребления данных форм как средств речевого этикета в конкретных ситуациях речевого общения. Сопоставительный анализ русского и итальянского языков позволяет легче выявить специфику данных форм в каждой из рассматриваемых лингвокультур. Особое внимание обращается на новые тенденции в употреблении данных форм в современном итальянском языке. Проведенное исследование позволило выявить сходства и различия в русском и итальянском коммуникативном поведении. Полученные лингвистические данные могут оказаться полезными при обучении русских и итальянцев межкультурной коммуникации и переводу.

Ключевые слова: русский язык, итальянский язык, *ты-/Вы*-формы, речевой этикет, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Нистратова С.Л. Особенности функционирования *ты-/Вы*-форм в русской и итальянской лингвокультурах // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 266–280. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-266-280

Specific characteristics of *Ty-/Vy-forms* in Russian and Italian language and cultures

Svetlana L. Nistratova

University of Venice Ca'Foscari, Venice, Italy, nistra@unive.it

Abstract. This paper presents the first part of research on the particularities of *Ty-/Vy* you/polite You, both 2nd person singular in the Russian and Italian languages. Far from the ambition of presenting the definitive account of the subject matter, the author identifies the main issues related to the investigation of these lexico-grammatical forms functioning in speech. Thus, such investigation of this matter implies researcher's focus on: (1) particularities of *Ty-/Vy*-functioning as the means of speech etiquette, specifically, in the functions of addressing, as well as in the concrete speech acts, in which the choice of the pronoun determines the grammatical realization of the statement (for instance, a request), (2) contextual meanings of these forms in cases when they serve as the means of an expressive function and the description of their peculiarities of their use in Russian in rigid phraseological units. At present, a contrastive analysis of concrete speech acts appears promising (and productive) method of interpretation of the national speech etiquette specifics. The paper presents the results of the study on the peculiarities of the use of the *Ty-/Vy-forms* as the means of speech etiquette in concrete situations of verbal communication. Comparative (contrastive) analysis of Russian and Italian allows to demonstrate the specifics of these two forms in either of the studied linguistic cultures. An additional focus of this paper is the investigation of the recent trends in the use of these forms in contemporary Italian. The study revealed the similarities and differences in Russian and Italian communicative behavior. The findings of the study can be applied in the context of teaching the etiquette of cross-cultural communication and Russian-Italian translation.

Keywords: Russian language, Italian language, *Ty-/Vy-forms*, speech etiquette, intercultural communication

For citation: Nistratova, S.L. (2022), "Specific characteristics of *Ty-/Vy-forms* in Russian and Italian language and cultures", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, part 2, pp. 266–280, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-266-280

Личные местоимения неоднократно становились предметом лингвистического исследования в различных аспектах. Они рассматривались как одно из основных средств «ролевого» дейсиса, поскольку они используются для указания на участников коммуникативного акта – говорящего и адресата [Renzi 1993]. В функциональной стилистике описывались их значения и осо-

бенности употребления в различных стилях и формах речи [Разинкина 2020 (научный стиль); Суздальцева 1981 (газетно-публицистический стиль); Дронсейка 2012 (художественные тексты)]. Обращалось внимание на жанровую природу их использования [Бенвенист 1974; Ефремова 2017; Мякшева 2013]. *Ты/Вы*-формы рассматривались и в связи с идеолексиконом виртуальной языковой личности [Галинская 2010]. Поскольку типичной сферой употребления данных форм является разговорная речь и художественные тексты (как правило, диалогическая речь персонажей), рассмотрение функционирования данных форм является традиционным в рамках речевого этикета.

Актуальность исследования

Актуальность настоящего исследования определяется значимостью роли *ты-/Вы*-форм в коммуникативном поведении представителей русской и итальянской лингвокультур. С точки зрения методики преподавания русского языка иностранцам, наибольший интерес представляет изучение особенностей функционирования данных форм как средств речевого этикета в реальных ситуациях общения, а также использования *ты-/Вы*-форм в сочетании с различными частицами или в функции частиц, т. е. их контекстуальных значений во фразеологически связанных сочетаниях, которые вызывают определенные трудности при переводе.

Цели исследования

Исследование данной темы предполагает: 1) рассмотрение особенностей функционирования *ты-/Вы*-форм как средств речевого этикета (в частности, в качестве обращений, а также в конкретных речевых актах, например просьбы); 2) описание контекстуальных значений данных форм, проявляющихся во фразеологически связанных выражениях, когда данные формы являются экспрессивными средствами.

В настоящей статье представлены результаты первой части исследования, целью которой является выявление специфики функционирования *ты-/Вы*-форм как средств речевого этикета в русском и итальянском языках¹. Поскольку общие правила упо-

¹ Результаты второй части исследования будут представлены в отдельной публикации.

требления данных местоимений неоднократно рассматривались в рамках речевого этикета, в настоящей работе мы остановимся только на тех особенностях функционирования *ты-/Вы*-форм в русском и итальянском языках, которые не получили достаточно полного освещения. В частности будет рассмотрен набор данных форм в обоих языках, сферы их употребления, а также основные тенденции в использовании исследуемых форм в современном русском и итальянском языках.

Ты-/Вы-формы как средства речевого этикета

«Уместное, адекватно комплексу ситуативных и социально-узуальных условий использование *ты-/Вы*-форм» относится к «глобальным правилам общения, речевого поведения» [Формановская 1987, с. 79], поэтому базовые правила их употребления в стандартных ситуациях речевого общения довольно широко представлены в лингвистической литературе, ориентированной на иностранную аудиторию. Несмотря на это, выбор одной из этих форм в конкретных ситуациях речевого общения продолжает вызывать значительные трудности у иностранцев.

Следует заметить, что в словарях, как правило, различаются два основных типа употребления этих *ты-/Вы*-форм: 1) при обозначении лица, собеседника и 2) при обращении. В связи с этим в рамках речевого этикета анализу обычно подвергаются следующие аспекты данных форм: функционирование *ты-/Вы*-форм в процессе общения и в качестве обращения с социолингвистических позиций [Формановская 1987, с. 79]. Они маркированы как с позиций адресанта, так и с позиций адресата. Например, *Вы*-форма в определенных ситуациях общения может указывать на интеллигентность адресанта. Особый интерес и значительные трудности для иностранных учащихся представляет употребление данных форм в качестве обращения, так как именно здесь наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика этих местоимений.

Ты-/Вы-формы в обращениях

Поскольку обращения являются одним из основных и часто употребляемых средств речевого этикета, их описание чаще всего встречается в лингвистической литературе, ориентированной на

иностранцев (в этом случае оно носит рекомендательный характер – см., например, работы Н.И. Формановской), и в сопоставительных исследованиях (типология и функционирование обращений в разных языках [Амириди 2007; Ван Цюнь 2014; Ларина 2009; Лендел 1977; Русецкая 1991]). Что касается работ по исследованию обращений, предназначенных для русскоязычного адресата, то, как справедливо замечено, в них либо рассматриваются диалектные особенности обращений, либо отклонения от стандарта, известного любому носителю русского языка (данные работы нередко носят научно-популярный характер). В самом русском языке «стандартная система обращений обычно предполагается известной и настолько очевидной, что нет смысла ее описывать» [Бурас, Кронгауз 2013, с. 121–122]. Однако не все так просто, как кажется, если подходить к обращениям с точки зрения иностранцев, изучающих русский язык. Общеизвестные правила, содержащиеся в учебных пособиях, не всегда удается с легкостью применить на практике, в конкретных ситуациях реального общения.

В русской лингвокультуре, как известно, рассматриваемые формы обладают высокой степенью социальной значимости и поэтому «требуют рассмотрения как отдельные, с самостоятельными социостилистическими признаками» [Формановская 1987, с. 120]. Так, например, по мнению Ю.Д. Апресяна, общепринятое толкование местоимения *ты*, которое обычно употребляется при обращении к близким людям или к кому-либо при грубом или фамильярном обращении, не всегда объясняет некоторые его узловые употребления, когда данные формы не являются грубыми и фамильярными. Он связывает употребление местоимений *ты/Вы* с понятием личной сферы говорящего [Апресян 1995, с. 644–645]. В зависимости от конкретной ситуации общения в эту сферу включается разное количество объектов. *Ты* употребляется по отношению к тому объекту, который в данный момент находится в личной сфере говорящего. К тем, кто в эту сферу не попал, обращаются на *Вы*. Это обычное употребление данных местоимений, но некоторые значения этих форм выпадают из определения Апресяна: например, *Ты*-хамское, *Ты*-уничжительное.

Несмотря на кажущуюся простоту, выбор формы, адекватной ситуации, вызывает значительные трудности у иностранцев как при изучении русского, так и итальянского языков.

Остановимся на некоторых особенностях, различающих употребление данных форм в русском и итальянском языках. Начнем с набора форм, в котором обнаруживаются значительные различия, требующие комментария.

Таблица 1

Местоименные формы обращений
в русском и итальянском языках

		Русский язык		Итальянский язык	
		ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
1-е лицо		я	мы	io	noi
2-е лицо	Простая форма	ты	вы	tu	voi
	Вежливая форма	—	Вы	—	Voi
3-е лицо	Простая форма	он, она, оно	они	lui, lei	loro
	Вежливая форма	—	—	Lei	Loro ²

Как видно из таблицы, итальянский язык по сравнению с русским располагает бóльшим набором форм местоимений, используемых при обращении: 2-го лица единственного и множественного числа (*tu*, *Voi*), 3-го лица единственного (*Lei*) и множественного числа (*Loro*). Рассмотрим некоторые особенности употребления данных форм.

ТЫ vs. ТУ. И в русском, и в итальянском языках *ты*-формы используются при неформальном общении, обозначая доверительность и близость. Однако в реальном общении в рассматриваемых лингвокультурах наблюдаются некоторые различия в функционировании данных форм. Так, в итальянском языке местоимение *tu* (*ты*) в качестве обращения встречается значительно чаще, чем в русском. По мнению итальянских исследователей, в последние десятилетия наблюдается расширение сферы употребления *ты*-формы в связи с тенденцией к уменьшению степени формальности в отношениях между говорящими, которая обусловлена активной демократизацией западного общества, распространением в нем

²В современном итальянском языке форма 3-го л. множ. ч. малоупотребительна, является очень официальной и встречается исключительно в канцелярском стиле. Кроме того, в устном общении данная форма часто употребляется обслуживающим персоналом (например, официантами) при обращении к нескольким клиентам [Molinelli 2010].

идей социального равенства и равноправия [Лайонз 2004, с. 284]. Так, например, еще в 1975 г. в Италии постановили отменить в армии обращение «на Вы» (*Lei*) к высшим по званию и «на ты» – к низшим при несимметричных способах обращения.

Следует заметить, что обращения с формами местоимений 2-го л. ед. числа сейчас используются в тех ситуациях, в которых раньше была возможна только форма вежливости. В первую очередь это свойственно общению в среде молодежи (что вполне закономерно). Но не только: в настоящее время в Италии даже образованные представители старшего поколения, которые встречаются в первый раз, могут обратиться друг к другу «на ты» в некоторых бытовых ситуациях общения (на улице, в транспорте, в магазине, на рынке). Так, например, если человек среднего возраста должен обратиться на улице к другому незнакомому человеку такого же возраста, в России он употребит формальное обращение «на Вы», а обращение «на ты» покажется неуважительным и грубым, что может спровоцировать возмущение собеседника: *Что вы мне тыкаете?! В Италии в данной ситуации, наоборот, вполне уместным будет обращение «на ты». Если же говорящий изберет формальное обращение *Lei* (Вы), это может вызвать негативную реакцию адресата. Например, он может подумать, что выглядит настолько старым, что к нему обратились «на Вы».*

Отдельного комментария требуют особые правила употребления *ты-/Вы-*форм, отличные от русского языка, которые действуют в итальянской лингвокультуре в условиях профессионального общения, например в академической среде. В русской культуре в рабочей, официальной обстановке чаще всего принято обращение «на Вы». Для носителя русского языка обращение «на ты» означает переход к по-настоящему дружеским отношениям. Другая ситуация наблюдается во многих западных культурах [Акишина 2017, с. 39; Карасик 1991, с. 227], в том числе и итальянской.

В Италии совершенно нормальным является обращение «на ты» к коллегам, имеющим тот же профессиональный статус (например, университетский преподаватель), даже несмотря на разницу в возрасте и должности (профессор, декан, директор департамента). Для русских употребление такого обращения требует преодоления определенного психологического барьера, поскольку считается невежливым после чисто формального знакомства обращаться «на ты» к коллеге, который часто бывает старше по возрасту, а главное – и по должности. Ситуация осложняется также отсутствием у итальянцев отчеств, которые могли бы повысить уровень вежливости общения. Следует отметить, что в Италии такое обращение свидетельствует не об установлении фамильярных, действительно

дружеских отношений, а лишь о сокращении социальной дистанции общения и понижении степени официальности, что свойственно, как было отмечено выше, современным западным культурам. Оно является только сигналом принадлежности к определенной группе и перехода из категории «чужой» в категорию «свой»³.

Таким образом, обращение «на ты» в данных ситуациях нельзя рассматривать как невежливое, так как его употребление соответствует принятым нормам в данной коммуникативной среде. Поскольку эти нормы в русской и итальянской лингвокультурах не совпадают, при общении с коллегами русские испытывают трудности и в употреблении вежливых обращений. Так, например, при обращении к декану или директору департамента приходится использовать имя и *ты*-форму (так как в итальянском языке отсутствуют отчества), что психологически довольно сложно. Однако обращение «на Вы» с использованием титула будет расценено как нарушение нормы и может быть превратно понято собеседником. Любое отклонение от общепринятых норм может привести к отрицательным коннотациям.

Вежливые формы в итальянском языке: VOI и LEI. В сфере формального общения активной формой вежливости в современном итальянском языке является форма 3-го л. ед. числа, ж. р. Следует заметить, что до XIV в. система обращений состояла из двух форм – *tu* и *Voi*, формы *Lei* не было. Данная форма появилась только в XV в. и стала использоваться как крайне официальная по отношению к очень уважаемым особам. Вплоть до первой половины XIX в. обе формы (*Voi* и *Lei*) в итальянском языке использовались на равных, без особых различий. Однако форма 3-го л. ед. числа, ж. р. воспринималась не как исконно итальянская. Предполагают, что она появилась в итальянском языке под влиянием испанского – *usted* (форма вежливого обращения к одному лицу, употребляющаяся с глаголом 3-го л. ед. числа). Видимо, именно поэтому в период фашизма, в 1938 г. она была официально запрещена, так как Муссолини считал ее иностранной и недостаточно мужественной.

В послевоенный период обращение с местоимением 2-го л. множ. числа – *Voi* практически исчезает из употребления, вероятно, не без влияния политических причин. В настоящее время эта форма маркирована как диалектная и устаревшая и встречается преимуще-

³ Это напоминает отношения, которые существовали в СССР в партийной среде, когда соратники по партии обращались друг к другу по имени или по имени и отчеству, но «на ты». Вспомним знаменитую фразу Е.К. Лигачева, обращенную к Ельцину: «Борис, ты не прав!»

ственно в сфере обиходного общения в некоторых районах южной Италии и среди людей старшего поколения. В диалектах эта форма употребляется в знак глубокого уважения («форма уважения»), в отличие от местоимения 3-го л. ед. числа – *Lei*, которое является просто сигналом формальности общения, когда говорящий хочет подчеркнуть дистанцию между собой и адресатом. Интересно, что, по наблюдениям итальянских исследователей, несмотря на это, форма 2-го л. множ. числа в настоящее время начала снова активно использоваться во многих современных итальянских комиксах [Belardinelli 2008].

Следует заметить, что *ты*-/*Вы*-формы в итальянском языке характеризуются не только культурными и социальными различиями, но и политическими. Так, например, в сознании носителей языка вежливая форма 3-го л. ед. числа, ж. р. *Lei* воспринималась как буржуазная, *Voi* – фашистская, а *tu* ассоциировалась, в первую очередь, с коммунистами.

Вежливые формы в русском языке. Что касается русского языка, то так же, как и в итальянском, считается, что обращение «на Вы» появилось под влиянием иностранных языков (в XVI в. польского, а позже французского), оно стало использоваться в XVIII в. в кругах аристократии. Согласно некоторым теориям, изначально *Вы* было обращением только к врагу («иду на вы»), а во всех других случаях традиционно употреблялось *ты*, даже по отношению к царственным особам («ты, царь-батюшка»).

Потребовалось время для вхождения обращения «на Вы» в русский язык, в котором оно сначала было социально маркированным. Известно, например, негативное отношение В.И. Даля к употреблению обращения «на Вы». О лич. мест. 2-го лица ед. числа: «Искаженная вежливость заменяет слово это мн. числом, но у нас доселе простой человек говорит всякому ты, и Богу и Государю (на франц. и Богу говорят вежливо, вы; на немецк., вм. ты, говор. вы, он и они); вместо тщеславной похвалы сельского учителя (эмансипированного), что он крестьянским мальчикам говорит вы, он бы лучше сделал, заставив их себе говорить ты; в этом было бы бол. смысла»⁴. В настоящее время обращение «на Вы» является сигналом официального или уважительного отношения к адресату, а «на ты» – доверительного.

В целом же можно сделать вывод, что обращение как «на ты», так и «на Вы» в официальных ситуациях общения (негативная

⁴Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=40708> (дата обращения 06.02.2022).

вежливость) больше свойственно современному итальянскому языку, чем русскому, для которого единственно возможной формой обращения при формальном общении, в отличие от итальянского языка, является обращение «на Вы».

Заметим, что, как и в русском языке, итальянские формы вежливости графически маркированы, что позволяет избежать трудностей при переводе.

Ты/Вы-формы в речевых актах (просьба)

Выбор местоименной формы в зависимости от тональности общения влияет и на характеристики, в частности грамматические, самого речевого акта, в котором они употребляются. Экспериментальное исследование с носителями русского и итальянского языков речевых актов просьбы и извинения показало, что в данных лингвокультурах имеются различия, многие из которых обусловлены именно выбором местоименной формы в обращении [Нистратова 2019].

В качестве примера рассмотрим речевой акт просьбы, который относится к побудительным речевым актам, предполагающим воздействие на адресата, поэтому большую роль в нем играет обращение. От выбора местоименной формы в обращении и связанных с ней синтаксических конструкций во многом зависит эффективность общения. Так, например, при обращении «на ты» в русском языке, в отличие от итальянского, в просьбах часто употребляются глаголы в повелительном наклонении. Это объясняется тем, что в русской лингвокультуре допустимо прямое воздействие на собеседника. Для усиления вежливости к глаголу в императиве часто добавляется слово *пожалуйста*. Без слова *пожалуйста* и вежливой интонации фраза является приказом или требованием. В итальянской культуре недопустимо прямое воздействие на собеседника, поэтому прямые просьбы обычно выражаются не в повелительном наклонении, а в виде прямого вопроса. При этом слово *пожалуйста* (*per favore/ per piacere/ per cortesia*) не влияет на характер просьбы. Повелительное наклонение в итальянской культуре, как при обращении «на Вы», так и при обращении «на ты», служит для выражения только приказов и требований (*Signora, sposti la macchina!* – *Синьора, переставьте машину!*) или используется в тех случаях, когда собеседник намеренно хочет быть менее вежливым, например, в ситуации навязанного общения (*Lasciami stare!/ Lasciami in pace!/ Non insistere!* – *Отстань от меня!/ Оставь меня*

в покое!/ Не настаивай!). Употребление императива в просьбе с обращением «на ты» обычно допускается только при очень короткой горизонтальной дистанции – семья, близкие друзья: *Ordina la camera! – Убери комнату! Sbrigati! – Поторопись!*

В итальянском языке вежливая просьба при выборе прямой стратегии даже при обращении «на ты» обычно выражается прямым или косвенным вопросом с глаголом в условном наклонении: *Mi presteresti gli appunti? Mi daresti un passaggio?* (букв.: *Ты дал бы мне конспекты? Ты подвез бы меня?*); *Potresti pulire?* (*Ты мог бы убрать?*). В ответах русских респондентов данная конструкция не представлена.

Использование императива в вежливой просьбе в русском языке и недопущение этого в итальянском связаны с культурными различиями: в коллективистских культурах (к которым относится русская) допускается прямое воздействие на собеседника, тогда как в индивидуалистической (например, итальянской) это является грубым нарушением норм этикета.

Таблица 2

Ты-/Вы-формы в речевом акте просьбы

	Ты-формы		Вы-формы	
	Русский язык	Итальянский язык	Русский язык	Итальянский язык
Формы императива	35%	12%	36%	12%
	Ситуация навязанного общения (просьба оставить в покое)			
	20%	36%		
Формы сослагательного наклонения	Прямой вопрос			
	—	28%	—	—
	Косвенный вопрос			
	8%	28%	8%	16%

Основные результаты исследования

Известно, что антиномия *ты*-/*Вы*-форм (фамильярность, дружелюбность – вежливость, официальность) является универсальной для многих языков, однако в каждом отдельном языке есть своя специфика. В результате проведенного сопоставительного исследования было установлено, что помимо того, что итальянский язык располагает большим набором рассматриваемых форм, сферы употребления *ты*-/*Вы*-форм не всегда совпадают в русском и итальянском языках. Так, для современной итальянской лингвокультуры характерно более расширенное использование обращения «на ты». Кроме того, специфика функционирования данных форм наблюдается и в конкретных речевых актах, например при выражении просьбы. Полученные данные могут оказаться полезными как для итальянцев, изучающих русский язык, так и для русских при изучении итальянского языка и культуры.

Литература

- Акишина 2017 – Акишина А.А. Адресация формул речевого этикета // Русский язык за рубежом. 2017. № 6. С. 34–41.
- Амириди 2007 – Амириди С.Г. Речевой этикет в русском и греческом в сопоставительном плане (обращение, знакомство, прощание) // Мир русского слова и русское слово в мире: XI конгресс МАПРЯЛ, Варна, 17–23 сентября 2007. Т. 5. София: Heron Press, 2007. С. 10–15.
- Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629–651.
- Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Бурас, Кронгауз 2013 – Бурас М.М., Кронгауз М.А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 121–131.
- Ван Цюнь 2014 – Ван Цюнь. Трудности китайских учащихся в употреблении русского личного имени в обращении // Русский язык за рубежом. 2014. № 1. С. 60–64.
- Галинская 2010 – Галинская Т.Н. Местоимения «ты» и «вы» в идиолексиконе виртуальной языковой личности // Вестник ОГУ. 2010. № 11 (117), ноябрь. С. 106–111.
- Дронсейка 2012 – Дронсейка Р.П. К вопросу об эгоцентризме личного местоимения «я» и альтруизме личного местоимения «мы» (на примере прозы Б. Акунина) // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 1. С. 8–32.

- Ефремова 2017 – *Ефремова Д.А.* Функционально-семантические особенности личных местоимений в текстах биографических эссе // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 417. С. 5–12.
- Карасик 1991 – *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН, Волгоградский пед. институт, 1991. 495 с.
- Лайонз 2004 – *Лайонз Дж.* Язык и лингвистика: Вводный курс: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 320 с.
- Ларина 2009 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2009. 512 с.
- Лендел 1977 – *Лендел Ж.* Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 193–218.
- Мякшева 2013 – *Мякшева О.В.* Местоимения и специфика их функционирования в текстах разных жанров одного лица // Научный потенциал мира: Материалы 9-й научно-практической конференции, София. Т. 13: Филологические науки, София: Бял ГРАД-БГ ООД, 2013. С. 31–36.
- Нистратова 2019 – *Нистратова С.Л.* Особенности речевого этикета и коммуникативного поведения русских и итальянцев (на примере речевых актов просьбы и извинения) // Восток–Запад: пересечения культур: II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном пространстве, Киото, Япония, 2–6 окт. 2019: научно-практические материалы. Т. 2. Киото: Танака Принт, 2019. С. 690–696.
- Разинкина 2020 – *Разинкина Н.М.* Стилистика английского научного текста. М.: Едиториал УРСС, 2020. 214 с.
- Русецкая 1991 – *Русецкая Л.А.* Некоторые особенности национально-культурной специфики форм обращения в германских и романских языках // Национально-культурная специфика речевого поведения: Тезисы докладов. М.: Изд-во РУДН, 1991. С. 45–47.
- Суздальцева 1981 – *Суздальцева В.Н.* Закономерности речевой организации авторского повествования в газетно-публицистическом тексте // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 1981. № 1. С. 31–42.
- Формановская 1987 – *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
- Belardinelli 2008 – *Belardinelli P.* Pronomi di cortesia *voi* e *lei*. URL: <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/sui-pronomi-di-cortesia/179> (дата обращения 06.02.2022).
- Molinelli 2010 – *Molinelli P.* Allocutivi, pronomi, Enciclopedia dell'Italiano. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/pronomi-allocutivi_%28Enciclopedia-dell%27Italiano%29 (дата обращения 06.02.2022).
- Renzi 1993 – *Renzi L.* La deissi personale e il suo uso sociale // Studi di Grammatica Italiana. 1993. Vol. 15. P. 347–390.

References

- Akishina, A.A. (2017), "Addressing formulas of Russian speech etiquette", *Russkii yazyk za rubezhom*, no. 6, pp. 34–41.
- Amiridi, S.G. (2007), "Speech etiquette in Russian and Greek in comparative aspect (address, acquaintance, farewell)", *Proceedings of the 11th Congress of MAPRYAL "Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire"* [The world of the Russian word and the Russian word in the world], Varna, Bulgaria, 17–23 September 2007, Heron Press, Sofia, vol. 5, pp. 10–15.
- Apresyan, Yu.D. (1995), "Deixis in vocabulary and grammar and a naive picture of the World", in *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Izbrannye trudy* [Integral description of language and system lexicography. Selected works], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, vol. 2, pp. 629–651.
- Belardinelli, P. (2008), *Pronomi di cortesia voi e lei* [Online], available at: <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/sui-pronomi-di-cortesia/179> (Accessed 06 Feb. 2022).
- Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [General linguistics], Progress, Moscow, Russia.
- Buras, M.M. and Krongauz, M.A. (2013), "Terms of address in Russian family etiquette: Semantics and pragmatics", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 121–131.
- Dronseika, R.P. (2012), "On the question of egocentrism of the personal pronoun 'I' and the altruism of the personal pronoun 'we' in Boris Akunin's prose", *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, no. 1, pp. 8–32.
- Efremova, D.A. (2017), "Functional and semantic features of personal pronouns in the texts of biographical essays", *Tomsk State University Journal*, no. 417, pp. 5–12.
- Formanovskaya, N.I. (1987), *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects], 2nd edition, Russkii yazyk, Moscow, Russia.
- Galinskaya, T.N. (2010), "Pronouns formal 'you' and informal 'you' in ideolexical vocabulary of the virtual linguistic personality", *OGU Bulletin*, no. 11 (117), November, pp. 106–111.
- Karasik, V.I. (1991), *Yazyk sotsial'nogo statusa* [The language of social status], Institut yazykoznaniya RAN, Volgogradskii pedagogicheskii institut, Moscow, Russia.
- Larina, T.V. (2009), *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [The category of politeness and communication style: A comparison of English and Russian linguocultural traditions], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Lendel, Zh. (1977), "Forms of addresses, greetings and farewelles in the speech etiquette of modern Hungarians", in *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National and cultural specificity of speech behavior], Moscow, Russia, pp. 193–218.
- Lyons, J. (2004), *Yazyk i lingvistika. Vvodnyi kurs* [Language and linguistics. An introduction], Editorial URSS, Moscow, Russia.

- Molinelli, P. (2010), Allocutivi, pronomi, Enciclopedia dell'Italiano, available at: https://www.treccani.it/enciclopedia/pronomi-allocutivi_%28Enciclopedia-dell%27Italiano%29 (Accessed 06 Feb. 2022).
- Myaksheva, O.V. (2013) "Pronouns and their functioning in texts of various genres written by the same person", *Proceedings of the 9th conference "Scientific Potential of the World"*, vol. 13, Byal GRAD-BG, Sofia, Bulgaria, pp. 31–36.
- Nistratova, S.L. (2019), "Specific characteristics of speech etiquette and communicative behavior of Russians and Italians (the case of the request, apology)", *Proceedings of the 2nd World Congress in real and Virtual space "East – West: the intersection of Cultures"*, Kyoto, Japan, 2–6 October 2019, vol. 2, Tanaka Print, Kyoto, Japan, pp. 690–696.
- Razinkina, N.M. (2020), *Stilistika angliiskogo nauchnogo teksta* [Stylistics of the English scientific text], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Renzi, L. (1993), "La deissi personale e il suo uso sociale", *Studi di Grammatica Italiana*, vol. 15, pp. 347–390.
- Rusetskaya, L.A. (1991), "Some peculiarities of the national and cultural specificity of forms of addresses in the Germanic and Romance languages", in *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya. Tezisy dokladov* [National and cultural specificity of speech behavior. Abstracts of reports], Moscow, Russia, pp. 45–47.
- Suzdal'tseva, V.N. (1981), "The laws of the speech organization of the author's narrative in the newspaper-publicistic text", *Moscow State University/MGU Bulletin. "Journalism" Series*, vol. 1, pp. 31–42.
- Wang Qun (2014), "Russian personal names: challenges for chinese students", *Russkii yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 60–64.

Информация об авторе

Светлана Л. Нистратова, кандидат филологических наук, доцент, Университет Ка'Фоскари, Венеция, Италия; 30123, Италия, Венеция, Ca'Bernardo, Dorsoduro, 31996; nistra@unive.it

Information about the author

Svetlana L. Nistratova, Cand. of Sci. (Philology), University of Venice Ca'Foscari, Venice, Italy; Ca'Bernardo, Dorsoduro, 31996, Venice, Italy, 30123; nistra@unive.it

Каким бывает «цвет лица»: взгляд лингвиста

Ирина В. Высоцкая

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Новосибирск, Россия;
i.vysotskaia@g.nsu.ru*

Аннотация. Антропоцентрический подход предполагает идею абсолютного наблюдателя и в отношении человека, в частности – его лица, обладающего, наряду с другими, признаком цвета, который может служить основанием для прозвища. Результаты дискурсного анализа материалов Национального корпуса русского языка за период 1772–2016 гг. позволяют различать три позиции наблюдения за цветом лица, при которых оно воспринимается как объект 1) экзотический, 2) диагностический и 3) эстетический. Отмечены возможности совмещения этих позиций. Составлен цветовой тезаурус прилагательных, обозначающих цвет лица (более 70 единиц) и называющих основные цвета и их оттенки, а также сложные цвета. Изменения цвета лица могут быть более или менее длительными, естественными или искусственными, обусловленными внешними условиями или внутренним состоянием человека. Взаимосвязь цвета лица и эмоционального состояния, концептуализированная в языке и зафиксированная в художественной литературе, подтверждена современными экспериментальными исследованиями в области биологии и медицины. В заключение выявлены социокультурные причины трансформации позиций наблюдателя за цветом лица: процессы глобализации и принцип политкорректности обуславливают редукцию экзотического взгляда; коммерциализация и развитие «индустрии красоты» актуализируют эстетическое, хотя эстетический идеал меняется, при этом продолжается пересечение позиций врача и художника.

Ключевые слова: антропоцентризм, дискурсный анализ, позиция наблюдателя, цвет лица, экзотический объект, диагностический объект, эстетический объект, модель коммуникации

Для цитирования: Высоцкая И.В. Каким бывает «цвет лица»: взгляд лингвиста // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 281–298. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-281-298

Kinds of “complexion”: a linguist’s view

Irina V. Vysotskaya

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
i.vysotskaia@g.nsu.ru*

Abstract. The anthropocentric approach assumes the idea of an absolute observer in relation to a person, in particular, his or her face, which, along with others, has a sign of color. It is the complexion that can serve as the basis for the nickname of a person. The results of the discourse analysis of the materials of the National Corpus of the Russian language for the period of 1772–2016 allow us to distinguish three positions of observation of face color, in which it is perceived as an object 1) exotic, 2) diagnostic and 3) aesthetic. The possibilities of combining these positions are noted. A color thesaurus of adjectives denoting complexion (more than 70 units) and naming primary colors and their shades, as well as complex colors, has been compiled. Changes in complexion can be more or less prolonged, natural or artificial, caused by external conditions or the inner state of a person. The relationship between complexion and emotional state, conceptualized in language and recorded in fiction, has been confirmed by modern experimental studies in the field of biology and medicine. In conclusion, the sociocultural reasons for the transformation of the positions of the observer of the complexion have been revealed: the processes of globalization and the principle of political correctness cause the reduction of the exotic look; commercialization and the development of the “beauty industry” actualize the aesthetic, although the aesthetic ideal changes, while the intersection of the positions of the doctor and the artist continues.

Keywords: anthropocentrism, observer position, complexion, exotic object, diagnostic object, aesthetic object, model of communication

For citation: Vysotskaya, I.V. (2022), “Kinds of ‘complexion’: a linguist’s view”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 2, pp. 281–298, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-281-298

Введение

Антропоцентрическая модель описания языка базируется на идее абсолютного наблюдателя – субъекта, воспринимающего все явления окружающего мира, включая и самого человека. В этом отношении весьма интересна попытка языковой концептуализации тела человека, представленная в энциклопедической (по замыслу и воплощению) коллективной монографии [Язык 2020]. Отмечено,

что цвет соматического объекта является формальным (физическим) признаком.

Применительно к цвету лица в качестве основных выделяются значения 'красный' и 'белый' [Кадыкова, Крейдлин 2010, с. 59]. Анализ словообразовательного гнезда с вершиной «лицо»¹ существенно расширяет языковую «палитру», поскольку позволяет выявить возможность образования ряда прилагательных со значением цвета лица по модели *белолыцый* в сочетании с корнями: *бледно-*, *желто-*, *красно-*, *медно-*, *розово-*, *румяно-*, *светло-*, *смугло-*, *темно-*, *черно-* (ср. также: *нежлощный*). Интернет-ресурс «Карта слов» по запросу «цвет лица» выдает около сотни прилагательных, сгруппированных по принципу «облака слов»². Среди них – около сорока прилагательных со значением собственно цвета, а также его оценки по признакам здоровья / нездоровья, естественности / неестественности, обычности / необычности и т. д.

Материал нашего исследования составили разные контексты с сочетанием «цвет лица» в основном корпусе НКРЯ – 516 документов, 670 вхождений³. Самый большой «пик» его популярности приходится на рубеж XVIII–XIX вв., судя по частотности употребления (см. график НКРЯ⁴). Первое упоминание – в сентиментальной повести неизвестного автора «Колин и Лиза» (1772): *Исчез веселый нрав ее, спокойство от нее удалилось; она грустит, тоскует, плачет, **переменился цвет лица** ее, она сохнет и, наконец, умирает с печалью*⁵. Последнее – в публикации с метафорическим названием «Лицо современности» в журнале «Кот Шредингера» (2016): *Ведь очень важно время от времени анализировать современность и замечать ее отличительные черты. Так же как иногда полезно смотреться в зеркало, **оценивая, насколько здоров цвет лица*** (А. Лесняк).

¹См.: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1990. Т. 1. С. 547–548.

²Каким бывает ЦВЕТ ЛИЦА – Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/каким-бывает/цвет%20лица> (дата обращения 10.10.2021).

³Национальный корпус русского языка. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=main&nodia=1&p=3&req=цвет+лица&sort=i_grtagging&text=lexform (дата обращения 10.10.2021).

⁴Национальный корпус русского языка. URL: https://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?search.xml?lang=ru&mode=main&nodia=1&req=цвет+лица&sort=i_grtagging&text=lexform&graphic_from_result=1&startyear=1765&endyear=2019&smoothing=0 (дата обращения 10.10.2021).

⁵Здесь и далее при цитировании сохранена авторская орфография и пунктуация.

У слова *цвет* принято различать значение окраски и цветка, на это и на возможность сближения значений (*она потеряла краски*, т. е. побледнела) указывает, в частности, Л.В. Щерба [Щерба 2007, с. 247]. Наш материал демонстрирует диффузию значений: цвет лица (как цветков) может быть *цветущим* (В. Авенариус) или *блеклым* (Т. Чиглицева), он может *позавясть* (И. Муравьев-Апостол), *поблекнуть* (С. Шикера) и проч. Наконец, цвет лица сравнивается с цветком: **Белый, как лилия при лунном освещении, цвет лица** (А. Осипович (Новодворский)); **Свежа, как роза. И какой цвет лица! – Чудный, чудный...** У твоей Сашеньки тоже ведь **цвет лица...** (А. Куприн). Заметим, что все оттенки цвета розы применимы к цвету лица⁶.

Признак «свежесть / несвежесть» для цветка и лица является общим. Свежесть лица и красота оказываются в однородном ряду: *Посоветуйте, как восстановить свежесть и красивый цвет лица?* (О. Алексеева, И. Шереметева). Обычно свежий цвет лица оценивается положительно: *Ну, так, так и есть, что я говорила: всего одну ночь переночевал у нас, и цвет лица стал уж лучше, гораздо свежее, чем был прежде...* (Д. Григорович). Ср.: *Нет, в самом деле, заметьте, Павел Семеныч, как у этих людей, совершенно лишенных мысли и идеала и едящих одну говядину, как у них всегда откровенно свеж цвет лица, грубо и глупо свеж!* (Ф. Достоевский). Различие в оценках обусловлено разными представлениями об эстетическом идеале, который формируется в зависимости от времени, страны, сословия и проч. (см. труды Н.Г. Чернышевского и Г.В. Плеханова).

Часто цвет лица связывается с возрастом: *Все молодое уже исчезло в нем – с ним это случилось очень быстро, – цвет лица у него стал грубее и темнее, суше...* (И. Бунин). Хороший – обычно с молодостью, хотя могут быть исключения: *В нее можно еще влюбиться, а ей уже 65 лет. Цвет лица свежий и румяный; глаза горячие и прелестно-выразительные* (И. Тургенев). В этом отношении показательна реплика: *Вот раньше у меня был цвет лица, это правда* (А. Володин).

Цвет лица как основа наименования

Цвет лица лежит в основе прозвищ, неофициальных наименований, фиксирующих взгляд со стороны: *...не было старой Евдокии Николаевны, была 25-летняя голубоглазая, розовощекая (ее за цвет*

⁶ Интересно, что *пудровый* (в НКРЯ – в 2014 г.) цвет определяется как близкий к цвету кожи или как цвет «пыльной розы».

лица звали в юности **«заревом»**) Диночка (В. Колесникова); ...именем **Флоры**. Меня Сергей Николаевич так называл за **яркий цвет лица**, за обилие волос, которые я иногда заплетала в две длинные, толстые косы (Л. Авилова); Прозвище Курнофеюс дано было Тыркову в *лице* же за то, что он был курнос, а **Кирпичным брусом** он звался за **цветущий, смугло-бурый цвет лица**... (В. Авенариус); Славик, или **Чугун**, как звали его не то за могучесть, немалую силу, а может, за **серый, чугунный** от речного ветра да многолетнего пьянства **цвет лица** (Б. Екимов). Ср. также: Одноклассники ее тогда прозвали **«пленсень»** за **цвет лица, совпадавший с цветом стен** (М. Трауб).

Прозвище отражает отношение окружающих к его носителю. Так, смуглолицые могут зваться по-разному. Ср.: ...за **резвость и за смуглый цвет лица** Петр Михайлыч прозвал дочку **дикарочкой** (А. Писемский); ...Зиновья, соседка Пазухиных, прозванная за **смуглый цвет лица** **Голенищем** (И. Вольнов); Она была Елена, а не Галина, а звалась **Галкой** за **смуглый цвет лица**, черные волосы и черные глаза (И. Дьяконов). Ср. также: За болезненный, **землистый цвет лица** барышни звали Горизонтова **«желтомором»**, а за то, что он носил костюм зеленого цвета с искорками, дали ему кличку «лягушачий мор» (А. Богданов); **Черномором** зовут Флора Евлампиева, конторщика Суховражеского имени графов Уваровых. Кличку эту ему дали за **землистый цвет лица** и еще за то, что он **жаден, хитер, суров и безжалостен к рабочим**... (А. Богданов). Подобные прозвища – скорее, исключение, демонстрирующее восприятие цвета лица на высшем, социальном, уровне. Гораздо чаще этот признак воспринимается на биологическом или психологическом уровнях.

Три позиции наблюдения за цветом лица

В европейской традиции «лицо является частью тела, открытой для внешнего наблюдателя» [Кадыкова, Крейдлин 2010, с. 59]. Дискурсный анализ (с учетом тематики и жанровой специфики источников) позволяет выделить три позиции наблюдателя, которые можно обозначить как взгляд путешественника, врача и художника. И лицо, таким образом, воспринимается не просто как объект соматический (в значении ‘телесный’, хотя слово употребляется и как медицинский термин), но как объект экзотический (1), диагностический (2) и эстетический (3).

1. На биологическом уровне воспринимает цвет лица исследователь-этнограф. В «Очерке вопроса о происхождении видов»

(1876) читаем: *Цвет волос и длина зубов у англичан; глаза, скулы, цвет лица и пр. у китайцев; т. е. признаки, делающие эти народы столь характерными с первого взгляда* (И. Мечников). См. также фрагмент статьи «Москва азербайджанская» (1997): *От прочих кавказцев их отличает более смуглый цвет лица, глаз и тела* (Р. Арифджанов). Цвет лица, наряду с другими, относят «к физическим признакам соматических объектов, по которым обычно судят об этническом происхождении человека» [Крейдлин, Хесед 2016, с. 123].

Предпочитаем говорить не об этническом вообще, а об экзотическом, поскольку в нашем материале большое место занимают записки путешественников, отмечающих прежде всего необычное и воспринимающих лицо как экзотический объект: *Островитяне, приезжавшие на шлюпы, ...в телодвижениях ловки и проворны, волосы имеют кудрявые, особенно быстросверкающие черные глаза, бород не бреют, цвет лица и тела темнокрасный, черты лица приятные и не обезображены испестрением, как то водится у многих жителей островов сего Великого океана. / Один только из опарцев, 17 или 18 лет от роду, весьма стройный телом, имел самые светлорусые волосы, голубые глаза, несколько горбоватый нос, цвет лица и тела подобный жителям северной части Европы* (Ф. Беллинсгаузен).

Отметим, что первые путешественники в своих описаниях искренни и часто не деликатны. Так, в «Отрывках, содержащих некоторые любопытные подробности о Турции и Египте» неизвестный пишет: *Цвет лица их очень смугл и черты неприятны* («Вестник Европы», 1804). Ср. также впечатления от «Путешествий вокруг света...» (1822): *Индийцы сии малого роста, весьма слабого сложения и не статны, цвет лица изжелта-черноватый, волосы у них черные, прямые; они проворны, но крайне ленивы...* (В. Головнин).

Среди источников отметим также «Личные воспоминания участника об осаде в Пекине» (1901): *...американцы говорили, что это идет их кавалерийский полк, состоящий из мулатов, метисов и негров, имеющих действительно не только смуглый цвет лица, но даже черный, и вооруженных также пиками* (В. Корсаков).

Цвет лица является важным опознавательным знаком, поскольку он относится к тем физическим признакам, которые «выделяют человека как чужого, этнически чуждого» [Крейдлин, Хесед 2016, с. 123]. Заметим, что смуглый цвет лица чаще выдает иностранца: *Хотя пронизательные черные глаза, того же цвета волосы и смуглый цвет лица обличали в нем уроженца страны южной, но, давно живя в России, он совершенно обрусел и по языку, и по характеру* (К. Масальский); *...смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем...* (М. Лермонтов). Ср.:

Ошибиться Катя не могла: **смуглый цвет лица**, темные волнистые волосы, длинноватые для мужчины, **восточный** разрез глаз и этот наглый, оценивающий взгляд уверенного в себе красавца, который привык пользоваться успехом у дам (Т. Моспан). Светлое лицо не столь непривычно русскому путешественнику, хотя в «Записках о Голландии» (1821) указано: **Бледный цвет лица и преждевременная старость** встречаются вас повсюду (Н. Бестужев).

2. Лицо как диагностический объект, служащий для распознавания болезни, воспринимается врачом. Цвет лица, наряду с другими внешними проявлениями, доступными наблюдению, свидетельствует о состоянии пациента и служит «показателем внутренних неполадок человеческого организма – недомоганий, болезней и других патологий, и дисфункций» [Крейдлин 2017, с. 132]. Ср.: *Врач по каким-то неуловимым признакам («ручки зябнут», цвет лица не тот) уверенно ставит диагноз (Ю. Чирков) – Пока женщина рассказывала о своей беде, тетя Зарина щупала на ее руке пульс и успевала заметить то, что ей было нужно, – белки глаз, волосы, ногти, цвет лица...* (М. Трауб).

На болезнь указывает цвет лица, не соответствующий норме: Он выглядел уже не таким дистрофиком, как в первые дни после выхода из больницы, но **цвет лица** у него был **землистый** (С. Высоцкий); Шедший сзади не имел никаких физических недостатков, разве что **цвет лица** его был **несколько более желтый, чем это присуще здоровому человеку**, и двигался он не так плавно, как тот, что первым вошел в двери ресторана (П. Галицкий). Ср. также: Я уж забеспокоился, думал, ты заболел. А сейчас смотрю, **цвет лица хороший** (А. Белов).

Среди источников, в которых представлен такой взгляд на цвет лица, воспоминания Ф. Ростопчина о последнем дне жизни императрицы Екатерины II (1796): *Сильное хрипение в горле слышно было и в другой комнате; вся кровь поднималась в голову, и цвет лица был иногда багровый, а иногда походил на самый живой румянец*. Весьма показательны труды психиатров (первой половины XX в.): *К первой он относит печаль, тревогу, страх, нелюдимость, жажду смерти, подозрительность, опасение мнимых интриг; ко второй – холодные конечности, потливость, тяжесть в голове, похудание, темный или бледный цвет лица* (Ю. Каннабих); *Характерен для этого отравления синегато-серый или даже синегато-черный цвет лица и особенно губ* (В. Гиляровский).

3. Взору художника (в широком смысле) лицо предстает как эстетический объект, достойный описания: *Пепельного цвета вьющиеся волосы, серые глаза, очень ровный цвет лица, никакой косметики* (Е. Белкина).

Словесный портрет может быть довольно подробным: *Стрижка у нее была короткая, под мальчика, волосы – темно-русые, с редким «медовым» отливом, черты лица – тонкие и правильные, глаза – почти совсем черные и тоже огромные, никак не меньше Катиных, плюс – необыкновенной красоты кожа и **изумительный цвет лица*** (В. Белоусова). При этом может быть использована сложная цветовая гамма: *И этот вздернутый носик, и белые, как чистейший жемчуг, зубы, и **смугло-розовый, с оранжевым оттенком, цвет лица**, и вьющиеся мелкими кольцами золотистые волосы, а в особенности, страннее всего светлые, добрые, но лукавые глаза, какого-то оригинального синего цвета* (Е. Салиас). Ср. также: *Но более всего удивил Матвея **снежно-белый цвет лица** этого человека* (Е. Салиас); *Действительно – **цвет лица отчаянный бордо**, и морда кирпича просит* (М. Зощенко).

Подчеркнем, что в художественном описании взгляд автора часто не менее важен, чем объект наррации: *На этом очаровательном лице было собрано все, что есть прекраснейшего из прелестей: блестящие черные глаза, тонкие черные брови, коралловые губы, **цвет лица, превосходящий всякое описание!*** (Н. Дурова).

Среди источников, представляющих взгляд художника, отметим прежде всего литературные произведения и мемуары, к примеру, «Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово» (1877–1880): *Все дети были очень хороши лицом; у меньшей из дочерей был **прекрасный цвет лица**, а мальчики в детском возрасте были как херувимы*. Показательны и рекламные объявления разных столетий, ср.: ***Бледное** лицо делаю **розовым** сейчас же **улучшая цвет лица** навсегда* («Русское слово», 1906); *Препараты Keicher Valentin делают **цвет лица красивым**, не имея вида гримирования* («Новое время», 1910) – *Хотелось бы заодно, чтобы крем убирал следы усталости и выравнивал **цвет лица*** (форум «Красота», 2005).

Пересечение позиций наблюдателя

Возможно совмещение указанных позиций, которые можно представить в виде трех пересекающихся кругов (на диаграмме Эйлера – Венна, применяемой в исследованиях синкретизма в языке и речи). Рассмотрим пересечения (общие зоны).

Неразличение экзотического и эстетического представлено в ситуации, когда причины оценки цвета лица не указаны: *...у нас теперь, как всегда, простых людей по обезьянникам затаскают, если **цвет лица не понравится**...* («Известия», 2002).

Пересечение диагностического и экзотического демонстрирует следующий фрагмент: *По словам исправника, стражник этот совершенно окитаился от долгого пребывания в Манчжурии, но через неделю он не только был совершенно здоров после долгого и бесплодного лечения, но и **желто-грязный цвет лица** его принял **нормальную окраску русского человека*** (Н. Федоровский). Интересен глагол *окитаиться*, значение которого связано не с привычками или манерой поведения, а с приобретением характерного цвета лица.

Лицо воспринимается и как диагностический, и как эстетический объект при совмещении позиций врача и художника: *Что тревожит? Необычный «голубоватый» цвет лица* («Семейный доктор», 2003). Именно так можно трактовать взгляд врача-косметолога, однако не только его.

По цвету лица (и другим признакам) «люди, и вовсе не исключительно врачи, судят о том, что человеку сейчас плохо, что он испытывает боль, что болен или, наконец, что ему просто нехорошо физически, ментально либо психически» [Крейдлин 2017, с. 133]. Обратим внимание на художественные описания, представляющие «наивную» диагностику: *...она среднего роста, блондинка, с правильными чертами, **цвет лица чахоточный*** (М. Лермонтов); *...багровый цвет лица* свидетельствовал о сильнейшем приливе крови (А. Фет); *При электрическом свете **желтый цвет лица** – у Василия Алексеевича была **желтуха** – обычно почти незаметен* (В. Каверин); *Я заметил, что у императора сильные челюсти, говорившие об упорстве, но **цвет лица землистый**, как у всех страдающих **желудком*** (А. Ладинский); *Глаза горели, **цвет лица** был **малиновый**, от избыточного **гемоглобина**, никто не дал бы ей сорока с чем-то* (Ю. Трифонов).

Цвет лица может быть обусловлен не только внутренними причинами (состояние здоровья), но и внешними (условия жизни): *...у всех почти пассажиров баржи был **бледно-серый, с землистым оттенком, цвет лица**, тот характерный **арестантский** цвет, который неразлучен с долгим тюремным заключением* (К. Станюкович); *Цвет лица у всех был **серо-зеленый, бессонный**, глаза воспаленные, воротники грязные, в комнате было накурено...* (Л. Троцкий). Отметим возможность перехода относительных прилагательных в разряд качественных, совмещающих значение неестественности цвета с указанием на причину его появления (*арестантский, бессонный цвет*). Ср. также: ***лазаретный цвет лица*** (Г. Успенский).

Совмещение пространственного и каузального значений ярко проявляется в прилагательном *петербургский* применительно к цвету лица: *Свежести нет и **цвет лица «петербургский»** – жел-*

товатый, без намека на румянец, – но болезненного и осунутого вида нет (К. Станюкович). Ср.: *Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский* (Ф. Достоевский).

Помимо внешних обстоятельств, на цвет лица влияют и некоторые привычки: *У жителей этого города был такой цвет лица, как будто на завтрак они ели старую солому, на обед – торе из пробки с горчицей, а на ужин снова солому* (В. Каверин). Следы на лице оставляет страсть к алкоголю (которое может перерасти в болезнь): *Почти все – чудаки, чуждость которых практически одинаково: после сорока лет – легкая академическая небрежность, мятые университетские пиджаки, сигареты vs трубки, желтоватый цвет лица (вовремя усмирённый алкоголизм)*; до сорока – *короткие стрижки, общая угрюмость, политический пафос* (К. Кобрин); *А у Левы какой землистый цвет лица по сравнению с Вовой, прямо испитое лицо* (Э. Герштейн). Возможна и мнимая (или, точнее, вероятностная) каузация: *В нем одно только мне памятно: от него ужасно несло курительным табаком; цвет лица он имел совсем кофейный и ежедневно пил по двенадцати чашек кофе* (Ф. Вигель).

Любопытно, что, помимо так называемой цветочной цветовой гаммы (*розовый, шафранный*), для обозначения цвета лица используется и «овощная» гамма: *брюквенный цвет лица* (С. Буданцев); *морковный цвет лица сразу стал свекольным* (М. Агеев). Кроме того, возможна и «металлическая» цветовая гамма: *оловянный цвет лица* (И. Мечников); *кирпично-бронзовый цвет лица* (А. Куприн). Ср. также: – *Он бронзовеет*, – определила я, подразумевая под этим неприступность Игнатия и его *цвет лица* (В. Токарева).

Таким образом, цветовая палитра включает относительные прилагательные, разные по значению (от названий помещений, городов, овощей, металлов и т. д.): *цвет лица пергаментный* (Н. Пирогов); *прелестный фарфоровый цвет лица* (М. Куприна-Иорданская). Метафорический перенос осуществлен на основании сходства по цвету с широким классом предметов.

Возможны прямые сравнения: *...цвет лица мог поспорить белизной с мрамором* (Н. Алексеев); *Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке* (Н. Гоголь); *Томный цвет лица твоего походит на янтарь...* (Н. Муравьев). Ср. также: *У незнакомки темные длинные волосы и превосходный цвет лица – настоящая акварель* (Т. Тронина).

Встречаются довольно неожиданные сочетания с качественными прилагательными: *Едва помню его бравую военную фигуру, коротко остриженную голову, усы и бакенбарды с седыми концами,*

горячий цвет лица и синие глаза: вот и все (Н. Лесков); *...веселый, теплый цвет лица* (В. Набоков); *У него смелое лицо. Смелый цвет лица. У него смелые уши. У него действительно замечательные уши – уши смелого человека* (А. Битов).

Цветовой тезаурус

Обобщая сказанное, представим цветовой тезаурус из 73 прилагательных, которые употребляются для обозначения цвета лица.

Белый	Розоватый	Бронзовый
Снежно-белый	Бледно-розовый	Оливковый
Белоснежный	Нежно-розовый	Зеленоватый
Молочный	Бело-розовый	Зеленый
Фарфоровый	Розовый	Желто-зеленый
Мучнистый	Румяный	Серовато-зеленый
Бледный	Персиковый	Серо-зеленый
Бескровный	Светло-медный	Грязно-зеленый
Малокровный	Медный	Зелено-землистый
Матовый	Морковный	Синеватый
Матово-бледный	Красноватый	Синий
Бледно-желтый	Темно-красноватый	Синюшный
Изжелта-бледноватый	Медно-красный	Синевато-черный
Восковой	Красный	Грязноватый
Желтоватый	Кирпичный	Сероватый
Желтый	Кирпично-бронзовый	Серый
Золотистый	Бурый	Пепельный
Золотисто-румяный	Багровый	Землистый
Загорелый	Малиновый	Землисто-желтый
Шафранный	Бордо	Землисто-бурый
Смугловатый	Брюквенный	Земляной
Смугло-желтоватый	Свекольный	Сизоватый
Изжелта-смуглый	Буро-коричневый	Оловянный
Смуглый	Коричневый	Свинцовый
		Чугунный

Цвет лица может оцениваться. Помимо универсальной общей оценки *хороший / плохой (нехороший)* для этого используется широкий ряд прилагательных со значением положительной оценки: *прекрасный, отличный, превосходный, чудесный, великолепный, прелестный, дивный, замечательный, чудный, удивительный, восхитительный, потрясающий, изумительный, безупречный, безукоризненный*. Ср. также: *лучший, идеальный, сияющий, ослепительный*.

Отрицательная оценка встречается реже: *неважный, дурной, скверный, ужасный*.

Противопоставлены так называемые живописные признаки: *светлый / темный; яркий / тусклый; холодный / теплый; прозрачный / мутный; нежный / (грубоватый) грубый; чистый / нечистый; ровный / неровный; приятный / неприятный*. Оппозиции составляющих и диагностические признаки: *здоровый / нездоровый (болезненный); живой / мертвенный* и т. п. Ср. также общие для разных позиций: *естественный (нормальный, природный, натуральный) / неестественный (странный, чудной); обычный / необычный*.

Языковая «палитра» довольно разнообразна. Она включает основные цвета (*красный, желтый и синий*), де факто все цвета спектра (оранжевому соответствуют *морковный, медный* и др., фиолетовому – *свекольный* и др.), оттенки (*синеватый, светло-медный* и др.), а также смешанные цвета (*серо-зеленый* и др.).

Обычно цвет лица связывают с оттенками белого и розового (см. начало первого и второго столбцов тезауруса, в третьем представлены менее привычные цвета). В этом отношении показательны следующие данные: *Красивый цвет лица: в 70% – розоватый, в 23% матовый и в 2% – белоснежный с веснушками* («Раннее утро», 1914). Ср. также: *Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?* (А. Пушкин).

Отметим прием персонализации, при которой «цвет лица» распространяется на партию и цветообозначение политизируется: ... *вхождение Глазьева в первую тройку списка компартии означает, что к ее ярко-красной гамме примешалась малая толика белого. КППРФ чуть-чуть порозовела. Иными словами, в преддверии парламентских выборов можно констатировать появление здорового юношеского румянца на ее лице* (Н. Силаев). Интересно, что сама публикация называется «Цвет лица» («Профиль», 2003).

Изменения цвета лица

О том, что оттенки белого и красного составляли основу эстетического идеала, свидетельствует как само стремление *белиться*⁷ и *румяниться*, так и существование специальных средств для этих целей (*белил и румян*): *Чужие говорят вам, что у вас хороши волосы, или зубы, или цвет лица; свои объясняют, что у вас парик, не то*

⁷ При этом действие распространяется на человека в целом, ср. также способность *побелеть – покраснеть* [Кадыкова, Крейдлин 2010, с. 57–59] и т. п.

накладка, или что вы красите волосы, носите фальшивую челюсть, **румянитесь** или даже **белитесь** (Е. Ростопчина); ...при этом еще **белилась** и **румянилась**: природный **цвет лица** ее, вероятно, был очень черен! (А. Писемский).

Желание улучшить цвет лица свидетельствует о том, что человек осознает себя эстетическим объектом: *Сегодня у меня такой цвет лица, что хоть косметики употреблять* (П. Боборыкин). При этом искусственный цвет лица воспринимается по-разному. Ср.: *Занимался он своим туалетом часа два, и в конце концов все это у него появилось: явился фальшивый цвет лица, отличные зубы и брови* (С. Витте) – **Великолепно сделанный цвет лица**, безукоризненная прическа и лицо, неподвижное, как маска, без мысли, без выражения... (Е. Дьяконова).

Мода на употребление косметики связана с определенным положением в обществе или с профессией. Ср.: – *На что же эти краски на столике между щетками, пудрой и помадой?/ – Это цвет лица моего барина./ – Хорош!* – сказал я с насмешкою (Ф. Булгарин); *Хотя у меня был великолепный цвет лица, но сцена и ее освещение имеют свои законы, поэтому приходилось применять макияж* (А. Слаповский).

Изменить цвет лица может не только макияж, но и определенным образом подобранная одежда: ...если надену **черный фрак**, так **цвет лица будет побелее** (Н. Гоголь); *Этот вопрос княгиня Васса Семеновна разрешила отрицательно, с любовью и материнскою гордостью смотря на свою красавицу дочь, дивный цвет лица которой особенно оттенялся черным платьем* (Н. Гейнце); *Потому цвет лица у кухарок пылкий и требует оживления в кофтах* (Н. Тэффи). Примечательно, что «Новости моды», описывая американок на балах, сообщают: *Чудовищно длинные хвосты бразильских птиц, яркие и немного кричащие, шли к пылкому румянцу их свежих лиц. / Американки, не смущаясь убить цвет лица, вкалывали эти изумрудно-зеленые, бирюзово-лучезарные хвосты в прически* («Раннее утро», 1915).

Описаны природные факторы, улучшающие цвет лица: *Живительный горный воздух* возвратил ей **цвет лица** и силы (М. Лермонтов); *Было ему лет семьдесят, но оттого, что он днями гулял на свежем воздухе, цвет лица у него был, как у милиционера, очень красный и здоровый* (Ю. Трифонов); *В их внешности сразу заметно то общее, что присуще всем морякам: легкость и прямая осанка, тот цвет лица, который могут придать лишь соленый ветер и яркое солнце* (В. Матвеев); *Спит только с открытым окном, считая, что мороз убивает все бактерии и сохраняет свежий цвет лица* (М. Трауб). Ср. также: ...*посмотрите, какой у меня*

свежий **цвет лица**, а все оттого, что я **рано встаю** (А. Панаева); *Купили ей **цветов**: красных и синих, всяких. – Дура, **нюхай, цвет лица лучше будет*** (А. Веселый).

Впрочем, длительное пребывание на солнце ухудшает цвет лица: Ты, душечка, окончательно испортишь **цвет лица**, если не будешь избегать **солнца** (Е. Бекетова (Краснова)); В обычном состоянии у него бело-розовый **цвет лица**, который он **портит** не идущим ему **загаром** (А. Ткачева). Кроме того, испортить его могут и некоторые привычки: ...кстати, поздравь меня, я больше не пью **водки**, да и тебе советую бросить, потому что это ужасно сокращает жизнь, а главное, **портит цвет лица** (М. Салтыков-Щедрин); **Читаете всякую муть**, говорил он, девушкам это противопоказано, **портит цвет лица**. / Накануне экзамена Баев пришел с сумкой, в которой уже не булькало пиво – она была набита теми самыми книжками, которые **портят цвет лица** (Е. Завершнева).

Изменения цвета лица могут быть более или менее длительными, обусловленными внешними (естественными или искусственными) факторами или образом жизни: **А можно привезти прекрасный цвет лица** [из путешествия. – И. В.]... (Я. Зубцова); **Если вы бросили курить, ...через неделю – улучшится цвет лица...** (А. Варшавская). Такие изменения наблюдатель фиксирует на самом поверхностном уровне восприятия.

На цвет лица влияет внутреннее состояние человека: **Цвет лица, плеч, рук – был цельный, свежий цвет**, блистающий здоровьем, **ничем не тронутым – ни болезнью, ни бедами** (И. Гончаров). Ср. также: **Нежнейший, несмотря на искреннее горе, цвет лица** (Т. Тронина). Крайне важно психическое здоровье: **От такой жизни здоровье мое сохранилось так крепко, как в 20 лет, а оттого, конечно, что я не знаю здесь ни зависти, ни злословия, цвет лица моего почти таков же, каков был в тот год, как мне досталось в офицеры** (И. Муравьев-Апостол); **Только не плачь: это портит цвет лица**, будешь бледная, со вздутыми глазами (Н. Гарин-Михайловский); **Ты не печалься, это портит цвет лица и насыщает воздух микробами** (Л. Андреев); **Но не надо завидовать, а то цвет лица испортится** (Т. Моспан).

На психологическом уровне восприятия изменение цвета связывается с эмоциональным состоянием: **Софья замечает движение души его; цвет лица ее переменяется**; дуновение утихает, волнение по грудям ее разливается (А. Клушин). Это неподконтрольная субъекту физиологическая реакция его тела на эмоциональные переживания [Апресян, Апресян 1993, с. 32], поэтому она заметна прежде всего стороннему наблюдателю. Самонаблюдение вряд ли возможно (если, конечно, субъект не видит себя в зеркале во время

разговора), поэтому приведенные ниже фрагменты демонстрируют, вероятно, подражание литературной традиции современной автору эпохи: *Хотя нет робости в душе моей и **цвет лица моего ни разу не изменялся**, я покойна, но обрадовалась бы, однако ж, если бы перестали сражаться* (Н. Дурова).

В «Опыте педагогической антропологии» (1867), в частности, читаем: *Насколько чувство страха отымает у нас силы – настолько смелость дает нам их, да и в воплощении своем смелость выражается чертами, совершенно противоположными страху: мускулы напрягаются, не доходя еще до судорожного напряжения гнева, стан выпрямляется, голова подымается, **цвет лица делается живым, не приобретая еще краски или бледности гнева**, глаза блестят, вся физиономия принимает какой-то смелый, решительный характер, еще ни одной чертой своей не выражая гнева* (К. Ушинский).

Отмечено, что «конкретным эмоциям соответствует либо определенный цвет лица, либо класс близких цветов» [Кадыкова, Крейдлин 2010, с. 59]: лицо становится белым или серым от страха, красным – от стыда, чтобы скрыть эмоции, лицо закрывают руками [Кадыкова, Крейдлин 2010, с. 59]. Это зафиксировано в русской фразеологии и описано в художественной литературе.

Подчеркнем, что применительно к цвету лица языковая концептуализация, репрезентирующая обыкновенно «наивную» картину мира, не вступает в противоречие с научными исследованиями в области биологии и медицины. Так, языковые выражения *flushed with anger* ('вспыхнуть / покраснеть от гнева') и *pale with fear* ('побледнеть от страха') навели японских исследователей на мысль о возможности экспериментального изучения взаимосвязи между выражением лица и его цветом [Nakajima, Minami, Nakauchi 2015]. Доказано, что «цвет лица человека выступает в качестве мощного предупредительного сигнала, заставляющего окружающих инстинктивно мгновенно реагировать на переживаемые им сильные эмоции»⁸. Утверждается, что ярко выражена подсознательная реакция на страх, испытываемый другим. Ср. со сценой в «Воспоминаниях» (1810), когда собеседник реагирует в ответ на испуг: *Я, слушая его, так испугалась, что **цвет лица тотчас переменялся** и я молчала. Он спросил, что я в такой **горести*** (А. Лабзина).

Исследования американских ученых показали, что (даже при отсутствии какой-либо активации лицевых мышц) изменения кровотока видны наблюдателям «в виде определенных цветовых узоров на лице, которые затем могут успешно расшифровать эмоцию» [Benitez-Quiroz, Srinivasan, Martinez 2018]. Солидная эмпирическая база позволила создать программу распознавания эмоций по цвету лица, которую университет штата Огайо собирается запатентировать.

товать [Benitez-Quiroz, Srinivasan, Martinez 2018]. Ср.: *Цвет лица его и выражение глаз **менялись** с повелительностью светофора* (А. Алексин).

Важен интерактивный характер этих исследований: в обоих случаях выяснялось, «насколько специфично меняется цвет в зависимости от того, что чувствует человек, и насколько это помогает нам понять, что чувствует другой человек»⁹. Литература русского сентиментализма и классицизма, отличающаяся психологизмом, к этим вопросам обратилась значительно раньше.

Заключение

Современный взгляд на мир вообще и (вследствие этого) на цвет лица меняется. Путешествия, международные контакты, процессы глобализации практически уничтожают экзотическое, а требования политкорректности делают неприличным фиксацию на цвете лица. Эстетическое, с одной стороны, коммерциализируется и технологизируется (показательно появление так называемой «индустрии красоты»). Ср.: *...варила душистые травы (сохраняла цвет лица по особым рецептам)* (А. Тахо-Годи) – *После четырех сеансов фотоомоложения кожа стала более упругой, заметно **улучшился цвет лица**...* («Газовая промышленность», 2004). Природный цвет лица можно *оживить, восстановить, выравнять, освежать, сделать поярче* и т. п. С другой стороны, эстетическая позиция срашивается с диагностической: *красивым* считается сейчас *нормальный, здоровый* цвет лица. Расширяется и цветовая палитра, включающая наряду с бело-розовой гаммой другие оттенки: *фарфоровая, персиковая, оливковая, бронзовая, смуглая*¹⁰.

Таким образом, лицо – это соматический объект, цвет которого выступает как сложный признак, включающий экзотический (этнический), диагностический и эстетический компоненты (первый постоянен, два других изменяемы). Трансформация языковой концептуализации признака «цвета лица» обусловлена социокультур-

⁸ Цвет лица помогает распознавать эмоции / Образ жизни // Здоровье Mail.ru, 23.10.2015. URL: https://health.mail.ru/news/tsvet_litsa_pomogaet_raspoznavat_emotsii_drugih/ (дата обращения 25.01.2022).

⁹ Стасевич К. Эмоции отличаются по цвету лица // Наука и жизнь. 2018. № 3. URL: <https://www.nkj.ru/news/33409/> (дата обращения 25.01.2022).

¹⁰ Оттенки кожи: как определить оттенок кожи и цветовая палитра с названиями. URL: <https://makeup.ru/article/kak-opredelit-svoj-ottenok-kozhi> (дата обращения 25.01.2022).

ными факторами. Позиция наблюдателя репрезентирует акционную модель коммуникации, однако зрительный контакт предшествует и последующей интеракции: изменение цвета лица провоцирует его обсуждение, а это – переход с биологического на психологический уровень восприятия. Перспективы дальнейших исследований связываются с коммуниологическим и иными аспектами.

Литература

- Апресян, Апресян 1993 – *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
- Кадыкова, Крейдлин 2010 – *Кадыкова А.Г., Крейдлин Г.Е.* Части тела в русском языке и в русской культуре: признак «цвет» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2010. № 9. С. 47–64.
- Крейдлин 2017 – *Крейдлин Г.Е.* Семиотическая концептуализация тела и телесности: Признаки соматических объектов и значения признаков // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2017. Т. 17. № 9. С. 128–134.
- Крейдлин, Хесед 2016 – *Крейдлин Г.Е., Хесед Л.А.* Взаимодействие физических признаков телесных объектов и социальных характеристик их обладателей // Вопросы психолингвистики. 2016. № 30. С. 116–128.
- Щерба 2007 – *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 212–251.
- Язык 2020 – Язык и семиотика тела. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов / Отв. ред. Г.Е. Крейдлин. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 672 с.
- Benitez-Quiroz, Srinivasan, Martinez 2018 – *Benitez-Quiroz C., Srinivasan R., Martinez A.* Facial color is an efficient mechanism to visually transmit emotion // PNAS Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. URL: <https://www.pnas.org/content/115/14/3581> (дата обращения 25.01.2022).
- Nakajima, Minami, Nakauchi 2015 – *Nakajima K., Minami T., Nakauchi S.* Effects of facial color on the subliminal processing of fearful faces // Neuroscience. 2015. Vol. 310. P. 472–485. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0306452215008866> (дата обращения 25.01.2022).

References

- Apresyan, V.Yu. and Apresyan, Yu.D. (1993), “Metaphor in the semantic representation of emotions”, *Voprosy yazykoznaviya*, no. 3, pp. 27–35.
- Kadykova, A.G. and Kreidlin, G.E. (2010), “Body parts in the Russian language and in Russian culture: the ‘color’ sign”, *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, vol. 52, no. 9, pp. 47–64.

- Kreidlin, G.E. (2017), "Semiotic conceptualization of the body and the body: signs of somatic objects and values of signs", *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*, vol. 17, no. 9, pp. 128–134.
- Kreidlin, G.E. and Khased, L.A. (2016), "The correspondence between physical features of the somatic objects and social characteristics of their own", *Journal of Psycholinguistics*, no. 30, pp. 116–128.
- Kreidlin, G.E. (ed.) (2020), *Yazyk i semiotika tela, tom 1: Telo i telesnost' v estestvennom yazyke i yazyke zhestov* [Language and semiotics of the body, vol. 1: Body and corporality in the natural language and sign language], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Nakajima, K., Minami, T. and Nakauchi, S. (2015), *Effects of facial color on the subliminal processing of fearful faces Neuroscience*, vol. 310, pp. 472–485, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0306452215008866> (Accessed 25 Jan. 2022).
- Scherba, L.V. (2007), "An experience of the general theory of lexicography", in Scherba, L.V., *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on Russian language], Aspect Press, Moscow, Russia, pp. 212–251.
- Benitez-Quiroz, C., Srinivasan, R. and Martinez, A. (2018), "Facial color is an efficient mechanism to visually transmit emotion", in *PNAS Proceedings of the National Academy of Sciences*, available at: <https://www.pnas.org/content/115/14/3581> (Accessed 25 Jan. 2022).

Информация об авторе

Ирина В. Высоцкая, доктор филологических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия; Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1; i.vysotskaia@g.nsu.ru

Information about the author

Irina V. Vysotskaya, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova St., Novosibirsk, Russia, 630090; i.vysotskaia@g.nsu.ru

Таароф в иранском речевом этикете

Фатэмэ Ахмади Бэни

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ahmadi.f@ut.ac.ir*

Аннотация. Статья посвящена проблемам соотношения моделей этикетного поведения в иранской и русской коммуникативных культурах. Наибольшее внимание в статье уделяется таарофу – системе этикетного поведения в персидской культуре. Таароф играет принципиально важную роль в жизни современного иранского общества и в коммуникативном взаимодействии иранцев с иностранцами. В статье рассматриваются основные постулаты теории вежливости и проблемы национальной специфики речевого этикета в персидской культуре. Важным моментом для персидской культуры является понятие церемонности, ритуализованного поведения в бытовом общении. Указывается, что ритуализованное общение было и в патриархальном русском обществе, однако современный русский бытовой этикет во многом утратил черты церемониала, стал менее формальным. В статье на основе анализа реальных бытовых разговоров носителей персидской культуры выявляются важные характеристики церемониальности бытового общения в Иране. Рассматриваются две ситуации неожиданной встречи и связанное с этим приглашение в гости. Анализируются стереотипные формулы приглашения и отказа, многие из которых идеоматичны и образны. Анализируется прагматический характер собранных этикетных формул Таарофа для составления русско-иранского словаря речевого этикета.

Ключевые слова: таароф, иранская культура, теория вежливости, речевой этикет, персидский этикет

Для цитирования: Ахмади Бэни Ф. Таароф в иранском речевом этикете // Вестник Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 2. С. 299–316. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-299-316

Taarof in Iranian speech etiquette

Fatameh Ahmadi Beni

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ahmadi.f@ut.ac.ir*

Abstract. The article is devoted to the problems of correlation between models of etiquette behavior in Iranian and Russian communicative cultures. We focus on the attention in the article is paid to taarof – the system of etiquette behavior in Persian culture. Taarof plays a fundamentally important role in the life of modern Iranian society and in the communicative interaction of Iranians with foreigners. The article deals with the main postulates of the theory of politeness and the problems of national specifics of speech etiquette in Persian culture. The crucial point for Persian culture is the concept of ceremony, ritualized behavior in everyday communication. Ritualized communication also existed in the patriarchal Russian society, however, modern Russian everyday etiquette has largely lost the features of ceremonial and has become less formal. In the article, we analyze real everyday conversations of Persian culture. We list important characteristics of the ceremonial nature of everyday communication in Iran. There are two situations of an unexpected meeting and a related invitation to visit to be considered. What we are interested in is the stereotypical invitation and refusal formulas, which are idiomatic and figurative. We plan to describe the pragmatic nature of the etiquette formulas of Taarof and to compile the Russian-Iranian dictionary of speech etiquette in future.

Keywords: taarof, Iranian culture, politeness theory, speech etiquette, Persian etiquette

For citation: Ahmadi Beni, F. (2022), “Taarof in Iranian speech etiquette”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, part 2, pp. 299–316, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-299-316

Этикетное поведение как реализация принципов вежливости необходимо для успешного бесконфликтного взаимодействия коммуникантов. Основным принципом вежливости можно считать передаваемое в речи преувеличение важности собеседника и преуменьшение важности говорящего лица. В теории вежливости Р. Лакофф (1973 г.) вежливость реализуется в трех стратегиях: не навязывая свое мнение; предоставляя собеседнику право выбора; делай так, чтобы собеседнику было хорошо: будь дружелюбен. Дж. Лич анализирует базовые принципы вежливости более подробно в книге «Принципы прагматики» (1983). Автор рассмат-

ривает вежливость как совокупность максим такта, великодушия, симпатии, согласия, одобрения и скромности [Leech 1983].

1. Максима такта, которая требует обращать внимание на границы личной сферы и сохранять дистанцию между коммуникантами (не задавать вопросы о семейном положении, зарплате и т. д.). Молчание является одним из способов проявления тактичности.

2. Максима великодушия, которая требует уменьшения собственной выгоды, увеличения выгоды других. По мнению Н.И. Формановской, этикетные стереотипы типа *Будьте добры!*, *Будьте великодушны* и др. возникли из потребности в великодушии [Формановская 2007].

3. Максима одобрения, которая требует позитивно оценивать других, не осуждать их (умение слушать других, понимать их).

4. Максима скромности, которая требует неосуществления похвал в собственный адрес: меньше хвалите себя, больше порицайте себя. Этот принцип ярко отмечается, в частности, в персидской поведенческой и речевой культуре. Иранцы в повседневном общении не навязывают своего мнения, даже если они не согласны с собеседником.

5. Максима согласия, которая требует уменьшения разногласий, увеличения согласия между собеседниками (поиск согласия, получение продуктивного завершения).

6. Максима симпатии, которая требует уменьшения антипатии, увеличения симпатии между говорящим и собеседником (рекомендует благожелательность).

Несколько с иных позиций теория вежливости рассматривается в исследовании Пенелопы Браун и Стивена Левинсона [Brown, Levinson 1987]. В данной теории вводится понятие «лица» (face) в двух его разновидностях: «позитивное» лицо и «негативное» лицо. Понятие «негативное лицо» связано с так называемой формальной вежливостью, пафос которой состоит в стремлении удерживать дистанцию между участниками коммуникации. Вводится понятие акта, угрожающего лицу (Face Threatening Act FTA). «Негативная» вежливость заключается либо в избегании речевых актов, которые угрожали бы территории адресата (приказ, критика, «нескромные» вопросы, просьбы), либо в их смягчении, а в том случае, если «угрожающий акт» уже произведен, его исправлении (например, при помощи извинения).

«Позитивное лицо» – это достойный, положительный образ, на который претендуют коммуниканты в ходе речевого взаимодействия. «Позитивная» вежливость предполагает желание возвысить позитивный облик адресата, всячески проявляя интерес и симпатию к собеседнику, стремясь к взаимопониманию и согласию.

«Негативное лицо» рассматривается как некая личная территория коммуниканта.

Э. Гоффман заимствовал его из этологии, где территория означает пространство, которое животное выбирает для себя и к которому не допускает своих собратьев. В терминологии П. Браун и С. Левинсона «негативное лицо» обозначает личное пространство говорящего, его время, «оболочку» (тело и одежду), имущество, а также информационное пространство как совокупность чувств, мыслей, знаний, которыми обладает индивид [Кастлер 2004]. Согласно концепции П. Браун и С. Левинсона, любой речевой акт может в той или иной степени угрожать «позитивному лицу», причем как адресату, так и говорящему. В качестве угрозы адресату речи могут выступать «нескромные вопросы», «директивные» речевые акты, такие как приказ, запрет, а также просьбы и даже непрошенные советы. Позитивному лицу адресата могут также «угрожать» критика, упреки, насмешки, сарказм, оскорбление. Угрозой позитивному лицу говорящего, понижающему его уровень, считается самокритика, признания или извинения [Ратмайр 2003].

Таким образом, функция «негативной вежливости» – минимализация агрессии в общении, сохранение свободы в поступках, соблюдение «личной зоны» или «зоны комфорта» каждого участника коммуникации, то есть должной дистанции между ними. Для снижения подобной «угрозы» в культуре выработан целый ряд вербальных и невербальных стратегий. К таковым относятся косвенность при выражении просьб, эвфимизация и другие способы ухода от обсуждения неприятных тем. По мнению И.А. Шаронова [Шаронов 2003], при просьбах и других «навязывающих» актах от просящего требуется хотя бы формальная готовность получить отказ, поэтому императив заменяется вопросом о возможности либо тем или иным намеком вместо прямого побуждения.

Многие исследователи сходятся во мнении, что в западных культурах предпочтение отдается негативной вежливости [Ратмайр 2003]. Западные люди гораздо больше, чем, например, русские, заботятся о защите территории, причем как своей, так и чужой. Особенно это касается защиты личного пространства и личного времени. Европейскую вежливость обобщенно можно представить как «я уважаю твой мир, твое мнение, я очень осторожен». Поэтому спонтанные визиты без приглашения (как это еще случается у русских – «забежать на огонек») в западных обществах, например во Франции, крайне редки, а звонки по телефону сводятся к минимуму [Кастлер 2004].

Позитивная вежливость в теории Браун и Левинсона занимает более низкую ступень, чем негативная, что вполне объяснимо,

поскольку акцент в этой теории сделан на понятии ФТА, а речевые акты рассматриваются с позиции потенциальной угрозы. Поэтому вежливость, в первую очередь, рассматривается как деятельность, которая предотвращает угрожающие акты или их «сглаживает», если они уже совершены.

Катрин Кербрат-Ореккиони [Kerbrat-Orecchioni 2001, p. 74] с большим энтузиазмом внедрила теорию П. Браун – С. Левинсона во французскую лингвистику, назвав ее тем не менее пессимистической и «редуцированной» концепцией. Данная корректировка теории Браун и Левинсона облегчает анализ коммуникативного профиля тех культур, которые стремятся именно к возвышению адресата, и это касается, в частности, русского коммуникативного стиля. Так, в неформальном речевом поведении русских, особенно в ситуациях дружеского общения, преобладает позитивная вежливость. По опыту Л. Кастлер [Кастлер 2004], русские по сравнению с французами гораздо чаще говорят друг другу комплименты. В конце обеда всегда говорят «спасибо», что у французов, в целом, не принято (при том, что французы довольно часто благодарят в других ситуациях). У русских сохраняются элементы старинного обычая потчевания гостей: «Давайте я вам еще положу салатика», «Почему вы ничего не кушаете?», принято посылать «гостинцы» детям. Таким образом, позитивная вежливость в итоге одерживает верх над негативной. По мнению автора статьи, концепция вежливости Браун и Левинсона хотя и претендует на универсальность, далеко не идеальна как модель человеческого общения.

В персидской культуре доминирует скорее позитивная вежливость, даже больше, чем в русской. Позитивная вежливость позволяет активно вторгаться в личную зону: мы позволяем себе без предварительных просьб со стороны адресата помогать ему, советовать, обсуждать его личную жизнь и т. д.

Как известно, в основе речевого этикета как функциональной системы языковых единиц лежит и функция выражения мысли, передачи информации (когнитивная функция), и функция общения (коммуникативная). Основываясь на коммуникативной функции языка, Н.И. Формановская выделяет специализированные функции речевого этикета, а именно: контактоустанавливающую, регулирующую, эмоционально-модальную функции и функцию ориентации на адресата [Формановская 1982]. Автор при этом отмечает, что при рассмотрении функций речевого этикета важно разобраться в том, какое место речевой этикет занимает в общении, какую роль он играет в речевом общении и как он включается в общий контекст коммуникации общающихся. В связи с этим в поле зрения многих исследователей попадают так

называемые устойчивые формулы речевого общения в различных ситуациях, таких как: прощание, приветствие, извинение, обращение, просьба и другие.

Н.И. Формановская пишет, что выбор выражений речевого этикета обуславливается, в зависимости от конкретной речи этикетной ситуации, достаточно широким спектром нейтральных, стилистически сниженных или повышенных выражений. В каждой ситуации сложилась тематическая (и коммуникативно-семантическая) группа функциональных эквивалентов, из которых говорящий, с учетом приведенных ниже аспектов, делает выбор, основываясь на:

- а) присущих говорящему психологических и интеллектуальных особенностях;
- б) возрасте, поле, положении и роли адресата;
- в) статусе, обуславливающим официальное или неофициальное общение;
- г) степени важности события.

Все перечисленные факторы универсальны и активно влияют на неречевое и речевое поведение коммуникантов и выбор языковых средств при речевом взаимодействии. Однако в различных культурах данные принципы имеют свою национальную специфику. В частности можно говорить о разной степени обязательности того или иного принципа вежливости и степени церемонности коммуникации.

Этикетное взаимодействие реализуется в речевом и неречевом этикете и представлено в конкретных коммуникативных ситуациях – в ситуациях встречи, прощания, просьбы, приглашения и т. д., каждая такая ситуация отражается на социально-ролевой структуре коммуникантов. Социально-ролевая структура учитывает пол, возраст и социальную иерархию собеседников. Особую роль играют формулы речевого этикета. Они имеют разную степень десемантизации и важны как прагматические маркеры, как фиксированные элементы речевого взаимодействия.

Принципы вежливого поведения в Иране воплощаются в Таарофе – системе этикетного поведения в персидской культуре. Слово «таароф» восходит к заимствованному в персидский язык арабскому «арафа» – знать, получать знания [Најіан 2007] (ср. с этимологией слова «вежливость» в русском языке, его связи со словом *ведать*, устаревшему синониму современного слова *знать*). Таароф, слово арабского происхождения, буквально означает: «знать друг друга» (Падшах 1927), а также [Нафиси 1931].

Слово «таароф» в персидских словарях, в том числе Деххода, Незама и в словаре персидского языка, описывается разными определениями:

Таароф – знание друг друга; акт дарения подарка; приветствие; приглашение кого-либо на вечеринку или получение чего-либо (например, в предложении: Я много настаивал (несколько раз говорил), но он отказался пообедать) (Dai al-Islam 1985); Таароф – акт дарения (Мошири 1992); Таароф в современном употреблении – выражение почтения при встрече и после приветствия. Знакомство друг с другом. Дарение подарков. В качестве примера таарофа автор указывает на отказ от приглашения или предложения из-за смущения, отказ от угощения, предложения собеседнику сесть, пройти первым и т. д. [Dehkhoda 1963].

Таароф как одна из отличительных черт иранской культуры находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Одни ученые рассматривали таароф с исторической точки зрения, другие исследовали его с лингвистической точки зрения [Soren 2016]. Французский купец XVII века Жан-Батист Тавернье в своих заметках об Иране упоминает таароф. Автор использует слово «таароф» в разных его значениях и разных ситуациях. То он использует слово «таароф» в общем значении вежливости, то называет таарофом акт приглашения, а во времена Этемад ад-Даула называет таарофами подарки. Иногда финансовые таарофы в значении подарков «снизу-вверх» принимают форму подкупа. Тавернье, приехавший в Иран в XVII в. во время правления шаха Сефи, шаха Аббаса II и шаха Сулеймана Сефевидского, рассказывает о молодом человеке, который мечтал стать шерифом, но все его богатство ушло на подкупы [Tavernie 1984, p. 280]. О комплиментах также сообщалось как о подарке «снизу-вверх» с целью приобрести расположение вышестоящих лиц.

По мнению одних исследователей, именно арабское господство в Иране создало дух преувеличенной вежливости таарофа в персидской культуре. Другие исследователи, такие как У. Биман, прослеживают корни таарофа в суфийских обрядах и видят в них акцент на внешней форме поведения, стремление показать себя хорошим человеком [Veeman 2002, p. 378]. В некоторых исследованиях таароф в целом рассматривался как результат литературной традиции, что особенно заметно в текстах иранских хвалебных речей [Izadi 2018, p. 70].

Таароф как система этикетных правил, стратегий и этикетных форм в основном является результатом жизни иранцев в тени имперских и авторитарных режимов на протяжении нескольких тысячелетий; люди в такого рода закрытых государственных системах не могли свободно выражать свое мнение и должны были всегда приспосабливать свои слова и дела к желаниям власти и имущих.

Широкий спектр значений слова «таароф» в персидском языке указывает на необычайную сложность его использования. Для нас важно, что таарофами называют высказывания, реплики диалогической речи, основанные на некоторых тактиках вежливости. У. Биман [Beeman 2002, p. 378] пишет, что языковые средства, используемые в таарофах, должны иметь как минимум три характеристики:

1. Они должны содержать элементы, повышающие статус других.
2. Они должны содержать элементы для понижения статуса говорящего.

3. Они должны иметь изменчивую структуру, позволяющую одновременное использование двух вышеуказанных категорий элементов для всех сторон, участвующих во взаимодействии, без какого-либо логического противоречия.

К таким языковым средствам относится комплекс языковых средств и мер, позволяющих в таарофах достигать желаемых социальных целей и задач. Все стороны, участвующие во взаимодействии, должны уметь применять друг к другу процедуры таарофов.

К таарофам в первую очередь относятся речевые формулы этикета, или этикетные формулы. Мы в дальнейшем будем использовать таароф (ед. ч.) как систему выражения вежливости и таарофы (мн. ч) для указания на этикетные действия и этикетные формулы.

В одну из наших задач входит использование таарофов в иранской культуре и социальных обычаях через исследование записей повседневных бытовых разговоров. С точки зрения человека, не знакомого с персидской культурой, «таарофная» коммуникация может показаться «вербальным танцем» (Beeman 2002], построенным по определенным принципам и наполненным стереотипными этикетными формулами [Kadar 2013]. В этом смысле таароф – это своего рода художественное, детализированное, а иногда и поэтическое использование языка, которое следует исследовать с прагматической точки зрения.

Ш. Алирезаей делит коммуникативные формы таарофа на три базовых разряда: речевые формы, поведенческие формы и письменные формы вежливости. Приведем примеры для каждого разряда с учетом возрастной, гендерной и социальной структуры коммуникативной ситуации [Alirezaei 2008, p. 54].

Речевые формы таарофа

К этому разряду относятся все этикетные средства языка, которые используются в повседневных разговорах и общении людей. Например, коммуникативная ситуация при входе в помещение.

Мужчина – мужчина, женщина – женщина.

Младший должен сказать старшему: *Вы входите первым, пожалуйста* (اول شما بفرمایید).. Старший в ответ слегка кланяется в знак благодарности и входит первым. Существует и особая этикетная формула, которую может использовать младший: *Сказали старший, сказали младший* (بزرگی گفتند، کوچیکی گفتند). Эта фраза также означает, что старший человек должен войти первым.

Мужчина – женщина.

Решающее значение имеет возраст: это означает, что старший должен войти первым. Однако в современном Иране под влиянием западной культуры может использоваться также фраза «леди – первая», предоставляющая женщине право пройти первой.

Начальник – подчиненный.

В этой ситуации первым проходит начальник. Подчиненный говорит начальнику: *Пожалуйста!* (بفرمایید).

Поведенческие формы таарофа

Данный разряд включает в себя этикетные невербальные действия, связанные в основном с жестами и мимикой человека. Например, когда иранцы видят человека издалека, в знак приветствия и уважения кладут ладонь правой руки на свою грудь и слегка кланяются. При входе в помещение тот, кто пропускает второго вперед, кладет одну руку на талию этого человека, а другой рукой указывает направление движения. Этот жест, являющийся своего рода невербальным таарофом, означает приглашение войти первым и проявление уважения к другой стороне. Следует отметить, что существуют некоторые ограничения взаимодействия мужчин и женщин. Мужчина, если он не муж и не близкий родственник, не может подать руку женщине, вообще касаться ее. Это ограничение уходит своими корнями в ислам.

Формы таарофа в письменных текстах

Этот тип форм таарофа можно наблюдать, например, в объявлениях с поздравлениями и соболезнованиями в газетах и журналах, а также в других официальных текстах. Официальные письма всегда начинаются с оборота: «Во имя Всевышнего!» (بسمه تعالی). Ниже

справа указывается должность получателя, используется слово *господин или госпожа такой/ая-то*. Текст письма начинается с обращения к адресату... *سرکار آقای/جناب آگاه*е/саркар ханоме... которые можно приблизительно перевести как *уважаемый(ая)* или *глубокоуважаемый(ая)*.

Таароф как модель этикетного поведения активно реализуется в таких ситуациях, как приглашение, предложение, комплимент, похвала и ряде других. Детально разработанными в системе таароф являются акты отказа от приглашений и предложений. А. Изади особо отмечает, что в случае несоблюдения того или иного правила таарофа возможна задержка в реализации делового соглашения, получения денежной суммы. Другими словами, роль межличностных отношений может иметь преимущество над коммерческими [Izadi 2018, p. 70].

Можно утверждать, что важное свойство таарофа – его церемониальный характер. Церемониал – необходимый и очень важный элемент в процессе функционирования государства и общества. Истоки церемониала кроются в религиозных обрядах, церемониалу свойственна упорядоченность, строгость, торжественность действий. Церемонность как форма бытового взаимодействия сильно сдала позиции в западных культурах, включая русскую культуру, чего нельзя сказать о таарофе.

Черты церемониальности в современном русском бытовом поведении можно обнаружить в основном в особых торжественных случаях, таких как свадьба, новоселье, юбилей и т. д., т. е. церемониальность в быту имеет ограниченную область применения. Церемониал и его производное – прилагательное *церемониальный* ассоциируется прежде всего со значимостью, священностью государства и его институтов. Так, церемониал присяги президента, воинские церемониалы сохраняют торжественную, сложную, ритуализованную форму, они необходимы для нормального существования государственных институтов. Крестьянское церемониальное поведение в России, включающее ритуализованные модели поведения при встрече и прощании, проводах мужа, приеме гостей, сватовстве, похоронах и т. д., в основном утратило свое значение в связи с резкой урбанизацией в середине XX в. [Шаронов 2003].

Современное персидское поведение имеет некоторые черты сходства с традиционным русским крестьянским этикетом. В Иране таарофы не ограничиваются особыми ситуациями, включены во все повседневные действия. Не будет преувеличением сказать, что все повседневное общение в Иране основано на таарофе. Так, при встрече двух людей церемониальная задача первого человека – пригласить его в гости, оказывать гостеприимство. У второго чело-

века есть две задачи: суметь отказаться и при этом не обидеть; и это взаимодействие порождает особый церемониал встречи. Во всех такого рода этикетных ситуациях для каждого из коммуникантов есть стереотипные формулы, которые они используют, участвуя тем самым в своеобразном ритуальном «танце».

Настоящее исследование ставит задачей проанализировать бытовое этикетное поведение современных носителей персидского языка, выявить модели поведения и используемые этикетные формулы. Исследование проводится на материале реальных разговоров носителей персидского языка. В основу исследования вошли 12 часов записей общения на улице, вечеринках, в общежитии и университете, собранных в 2021 г., между мужчинами и женщинами в возрасте от 20 до 50 лет. В данной статье анализируется лишь часть записанного материала, тематически связанного с приглашением в гости. В тексте дополнительно к передаче речи собеседников дается информация о паузах и наложениях речи.

Мы проанализируем в статье две ситуации: 1) неожиданный приход к соседу без приглашения, (вполне нормальный с точки зрения персидской культуры, что характеризует ее с позиции доминанты «позитивного лица»); 2) случайная встреча. В обеих ситуациях задача хозяина – уговорить соседа стать гостем, а задача соседа – отказаться, не обидев. Мы, во-первых, рассмотрим, как решаются эти задачи, а во-вторых, проанализируем особые этикетные формулы, которые сопровождают церемониал приглашения в гости. Эти формулы идиоматичны, их смысл в основном не выводим из лексического состава реплик.

Знаки транскрипции:

(...) Пауза,] Наложение, (()) Указание на жестовое сопровождение речи,

↓↑ Внезапное увеличение или уменьшение громкости речи.

Анализ первого диалога

1. میزبان: بمون، شام در خدمت باشم. =
2. مهمان: ممن[ون
3. میزبان: [زود آماده میشه
4. مهمان: باید برم [دیگ:ه دیره
5. میزبان: [خب حالا، چند لقمه بخور بعد برو =
6. مهمان: ممنون. کاری ندارم؟ ((بلند میشود و دستش را جلو می آورد))

7. میزبان: ((بلند نمیشود و از دست دادن امتناع میکند)) تعارف می[کنی]؟
 8. مهمان: [نه بخدا
 9. میزبان: ((بلند میشود و دست میدهد)) خوشحال میشدیم شام اینجا میموندی.
 10. مهمان: ممنون، لطف داری.

Перевод:

1. Хозяйка: Останься, я подам тебе ужин, буду на службе.
2. Гость: Спа[сибо. Делает отмашку рукой, знак отказа.
3. Хозяйка: [Скоро будет готов.
4. Гость: Спасибо, я должна идти [уже поздно.
5. Хозяйка: Ну вот. Съешь несколько кусочков, а потом иди.
6. Гость: Спасибо. У тебя ведь нет ко мне какого-то дела? (она встает и протягивает руку для рукопожатия)
7. Хозяйка: (не встает и отказывается пожать руку). Это ты из вежливости отказываешься?
8. Гость: [Нет, клянусь Богом
9. Хозяйка: (встает и подает руку) Мы были бы рады, если бы ты осталась здесь на ужин.
10. Гость: Спасибо, я очень признательна, что вы так любезны.

Рассматриваемый диалог можно считать классическим примером персидского этикетного поведения. Гостья – 35-летняя женщина из соседнего дома, которая зашла без предупреждения на минутку поприветствовать хозяев. (Без предварительного звонка пришла – в Иране такое поведение считается вполне нормальным.) Через полчаса гостья говорит, что ей пора уйти. Церемониал прощания включает в себя трехкратное приглашение остаться и трехкратный отказ (с некоторыми возможными вариациями). Речевые тактики и фразы, используемые в этом общении, отражают своего рода общепринятый и привычный ритуал, реализованный для выражения учтивости.

Рассмотрим представленный диалог более детально.

Хозяйка начинает церемониал принятия гостя фразой *در خدمت باشم* (1 – *Останься, я подам тебе ужин, буду на службе*). Эта фраза имеет характер как настоящего приглашения, так и просто знака церемониальной вежливости. Использование глагола в единственном числе «останься» указывает на близкие отношения между хозяйкой и гостьей. Вежливый отказ гостя (2 – *Спа[сибо*) соответствует церемониалу. Такой отказ гостьи указывает на возможность его интерпретации как дани вежливости. Поэтому хозяйка выражает свое приглашение по-другому (3 – *Ужин [Скоро*

будет готов). Настойчивость хозяйки соответствует вежливому церемониалу, в соответствии с которым одного приглашения в ситуации приема гостя недостаточно. Ответ гостя на эту настойчивость (4) состоит из благодарности (*Спасибо!*), указания на невозможность принять приглашение (*Я должна идти*) и констатации причины (*уже поздно*), что снимает ответственность с говорящего, освобождает отказ от интерпретации нежелания, которое нанесло бы ущерб отношениям двух соседей. Следующий шаг церемониала (5 – *ну вот*) указывает на огорчение хозяйки, и далее следует просьба отведать что-то от ее ужина (*съешь несколько кусочков, а потом иди*). В ответ (6) гостя снова благодарит и произносит фразу (*У тебя ведь нет ко мне какого-то дела?*), которая традиционно используется, как начало прощания в Иране. Гостя также протягивает руку вперед, указывая на свое намерение уйти, и это скрытое предложение закончить церемониал приглашения в гости. Однако настойчивость хозяйки продолжается. Хозяйка не встает и ставит вопрос «ребром», чтобы убедиться, что отказ гостя не из вежливости, а настоящий. Вопрос хозяйки (7 – *Ты из вежливости отказываешься?*) – это стереотипная фраза, используемая во многих случаях этикетной коммуникации иранцев. Гостя клянется Богом (8), что ее отказ остаться на ужин серьезен. Клясться Богом у иранцев принято для акцентирования искренности высказывания. Заключительные замечания хозяйки (9) означают ее удовлетворение тем, как прошла беседа. Она начинает заключительную часть церемониала «приглашение в гости» со слов (9) – *Мы были бы рады*. Использование местоимения во множественном числе в этой фразе указывает на примирение хозяйки с отказом гостя. Гостя выбирает фразу (*Вы любезны*), используя местоимение во множественном числе как знак вежливости.

Анализ второго диалога

Вежливый разговор двух мужчин. Приглашение в гости при случайной встрече.

1. محمد: بفرمایید بریم منزل در خدمت باشیم. به کلبه [درویشی داریم]
2. اشکان: [شما لطف دارید، خونه ی [امید ماست.]
3. محمد: ↑ بفرمایید تعارف نکنید
4. اشکان: خیلی ممنونم، زنده باشید ایشالا [خدمت میرسیم]
5. محمد: ↓ [خواهش میکنم]

1. Мохаммад: Пошли домой, буду на службе, пожалуйста. У нас есть [дервишская хижина].
2. Ашкан: [Ты добрый, ваш дом [дом нашей надежды].
3. Мухаммад: ↑ Пожалуйста, не делайте таарофа.
4. Ашкан: Большое спасибо, будьте живы. Дай бог [будем.
5. Мухаммад: ↓ [Пожалуйста].

Коммуникация происходит между двумя взрослыми мужчинами, одному 40 лет, а другому 50 лет. Мохаммад и Ашкан — два неблизких знакомых, которые случайно встретились на улице и следуют обычаю таарофа при встрече. Следуя церемониалу встречи, один из них (скорее младший) должен пригласить другого в гости.

В первой фразе есть важная этикетная формула, указывающая на готовность услужить гостю (1 — *буду на службе*). Важным средством таарофа при приглашении в дом является также преуменьшение его наименования до хижины дервишей. Фразу *У нас есть [дервишская хижина]* следует трактовать как конкретное приглашение в гости. Реакция собеседника — комплимент приглашающему и его дому (2 — *ты добрый, твой дом — наш дом надежды*) — передает восприятие приглашения просто как дань вежливости и равносителен отказу. Мухаммед, понимая, что отказ может быть обусловлен нормами таарофа, в котором однократного приглашения недостаточно, просит отбросить условности, тем самым продолжая настаивать на приглашении (3 — *Пожалуйста, не делайте таарофа*). Ашкан снова отклоняет приглашение, используя традиционную этикетную формулу благодарности (4 — *будьте живы*), и, следуя этикету, дает обещание принять приглашение в другой раз (*Дай бог, будем*). Мохаммад заканчивает церемониал ответом (*пожалуйста*), понизив тон голоса, который означает завершение разговора.

Следует отметить, что в персидской культуре диалоги успешны только при соблюдении описанного порядка. Как видно из собранного списка этикетных формул, одни из них имеют прямое, другие — метафорическое значение. Однако и те и другие имеют четкое прагматическое значение, они используются в конкретных позициях церемониала этикетной ситуации.

В следующей таблице перечислены некоторые из наиболее часто используемых формул в ситуации приглашения из предложенных вниманию диалогов.

Выражения речевого этикета	Комментарии
<i>Прошу! , Прошу вас!</i> خواهش میکنم! استدعا دارم	Ситуативно обусловленное приглашение войти, сесть, взять что-л. и т. д.
<i>(Я) приглашаю вас (тебя) ...</i> (من شما (تو) را دعوت میکنم) <i>(Я) хочу пригласить вас (тебя) ...</i> (من میخواهم شما (تو) را دعوت کنم)	Приглашение в гости
<i>Пожалуйста!</i> بفرمایید! <i>Входите первым, пожалуйста!</i> اول شما بفرمایید! <i>Сказали старший, сказали младший.</i> بزرگی گفتند، کوچکی گفتند.	Приглашение войти. Одной рукой указывая на дверь, а другую руку кладя на спину другого человека. Ответная реплика младшего: Отказ от предложения войти первым
<i>Буду на службе!</i> در خدمت باشم!	Этикетная формула готовности выполнять функции гостеприимного хозяина при приглашении
<i>У нас есть дервишская хижина.</i> یک خانه ی درویشی داریم. <i>Ваш дом – дом нашей надежды.</i> خانه ی شما - خانه ی امید ماست.	Приглашение домой, ритуальное приращение своего дома, уничижительное наименование своего дома Ответная реплика – возвышение дома приглашающего (чаще всего при отказе от приглашения в дом)
<i>Пожалуйста, не делайте таарофа.</i> لطفا، تعارف نکنید. <i>Нет, клянусь Богом!</i> بخدا قسم!	Ритуальная форма проверки искренности отказа Сильная клятва, указывающая на искренность говорящего
<i>У тебя ведь нет ко мне какого-то дела?</i> □ کاری نداری	Уточняющий вопрос гостя при отказе от настойчивого приглашения гостеприимного хозяина
<i>Будьте живы!</i> زنده باشید!	Формула благодарности и пожелания при прощании
<i>Дай бог, будем!</i> انشالله، خدمت میرسیم!	Обещание прийти в другой раз

Заклучение

В статье рассмотрены основные принципы вежливости и их национальная специфика, проявляющаяся в этикетном поведении и этикетных формулах. Главная задача в этикетном взаимодействии – сохранить «лицо» собеседника (уважение к собеседнику, осторожность по отношению к собеседнику и к его личному пространству). В России и Иране более распространена «позитивная вежливость», отчасти снимающая неприступность личной зоны, дающая возможность активно вторгаться в нее с предложениями помощи, советов и т. д.). Однако принципы Таарофа значительно более церемонны, строго регламентированы и проявляются во всех повседневных взаимодействиях иранцев, что очевидно выделяет иранский этикет на фоне русского и европейского этикета. Многие этикетные формулы Таарофа идиоматичны, не переводимы дословно и не имеют эквивалентов в русском языке. Для теории межкультурной коммуникации детальное исследование Таарофа имеет большое значение. Неносителю персидской культуры очень важно знать эти культурные, языковые и поведенческие различия, чтобы, находясь в персидском социуме, общаться полезно и эффективно. Это же касается иранских студентов, приезжающих в Россию или в западные страны, в которых модель речевого этикета, несмотря на схожесть общих принципов вежливости, устроена несколько иначе.

Источники

- Dai al-Islam, 1985 – *Dai al-Islam*, S.M. Farhange Nezam [Nezam dictionary]. Tehran: Danesh, 1985. 724 p.
- Dehkhoda 1963 – *Dehkhoda* A.A. Dictionary of Dehkhoda Tehran: Tehran University Publications, 1963. 751 p.
- Moshiri 1992 – *Moshiri* M. Farhang Persian [Persian Dictionary]. Tehran: Soroush, 1992. 627 p.
- Nafisi 1931 – *Nafisi* A.A. Farhang Nafisi [Nafisi Dictionary]. Tehran: Khayyam, 1931. 652 p.
- Padshah 1927 – *Padshah* M. Anandraj: A Comprehensive Persian Dictionary, Tehran: Khayyam, 1927. 456 p.

Литература

- Формановская 1982 – *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. 126 с.

- Формановская 2007 – *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
- Шаронов 2003 – *Шаронов И.А.* Столкновение этикетных норм: церемонность и простота в общении // Московский лингвистический журнал. Т. 7. № 2. 2003. С. 151–175.
- Alirezaei 2008 – *Alirezaei Sh.* Taarof in Iranian culture: master's thesis. Terepan, 2008. 108 p.
- Beeman 2002 – *Beeman W.* Tongue. Dignity and power in Iran. Translated by Reza Moghadam Kia. Tehran: Nei. 2002. 378 p.
- Brown, Levinson 1987 – *Brown P., Levinson S.* Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Hajian 2007 – *Hajian M.* Etiquette of communication. Hamedan: Hani, 2007. 25 p.
- Izadi 2018 – *Izadi A.* Exploring Iranian compliments // Journal of Linguistic Research 2018. No. 2. С. 67–82.
- Kadar 2013 – *Kadar D.Zh.* Relational rituals and communication: ritual interaction in groups. Tehran: Khayyam. 2013. 109 p.
- Кастлер 2004 – *Кастлер Л.* Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия // Агрессия в языке и речи: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004. С. 9–19.
- Kerbrat-Orecchioni 2001 – *Kerbrat-Orecchioni C.* Speech acts in speech. Theory and functions. Paris: Nathan, 2001. 200 p.
- Leech 1983 – *Leech G.* Principles of Pragmatics, London, N.Y.: Longman, 1983. 250 p.
- Ратмайр 2003 – *Ратмайр Р.* Прагматика извинения. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
- Soren 2016 – *Soren F.* Courtesy and compliments in Iran // Journal of Iranian Studies. 2016. No. 1. P. 105–124.
- Tavernie 1984 – *Tavernie J.B.* Travelogue of Tavernier. Tehran: Sanai Library, 1984. 386 p.

References

- Alirezaei, Sh. (2008), *Taarof in Iranian culture*: master's thesis, Tehran Center University, Tehran.
- Beeman, W. (2002), *Tongue. Dignity and power in Iran*, Ney Publication, Tehran, Iran.
- Brown, P. and Levinson, S. (1987), *Politeness: some universals in language usage*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Formanovskaya, N.I. (1982), *Russkii rechevoi etiket: lingvisticheskii i metodicheskii aspekty* [Russian speech etiquette. Linguistic and methodological aspects], Russkii yazyk, Moscow, Russia.
- Formanovskaya, N.I. (2007), *Rechevoye vzaimodeistviye: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics], IKAR, Moscow, Russia.
- Hajiah, M. (2007), *Etiquette of communication*, Hani, Hamedan, Iran.

- Izadi, A. (2018), "Exploring Iranian compliments", *Journal of Linguistic Research*, no. 2, pp. 67–82.
- Kadar, D.Z. (2013), *Relational rituals and communication: ritual interaction in groups*, Khiam, Tehran, Iran.
- Kastler, L. (2004), "Negative and positive politeness: different strategies of speech interaction", in Sharonov, I.A. (ed.), *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in language and speech], RGGU, Moscow, Russia.
- Kerbrat-Orecchioni, C. (2001), *Speech acts in discourse. Theory and operation*, Nathan, Paris, France.
- Leech, G. (1983), *Principles of pragmatics*, Longman, London, UK, New York, USA.
- Rathmair, R. (2003), *Pragmatika izvineniya* [Pragmatics of an apology], Languages of Slavic culture, Moscow, Russia.
- Sharonov, I. (2003), "A clash of etiquette. Ceremony and simplicity in communication", *Moscow linguistic journal*, vol. 7, no. 2, pp. 151–175.
- Soren, F. (2016), "Courtesy and compliments in Iran", *Journal of Iranian Studies*, no. 1, pp. 105–124.
- Tavernier, J.B. (1984), *Travelogue of Tavernier*, Sanai Library, Tehran, Iran.

Информация об авторе

Фатэмэ Ахмади Бэни, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ahmadi.f@ut.ac.ir

Information about the author

Fatemeh Ahmadi Beni, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ahmadi.f@ut.ac.ir

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 24.09.2022.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 9,9. Усл. печ. л. 9,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1591

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru